ИЮНЬ 2011 г. • № 6 (257)

ISSN 2074-2975

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

Россия: многообразие цивилизаций и собственная цивилизационная проектность

О. ИВАНОВ

Внешняя и оборонная политика КНР

Н. ШМЕЛЕВА

Миграционная политика Н. Саркози

С. РЫБАКОВ

Накануне гитлеровской агрессии

А. ЦВЕТКОВ

Лицом к лицу с фашистской Германией

Влияние кризисных ситуаций в Южном Средиземноморье на европейскую безопасность

ISSN 2074–2975 июнь 2011 № 6 (257)

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Виртуальное пространство политики и его особенности 5

С. Володенков

Рассматривая вопросы виртуализации современного публичного политического пространства и связанные с этим проблемы демократического развития государств, автор отмечает манипулятивную роль современных СМИ и останавливается на вопросах безопасности информационного пространства.

Россия: многообразие цивилизаций и собственная цивилизационная проектность 17

В. Штоль

Критикуя идеологему «Россия – часть Европы», поддерживаемую рядом известных ученых, автор отмечает противоречие такого подхода цивилизационному и геополитическому генезису России. По его мнению, этот генезис обусловлен стратегическим союзом славянско-православного и тюрко-исламского начал, а также пространством Евразийского Хартленда.

Влияние кризисных ситуаций в Южном Средиземноморье на европейскую безопасность 33

А. Бойко

Анализируя позиции западных стран с точки зрения современной эскалации угроз безопасности Средиземноморского региона, автор рассматривает комплекс экономических и политических интересов Евросоюза и НАТО, обусловивших их вмешательство в кризисные ситуации на Юге Средиземноморья, а также причины развивающихся конфликтов между властью и оппозицией в арабских странах.

Бен Ладен – явление в современной политике 41

А. Бакланов

На основе личных наблюдений автора, анализируются факты, раскрывающие особенности той роли, которую играл в международном террористическом сообществе на протяжении последних 20 лет Усама бен Ладен.

Автор выдвигает свою концепцию структуры «террористического интернационала», а также высказывает соображения, касающиеся источников и путей финансирования террористических группировок и объединений.

Внешняя и оборонная политика КНР 48

О. Иванов

Рассматривая американские взгляды на некоторые аспекты внешней и оборонной политики Китая в АТР, автор определяет узлы противоречий в американо-китайских отношениях в этой области, а также анализирует американское восприятие военной модернизации КНР и ее влияние на национальные интересы США в Юго-Восточной Азии.

Принципы иммиграционной политики Н. Саркози 57

Н. Шмелева

Проблема иммиграции приобретает все большую остроту в Европе, в частности во Франции. Главный вопрос, стоящий перед страной, – интеграция иммигрантов из нехристианских и неевропейских стран. Для преодоления раскола, грозящего Франции в связи с этой проблемой, была выработана новая стратегия – избирательная иммиграция.

Хотя нельзя говорить о радикальном решении проблем, связанных с иммиграцией, но новые принципы иммиграционной политики Н. Саркози начинают менять ситуацию, и наметившиеся тенденции позволяют с бóльшим оптимизмом относиться к возможным перспективам в этой области.

Россия – Япония: настоящее в ретроспективе прошлого 67

В. Галицкий

В статье рассматриваются наиболее значимые факты из истории взаимоотношений России (СССР) и Японии в период Второй мировой войны; система морально-политического воспитания японских военнослужащих перед и во время Второй мировой войны и ее влияние на психологию японских военнопленных, содержавшихся в советском плену.

Лицом к лицу с фашистской Германией 81

А. Цветков

Анализируя агрессивную политику Германии накануне Великой Отечественной войны, ее непосредственные приготовления к войне против СССР, автор определяет меры Советского Союза по подготовке к отражению фашистской агрессии.

Накануне гитлеровской агрессии 90

С. Рыбаков

Тема нападения гитлеровской Германии на Советский Союз несёт на себе отпечаток неоднозначности и полемичности. Существует версия о вторжении вермахта на территорию СССР как о полной неожиданности для руководства нашей страны. Факты реальной истории вскрывают несостоятельность этих взглядов. Запущен и полярно противоположный миф, связанный с попыткой возложить вину за развязывание войны на Советский Союз и тем самым приравнять его к нацистской Германии.

Архивные материалы и прямые свидетельства таких политических фигур, как премьер-министр Великобритании Черчилль и нацистский пропагандист Геббельс, опровергают этот миф.

Рецензия

Неэкономические грани экономики: неосознанное взаимовлияние 110

В. Кривошеев

Раскрывая содержание коллективного труда ученых, публицистов, общественных деятелей «Неэкономические грани экономики: неосознанное взаимовлияние», посвященного выявлению неочевидных взаимозависимостей экономики, политики, социальных институтов, нравственности, морали, автор отмечает, что это обширное по охвату проблем междисциплинарное исследование захватывает смелостью, неординарностью и остротой суждений о состоянии экономики и общества современной России.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕРЕМЕНКО И. Н. – исп. директор, к. т. н.; НОВИКОВ Ю. Д. – зам. гл. редактора; АБАШИДЗЕ А. Х. – д. ю. н., проф.; БЕРКОВ А. А. – к. ю. н.; БОЙКО Ю. П. – д. п. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. – д. п. н.; ГУСЬКОВА Е. Ю. – д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. – д. п. н., проф.; ЗИМЕНКОВ А. Л. – д. п. н.; КОМАРОВ И. К. – д. э. н.; КРУГЛОВ В. В. – д. в. н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С. Г. – д. п. н., проф.; ОРЛОВ А. А. – к. и. н.; ПАВЛЕНКО В. Б. – д. п. н.; ПЛЯЙС Я. А. – д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А. И. – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ.

Научно-редакционный совет

АРИСТОВ В. В. – член-корреспондент РАН

ГАБАРАЕВ Б. А. – доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ

ГАЛОГАНОВ А. П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ

ГРИБ В. В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России

ДЕЛЯГИН М. Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор

ЖУРКИН В. В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН

ЗОРИН В. С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор

ИВАШОВ Л. Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор

ИВЛИЕВ Г. П. – депутат Госдумы ФС РФ, председатель комитета по культуре

КРЕМЕНЮК В. А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор

ЛАДЫГИН Ф. И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник

МУРАДОВ Г. Л. – первый заместитель руководителя департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы, председатель правления фонда международного сотрудничества им. Юрия Долгорукова, кандидат исторических наук

ПЕТРАКОВ Н. Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН

ПИВОВАРОВ Ю. С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН

ПРИМАКОВ Е. М. – академик РАН

СУХАРЕВ А. Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор

ТИТАРЕНКО М. Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН

ТОРКУНОВ А. В. – ректор МГИМО (У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН

ШАХНАЗАРОВ К. Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»

ЩЕРБАКОВ И. А. – директор Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор

ЯКОВЛЕВ В. Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Виртуальное пространство политики и его особенности

Сергей Володенков

Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет.

Экклезиаст

В конце концов живых политиков окончательно вытеснят их образы в СМИ.

Маршалл Маклюэн

Мы живем не в мире, о котором у нас есть какая-то информация. Напротив, мы обитаем в мире, созданном информацией.

Мишель Фуко

Тенденция виртуализации публичной политики отмечается специалистами в области политической коммуникации и политического управления уже достаточно давно. В современной политической практике для взаимодействия с обществом и воздействия на массовое сознание все интенсивнее применяются разнообразные виртуальные конструкции, используемые в качестве инструмента для влияния на общественно-политические процессы и управление ими.

С развитием традиционных СМИ в XX в. в политической практике сформировался универсальный подход, в рамках которого вертикальная коммуникация – от государства к массам – стала выстраиваться на основе создания определенных виртуальных моделей, которые необходимы для формирования у общества представления о реальных политических процессах, и трансляции этих моделей в об-

---

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович – кандидат политических наук (факультет политологии МГУ им. М. В. Ломоносова). *E-mail:* s.v.cyber@gmail.com

Ключевые слова: виртуальная политика, медиатизация политики, политическая коммуникация, симулякры, политическая манипуляция, общественное мнение, распределение власти.

щественное сознание посредством средств массовой коммуникации. При этом сама виртуальная модель может никак не соотноситься с реальными субъектами, которые она должна репрезентовать, что во многих случаях и происходит, особенно в рамках политической манипуляции общественным сознанием.

О роли СМИ в создании и трансляции в общественное сознание такого рода виртуальных моделей говорили многие специалисты в области политической коммуникации и ученые-политологи.

В XX в. в политической практике сформировалась устойчивая тенденция, которая связана с медиатизацией и виртуализацией современной публичной политики, а следовательно, политиков и политических партий.

Еще основоположники теории информационного общества стали одними из первых, кто обратил внимание на тенденцию медиатизации политики. Представление о том, что СМИ начинают подменять собой политические партии, лоббистские и общественно-политические организации, а также концепция формирования медиаполитических систем стали широко использоваться не только для теоретического анализа политических процессов, но и для непосредственного осуществления политики.

О роли политической коммуникации в формировании полезных и выгодных для информационной элиты, или дейтократии, которая, по мнению К. Дойча, контролирует реальные политические институты и властные механизмы, виртуальных моделей, много писали неомарксисты (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Г. Шиллер, Ю. Хабермас). Они считали основой стабильности современного капиталистического общества создание достаточно эффективной системы идеологического и политического господства капитала, обеспечивающей массовую политическую лояльность. При этом СМИ в этой системе выступают в качестве инструмента идеологического контроля над рабочим классом. В результате достигается необходимый контроль над трудящимися со стороны капиталистической элиты, контролирующей СМИ.

В связи с этим, по мнению Герберта Маркузе, только путем разрушения традиционных средств массовой информации, и в первую очередь телевидения, возможны подрыв стабильности и разрушение сложившейся политической системы в рамках современного капиталистического общества, так как в этом случае идеологический контроль над сознанием людей будет устранен и противоречия системы разрушат ее сами[1].

Герберт Шиллер тоже считал, что политические коммуникации играют ключевую роль в обеспечении стабильности современного общества, позволяя формировать такие политические мифы, с помощью которых удается сохранить господство политической элиты в современном государстве.

О виртуальных моделях-симулякрах, которые могут репрезентовать даже то, чего на самом деле вообще не существует, писал и известный постмодернист Ж. Бодрийяр. Неслучайно его работа «Симулякры и симуляция» получила такую известность и завоевала популярность в мировом масштабе.

По сути, сегодня управляемое при помощи средств массовой коммуникации общество живет в коммуникационном пространстве, сотканном из множества стереотипов, мифов, иллюзий, симулякров, которые можно объединить в единый класс виртуальных моделей. И вся современная политическая борьба «за умы» разворачивается в коммуникационном пространстве и в первую очередь заключается в воздействии на общественное сознание, для работы с которым и создаются при-

влекательные образы, порой не имеющие ничего общего с реальными субъектами политики и призванные удовлетворить запросы и ожидания широких масс населения*. Чем привлекательнее такой образ, тем он считается успешнее и тем дороже ценится на рынке, будь то рынок экономический или политический.

И здесь мы видим одну из серьезнейших проблем для демократического развития в целом.

В таком случае население демократических стран, являясь источником власти, больше не формирует реальные демократические институты, а выбирает одну из предложенных на политическом рынке виртуальных моделей, наиболее яркую, но не всегда наиболее эффективную и отвечающую интересам общества.

В итоге, сегодня человек живет не столько в реальном мире, сколько в коммуникативном пространстве, в рамках которого создаются различные виртуальные конструкции, определяющие жизнь большинства людей и формирующие представление об окружающем их мире, в том числе и мире политическом, на основе этих виртуальных конструкций. С полной уверенностью данный тренд можно отнести и к сфере публичной политики.

Сегодня современная публичная политика также становится все более и более медиатизированной и виртуальной. В рамках современной публичной политики для проведения социального контроля основная деятельность осуществляется на уровне оперирования искусственно конструируемыми образами, или же симулякрами, воспроизводящими и транслирующими смыслы, неадекватные реально происходящим событиям, если пользоваться терминологией Ж. Бодрийяра, начиная от их создания и заканчивая их трансляцией в общественное сознание. При этом, по мнению Бодрийяра, идеологии тоже больше не существует, ее также заменяет симуляция. И эти виртуальные симуляции транслируются преимущественно через средства массовой информации и коммуникации.

Такого рода виртуальные конструкции все в большей степени влияют на реальные политические процессы, не только подменяя собою реальное пространство для широких слоев населения, но и активно формируя его, в том числе и непосредственно для власти.

Ведущую роль виртуальных моделей в политическом управлении отметил и заместитель главы Администрации Президента России Владислав Сурков, который, выступая перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров партии «Единая Россия» (февраль 2006 г.), заметил, что по мере развития демократии информационная борьба за умы обостряется и «по мере развития демократии сила силы сменяется на силу слова»[2].

В графическом виде схему подмены реальных субъектов политики виртуальными конструкциями дана на рис. 1.

Работы по конструированию либо коррекции виртуального образа субъекта политической кампании и его дальнейшей трансляции являются одним из ключевых направлений деятельности в рамках любой современной политической кампании, без которых невозможно сформировать необходимое представление о политическом субъекте целевыми аудиториями и, следовательно, общественное мнение по поводу данного политического субъекта.

---

* Вся современная публичная политика выстроена на конкурировании в политическом пространстве нескольких виртуальных брендов, смена которых зачастую не приводит к смене тех реальных людей, которые стоят за данными брендами.

Рис. 1. Модель замещения реального субъекта политической кампании его виртуальным образом для организации информационного воздействия на целевые аудитории

Современные СМИ, выступая в качестве основных каналов массовой коммуникации с целевыми аудиториями, имеют сегодня достаточно высокий потенциал, необходимый для активного влияния как на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий, так и на их отношение к политике в целом. Во многом от позиции СМИ зависит позиция большинства членов общества по тому или иному политическому вопросу.

И именно поэтому средства массовой информации называют четвертой властью. Интерпретация событий журналистами и СМИ способна сформировать по поводу одного и того же события совершенно разные модели восприятия в общественном сознании в зависимости от точки зрения, которой придерживаются СМИ, чьи интересы они выражают.

Особо важную роль в этом процессе традиционно играет телевидение.

Неслучайно известный российский специалист в области политической психологии Е. Б. Шестопал выделяет телевидение как ключевое средство массовой информации, использующееся для осуществления политического управления в современных государствах.

Как пишет Е. Б. Шестопал, «самое удивительное даже не в том, что во всем мире населением сегодня управляют с помощью телевизионного пульта, а то, что и сама власть верит только в то, что прочтет в свежей газете или увидит в выпуске теленовостей»[3].

Позицию Е. Б. Шестопал подкрепляют и данные последних опросов, проведенных фондом «Общественное мнение» (ФОМ), согласно которым более 71 % населения России

доверяет телевидению как источнику информации, а новости из теленовостей узнает 86 % россиян[4].

Аналогичной позиции придерживается и Н. Анохина, которая отмечает, что в России телевидение играет ведущую роль в политических кампаниях. Телевидение обладает огромными возможностями для формирования мировоззрения избирателей и управления им. Необходимым условием для создания такой ситуации является доминирующая позиция того или иного канала и эксплуатация этого СМИ для политических целей[5].

Именно СМИ сегодня формируют для общества картину мира, что делает их основным инструментом и каналом политического управления общественным сознанием.

СМИ добывают информацию, отбирают ее, выбирают способы трансляции, распространяют в определяемых самими же СМИ доступных для быстрого и легкого восприятия формах, сами же ее комментируют. **На сегодняшний день СМИ сформировали законченный цикл производства и потребления информации в масштабах целых государств.**

Кроме того, в условиях, когда поток информации огромен, разнообразен и противоречив, именно от СМИ зависит, к каким событиям, процессам, политикам будет обращено внимание общественности, как и по каким критериям будет проинформировано общество по поводу тех или иных общественно значимых фактов, как и в чьих интересах они будут освещены и прокомментированы.

И общество с готовностью пользуется информационными продуктами, подготовленными средствами массовой информации.

Как пишет С. Батлер, «общественность покупает свои мнения так же, как покупают молоко, потому что это дешевле, чем держать собственную корову. Только тут молоко состоит в основном из воды»[6].

Таким образом, у СМИ появляются фантастические возможности в сфере политического управления и манипуляции общественным сознанием, в том числе и в сфере политики.

Неслучайно Эрик Фромм считал, что политическая манипуляция лишает человека способности составить целостную картину мира, подменяет ее абстрактной мозаикой из тенденциозно связанных между собой фактов[7].

М. Паренти по поводу роли СМИ в современном обществе писал так: «СМИ отбирают бóльшую часть информации и дезинформации, которыми мы пользуемся для оценки социально-политической действительности. Наше отношение к проблемам и явлениям, даже сам подход к тому, что считать проблемой или явлением, во многом определены теми, кто контролирует мир коммуникаций»[8].

Иными словами, общественно значимой проблемой становится то, чтó в качестве таковой определяется средствами массовой информации. В мире постоянно происходит множество событий, но событиями в аспекте общественной значимости они становятся только при помощи СМИ, которые сами определяют, что значимо для общества, а что нет, привлекая внимание массовой аудитории к необходимым событиям и умалчивая нежелательные.

По большому счету, в социальной, общественной, политической сферах сегодня «реально» существует для массовой аудитории только то, что отражено в СМИ, только то, что существует в информационном пространстве. Если информация о событии, явлении или процессе не транслирована на массовую аудиторию с помощью СМИ, то для общества данное событие, явление, процесс попросту не существуют.

Если этого нет в новостях – значит, этого нет вообще. В связи с этим *умолчание* выступает в настоящее время одним из мощнейших инструментов ма-

нипуляции общественным сознанием.

Таким образом, посредством СМИ в общественном сознании существенным образом трансформируется представление о реальной действительности, что является основным эффектом манипулятивного воздействия.

Как пишет Р. Борецкий, «под пропагандистской манипуляцией следует понимать преднамеренное отклонение массового сознания от реальной действительности»[9].

Например, суть современной манипуляции состоит даже не в том, чтобы сформировать выбор того или иного политика или политической партии в избирательной кампании, а в том, чтобы сконструировать такую реальность, в рамках которой электорат вообще воспринимает выборные институты и выборные процедуры как единственно легитимную и эффективную форму выражения воли народа, признает те условия, нормы и правила игры, установленные правящей политической элитой, даже если этот самый режим не пользуется поддержкой.

Помимо управления информированием массовой аудитории о происходящих событиях СМИ также активно используются для формирования определенного отношения общества к освещаемым событиям (оценка события также определяется СМИ и может варьироваться от резко негативной до одобрительной и восторженной).

Помимо этого, посредством СМИ в обществе задаются определенные стандарты, нормы и модели поведения, а также массовые предпочтения, выгодные для субъекта манипуляции, формируются стереотипы восприятия политической действительности и соответствующие им установки, политическое сознание в целом, а также внедряются строго определенные политические ценности.

Так, В. Самохвалова пишет: «Сознание массового человека оказывается насквозь структурировано немногими, но настойчиво внедряемыми в него утверждениями, которые, бесконечно транслируясь средствами информации, образуют некий невидимый каркас из управляющих мнений, установлений, ограничений, который определяет и регламентирует реакции, оценки, поведение публики»[10].

В свою очередь, по мнению М. Лернера, у современного человека «возникает полная мешанина понятий, и никакой взаимосвязи событий. Единственная система, в которую он способен подставить отдельные факты, — это система стереотипов, уже сложившихся у него в голове. Это система, ориентированная главным образом на соревнование и борьбу, где понятия добра и зла принимаются на веру»[11].

И действительно, у большинства людей возникает потребность в упорядочивании того политического хаоса, который они видят вокруг себя, в связи с чем предлагаемые манипуляторами простые и понятные модели-стереотипы являются востребованными со стороны общества.

Говоря о роли СМИ в осуществлении политического управления общественным сознанием, также следует уделить внимание такой сфере деятельности СМИ, которая непосредственно связана с формированием виртуальных моделей, как создание мифов, о которых известный американский специалист в области политической пропаганды и автор книги «Техника пропаганды в мировой войне» Г. Лассуэлл, отводивший мифам* в политической пропаган-

* Под подобного рода мифами, создание которых становится целью манипулятора, американский социолог Г. Лассуэлл подразумевает комплекс идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности.

де важнейшую роль, дал следующее определение: «Политический миф – это комплекс идей, которые массы готовы рассматривать в качестве истинных независимо от того, истинны они или ложны в действительности».

Известных российские специалисты-политологи В. П. Пугачев и А. И. Соловьев также подчеркивают важное значение политических мифов при воздействии на общественное сознание, замечая, что технологии политического манипулирования обычно основываются на систематическом внедрении в массовое сознание социально-политических мифов иллюзорных идей, утверждающих определенные ценности и нормы и воспринимаемых преимущественно на веру, без рационального, критического осмысления[12].

Аналогичное мнение по поводу весьма значимой роли политических мифов в управлении общественным сознанием высказал и известный специалист Герберт Шиллер, который в своей работе «Манипуляторы сознанием» выделил пять ключевых социальных мифов, которые обеспечивают стабильное функционирование США, а также существующие в американском государстве политический режим и общественный порядок[13].

До последнего времени виртуальные образы создавались посредством трансляции необходимого контента в традиционных СМИ в рамках массовой коммуникации. Сегодня данный подход по-прежнему является доминирующим при осуществлении информационной работы в рамках политического управления общественным сознанием.

Однако в условиях происходящей сегодня в мире информационно-коммуникационной революции появляются и новые способы и каналы массовой коммуникации, в первую очередь в Интернете, которые могут повлиять на изменение традиционных моделей массовой коммуникации в политическом управлении.

Можно констатировать, что на сегодняшний день доступные для коммуникации новые технологии существенным образом изменили, и будут изменять, в технологически развитых демократиях и способы воздействия на общественное мнение в рамках современных политических кампаний, все активнее проникая в основные сферы жизни общества, трансформируя способы коммуникации как внутри его, так и между обществом и властью, изменяя модели поведения как коммуникаторов, так и целевых аудиторий коммуникации, что неизбежно приведет, и уже приводит, к существенному изменению способов и моделей ведения современных политических кампаний.

Можно поставить ряд вопросов, ответы на которые помогут осмыслить ту роль новых форм политической коммуникации, которую они будут играть уже в ближайшем будущем.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что новые средства коммуникации непосредственным образом могут влиять на изменение нашего восприятия окружающей реальности.

Так, известный американский теоретик в области массовой коммуникации П. Хейер считал, что средства хранения и передачи информации не являются нейтральными, а «способ организации и передачи наших знаний о мире сильнейшим образом влияет на природу восприятия мира и то, каким образом мы познаем мир»[14].

Данное представление во многом созвучно известному маклюэновскому выражению: *«The medium is the message»* (средство коммуникации – это сообщение).

В свою очередь, еще один сторонник медийной теории, известный специалист Р. Дейберет в своей книге «Пергамент, печать и гипермедиа: коммуникации в процессе трансформации мирового порядка» пишет: «...поскольку коммуникации являются жизнен-

но важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей»[15].

При этом традиционные модели массовой коммуникации предполагают асинхронную коммуникацию (преимущественно вертикальное информирование общества сверху вниз). При этом сама масса рассматривается как аморфная, неструктурированная, не обменивающаяся информацией друг с другом совокупность индивидов. Кроме того, в классическом понимании масса внесоциальна – в ней нет границ между социальной, религиозной, демографической принадлежностью.

Безусловно, структурирование масс существует, и еще Лазарсфельд показал некую структурированность масс вокруг лидеров общественного мнения. Однако на практике определить основания и признаки структуры в традиционном обществе достаточно трудно.

Если же посмотреть на современное интернет-сообщество, то его уже нельзя назвать массой, даже несмотря на многомиллионную аудиторию пользователей Интернета.

В первую очередь, интернет-сообщество великолепно структурировано на уровне горизонтальных связей и не является той аморфной массой, модели коммуникации с которой разрабатывались в рамках классических теорий политической коммуникации.

Функционирование многочисленных тематических сообществ в онлайн-пространстве структурирует интернет-пользователей по группам, в которых можно в большинстве случаев четко выделить социальные, демографические, религиозные и иные характеристики, что также выделяет интернет-сообщество в отдельный феномен современной общественной жизни.

Таким образом, мы можем констатировать, что интернет-сообщество – это не масса в ее традиционном понимании и классическое представление о массе требует своей актуализации для огромной аудитории онлайн-пользователей, а в условиях доминирования в интернет-пространстве горизонтальных коммуникаций между пользователями традиционные модели асинхронной массовой коммуникации не будут работать либо же будут работать с непредсказуемым результатом, что, по нашему мнению, неизбежно приведет к необходимости смены моделей массовой политической коммуникации.

Иными словами, традиционные каналы массовой коммуникации или не оказывают необходимое воздействие на сетевое сообщество, или же оказывают его специфическим образом, который до конца не изучен. *Сама постановка вопроса о том, как традиционные СМИ воздействуют на онлайн-сообщество, сегодня практически отсутствует в политическом дискурсе.*

В результате изучения современного опыта коммуникации в интернет-пространстве можно сделать предположение, что на уровне горизонтальных связей в процессе горизонтальной коммуникации *возникает собственный сетевой контент, который отличается от транслируемого посредством традиционных средств массовой коммуникации.*

Поэтому *восприятие тех или иных процессов, событий, субъектов политики начинает различаться существенным образом* с представлением, которое формируется в рамках традиционных моделей массовой коммуникации. Неслучайно рейтинги различных политиков и партий, а также отношение

к ним в офлайн- и онлайн-пространствах существенным образом различаются уже сегодня, то есть мы наблюдаем дифференциацию людей по их представлениям относительно реальной действительности.

Еще известный итальянский философ Умберто Эко прогнозировал разделение общества на две группы по способу потребления информации: тех, кто смотрит только телевидение, то есть получает готовые образы и готовое суждение о мире, потребляет готовый информационный продукт без критического осмысления получаемой информации, и тех, кто будет способен отбирать и обрабатывать информацию посредством компьютера.

Тем самым начинается разделение культур, существовавшее во времена Средневековья: между теми, кто способен был читать рукописи и, значит, критически осмыслять религиозные, философские и научные вопросы, и теми, кто воспитывался исключительно посредством образов в соборе – отобранных и одобренных их творцами[16].

И по мере увеличения численности интернет-пользователей, отказывающихся от потребления информации посредством традиционных каналов коммуникации, дифференциация в представлениях, в том числе и политических, у части общества, потребляющей информацию из онлайн-источников, и у части общества, традиционно приверженной классическим каналам массовой коммуникации, будет все более нарастать.

Учитывая же тот факт, что в офлайн-пространстве государство сегодня доминирует за счет монополии на основные СМИ, а в Сети существует конкуренция и здесь государство сегодня не имеет доминирующего положения, можно сделать вывод о том, что различия в представлениях офлайн- и онлайн-пользователей становятся еще более серьезными.

Таким образом, мы можем предположить, что информационно-коммуникационная революция и развитие новых технологий и средств коммуникации самым непосредственно изменяет массовое восприятие реальности, в том числе и политической, что непосредственно уже сегодня влияет на эффективность политического управления обществом посредством традиционных инструментов, ставя перед государствами и политическими институтами проблему выработки новых подходов к политической коммуникации с массами. И недооценка последствий внедрения современных информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь может стать мощнейшим фактором дестабилизации политической системы, связанной с резким падением эффективности классических массовых моделей управления общественным сознанием.

Кроме того, сегодня можно прогнозировать, что уже в ближайшем будущем мы можем столкнуться с проблемой разделения общества на две группы по представлениям относительно одних и тех же процессов, событий, политиков. И какие политические последствия это разделение принесет для нашего будущего, является актуальным вопросом, требующим своего пристального изучения.

И нам еще предстоит выявить и проанализировать те долгосрочные тенденции в изменении общественного сознания, которые связаны с внедрением в современную практику новых технологий массовой коммуникации. Очевидно одно: политический процесс и политическое управление, ориентированные на использование традиционных каналов массовой коммуникации, будут вынуждены все больше и больше трансформироваться по мере появления и распространения все новых и новых каналов массовой политической коммуникации в интернет-пространстве.

Еще одним немаловажным вопросом является то, *кто именно будет формировать виртуальную реальность и создавать в онлайн-пространстве те виртуальные модели, посредством которых сегодня осуществляется политическое управление массами.*

Если традиционные СМИ контролируются так называемой информационной элитой и во многих случаях государственные институты власти обладают монопольным правом на осуществление массового информационного воздействия на общество, то с кем придется конкурировать доминирующим сегодня в офлайне политическим силам в онлайн-пространстве, каким образом будет осуществляться эта конкуренция и приведет ли она к вытеснению альтернативных поставщиков информации и монополизации онлайн-ресурсов и каналов коммуникации подобно тому, как монополизированы сегодня офлайн-средства массовой коммуникации?

Неслучайно известный основатель концепции постиндустриального общества Д. Белл основной политической опасностью в развитии информационно-коммуникационных технологий считал то, что политическая элита, контролирующая СМИ и современные информационные ресурсы, может управлять распространением информации, либо скрывая важные сведения от общества, либо же наоборот, распространяя, в том числе и незаконно, информацию, имеющую отношение к частной жизни неугодных оппонентов. В любом случае речь идет о манипулировании общественным мнением в огромных масштабах посредством управления информацией.

Как, в свою очередь, отмечает известнейший немецкий специалист-политолог Клаус фон Байме, «иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть»[17].

По мнению российского политолога М.Н. Грачева, деятельность меньшинства, имеющего контроль над информационными ресурсами, по созданию неравномерного доступа* к информации представителей различных социальных групп, когда подвластное «наблюдаемое» большинство будет вынуждено довольствоваться сведениями, тенденциозно подобранными соответствующими службами по указанию и под контролем властвующего меньшинства, стремящегося «дозировать» степень собственной «видимости» с тем, чтобы выйти из ситуации информационного риска, может стать реальной угрозой для онлайн-пространства.

Если же монополии на медийные онлайн-ресурсы и каналы коммуникации государственным институтам власти в онлайн-пространстве добиться не удастся, то к каким политическим последствиям в аспекте перераспределения власти в обществе это может привести?

Кто будет конкурировать в новой виртуальной среде с традиционными институтами власти в аспекте создания образов, символов, моделей, симулякров?

Как это будет влиять на политическую стабильность государств в целом?

И здесь видна очередная потенциальная угроза: в соответствии с законом Эшби одно разнообразие можно победить только бóльшим разнообрази-

---

* Особую актуальность данная проблема приобретает в России в условиях неравномерного развития современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, к возможностям которой сегодня имеют доступ в основном жители крупных городов, а в ряде регионов, например на Дальнем Востоке, доступ к Интернету стоит значительно дороже, чем в Европейской части страны.

ем. *Если государство самостоятельно не создает символы и смыслы, то возникает угроза того, что этим займутся внешние субъекты в собственных интересах. И субъекты, обладающие высокой степенью разнообразия, будут способны конкурировать в онлайн-пространстве с традиционными институтами власти, подрывая их влияние и наполняя Интернет собственными символами, смыслами и симулякрами.*

Очевидно, что субъект, обладающий более разнообразным арсеналом средств для коммуникации с целевыми аудиториями, имеет явное преимущество при работе в информационном пространстве по сравнению с субъектом, ограниченным в выборе средств, каналов и технологий коммуникации, что, несомненно, представляет определенную угрозу с позиций обеспечения информационной безопасности в масштабах целого государства, которое не развивает современные коммуникационные технологии.

В связи с этим уже сегодня для обеспечения информационной безопасности и защиты от внешнего влияния государство должно заниматься развитием методов работы в онлайн-пространстве и повышением их разнообразия.

Поэтому необходимость наличия развитой коммуникационной инфраструктуры и активное ее использование в государственно-политическом управлении являются на сегодняшний день одним из критичных условий для обеспечения политической стабильности и информационной безопасности государства*, так как в случае отсутствия собственной коммуникационной инфраструктуры и навыков ее использования для информационной работы с гражданами любое государство подвергает себя риску потери контроля над собственным информационным пространством, что чревато в условиях глобализации мира весьма серьезными последствиями.

И неслучайно в ответ на потенциальные угрозы в онлайн-пространстве в Сединенных Штатах с 2009 г. в составе вооруженных сил США ускоренными темпами формируется Объединенное кибернетическое командование *(Unified U.S. Cyber Command)*, подчиненное Стратегическому командованию Соединенных Штатов, а Военно-морские силы США 26 января 2010 г. создали специальные кибервойска *CYBERFOR*[19].

Незадолго до этого аналогичное подразделение, в состав которого вошли военно-коммуникационные отряды, было создано и американскими Военно-воздушными силами[20].

При этом в США уже несколько лет действуют еще две структуры министерства обороны — Объединенная группа по операциям в глобальной сети *(Joint Task Force — Global Network Operations, JTF-GNO)* и Объединенное командование структурных компонентов сетевых боевых действий *(Joint Functional Component Command — Network Warfare, JFCC-NW)*.

Первая решает вопросы непосредственного обеспечения безопасности компьютерных сетей Пентагона. Вторая занята подавлением активности враждебных США государств в Интернете и других электронных сетях. В ее задачи входит взлом вражеских компьютерных сетей и охрана электронных коммуникаций Министерства обороны[21].

Как можно увидеть, уже сегодня американцы уделяют вопросам безопасности в онлайн-пространстве серьезнейшее внимание на государственном уровне.

---

* В данном случае уместно говорить и об обеспечении национальной безопасности в целом. Неслучайно в октябре 2008 г. спецслужбы США стали рассматривать *Twitter* как возможную площадку для контакта террористов[18].

Безусловно, существуют и иные проблемы, связанные с онлайн-пространством, требующие внимательнейшего рассмотрения научным сообществом. Некоторые вопросы, возникающие с развитием интернет-технологий и их влиянием на офлайн-пространство еще только начинают ставиться или же не поставлены вообще. Мы рассмотрели лишь весьма незначительную часть тех вопросов, которые возникают в связи с бурным развитием новых форм политической коммуникации. Однако даже анализ малой части тех угроз и вызовов, которыми сопровождается информационно-коммуникационная революция в мировом масштабе, приводит нас к выводу о необходимости серьезнейшего изучения вопросов относительно того, какое влияние революционные изменения окажут на современное государство, общество, процессы перераспределения власти внутри его, роли традиционных средств массовой коммуникации, а также на трансформации классических моделей политического управления обществом и массовым сознанием.

Примечания

1 *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: АСТ, 2009. С. 110.

2 http://www.kreml.org/media/111622794

3 *Шестопал Е. Б.* Политическая психология. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 273.

4 http://infox.ru/authority/mans/2010/09/02/Rossiyanye_vyeryat_T.phtml

5 *Анохина Н. В.* Влияние средств массовой информации на электоральное поведение: основные подходы // Социология. 2005. № 1. С. 19.

6 *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО, 2009. С. 163.

7 *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. С. 61.

8 *Паренти М.* Демократия для немногих. М., 1990 // цит. по: *Цуладзе А. М.* Политические манипуляции, или Покорение толпы. М.: Книжный дом «Университет», 1999. С. 192.

9 *Борецкий Р.* В бермудском треугольнике ТВ. М., 1998. С. 75.

10 *Самохвалова В.* «Массовый человек» – реальность современного информационного общества // Материалы конференции «Проблема человека: мультидисциплинарный подход». М., 1998. С. 98.

11 *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. С. 217.

12 *Пугачев В. П., Соловьев А. И.* Введение в политологию. М., 2000. С. 226.

13 *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М., 1980. С. 174.

14 *Heyer P.* Communications and History: Theories of Media. Knowledge, and Civilization. N.Y.: Greenwood Press, 1988. P. 14.

15 *Deibert R.J.* Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N.Y.: Columbia University Press, 1997. P. 64.

16 *Эко У.* От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. Отрывки из публичной лекции в МГУ // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 43.

17 Politikwissenschaft: eine Grundlegung/ Hrsg. von Klaus Beyme. Bd. 2. Stuttgard – Berlin – Koln – Mainz. 1987. P. 114.

18 http://www.fas.org/irp/eprint/mobile.pdf

19 http://www.fas.org/irp/eprint/mobile.pdf

20 http://hi-tech.tochka.net/198-v-ssha-sozdali-kibervoyska

21 http://nvo.ng.ru/forces/2009-12-11/14_kibervoiska.html

Россия: многообразие цивилизаций и собственная цивилизационная проектность

Кто мы – часть Запада или самостоятельная цивилизация?

Владимир Штоль

Монография «Россия в многообразии цивилизаций»*, подготовленная авторским коллективом Института Европы РАН, является продолжением большой работы, начатой еще в середине XX в. По своему формату это фундаментальный научный труд, цель которого заключается в исследовании всех или большинства основных аспектов современного глобального развития, связанных с ним тенденций и закономерностей, а также динамики эволюции отдельных субъектов и их места и роли в мировых процессах.

Промежуточные итоги этой большой работы были подведены выходом одноименного доклада в трех частях, появление которого стало заметным событием не только научной, но и политической жизни, а также на посвященном ему круглом столе, проведенном Институтом Европы РАН (март 2008 г.). Поэтому очень важно подчеркнуть, что положения и выводы монографии рождались в достаточно острых дискуссиях, которые велись как внутри авторского коллектива, так и с участием широкой научной общественности.

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор. *E-mail:* observer@nasled.ru

Ключевые слова: Россия, Европа, цивилизация, цивилизационный генезис, цивилизационный проект, геополитика, евразийский «Хартленд», глобализация, перспективы человечества, рецензия.

* Россия в многообразии цивилизаций. Доклад Института Европы РАН. М., 2011. – 892 с.

Достоинством монографии, безусловно, является междисциплинарный подход, которого так недостает очень многим современным научным исследованиям. Авторы справедливо указывают на противоречие между познанием и предпринимательством, в тисках которого оказалась зажатой современная наука. Проявлениями этого противоречия, как следует из работы, являются ее коммерциализация и приоритет конкурентоспособности, преобладание прикладных исследований над фундаментальными и внедрение принципа «платят за то, что продается», уменьшение роли индивидуального творчества в пользу командных форм научной деятельности. И, как следствие, ускоренный рост количества интеллектуалов не в академической, а в прикладной среде, где они концентрируются в банковском и промышленном бизнесе, частных и корпоративных исследовательских центрах и т. д.

Тем ценнее сохранение научных коллективов, которые, подобно авторскому, придерживаются не узкоспециализированного, а комплексного подхода, позволяющего получать обобщенные и систематизированные представления о фактах, событиях, тенденциях и векторе современного развития в страновом, региональном и глобальном контекстах.

Подчеркнем и еще одно важное достижение авторов – оптимальность сочетания теоретических и концептуальных аспектов с практикой, что позволило избежать, к сожалению, нередкого для современной науки дисбаланса между фактологией и уровнем ее анализа.

Отдельно отметим, что многие из приведенных в работе фактов и событий являются уникальными или, по крайней мере, далеко не общеизвестными, что повышает яркость и познавательность монографии и свидетельствует о глубине проделанной работы и высоком профессионализме авторов.

Это относится ко всем трем частям рассматриваемого материала, но в особенности ко второму, содержащему важные и интересные сведения обо всех основных аспектах и этапах эволюции Европы, в том числе о ценностях, общем и особенном в исторических корнях европейских народов, взаимодействие которых способствовало появлению к исходу XX в. такого феномена, как европейская идентичность, роль в ее формировании религиозно-духовных, национальных, государственных, социальных и иных факторов. Во всей глубине исторических особенностей и противоречий показывается процесс строительства европейских наций, который рассматривается в привязке к самой тенденции формирования национального государства как продукта европейского развития, а также роль, сыгранная в этом процессе таким рубежным событием мировой истории, как формирование Вестфальской системы.

Очень глубоко и всесторонне анализируются современные аспекты европейской эволюции, среди которых основное внимание справедливо отведено тем процессам и тенденциям, способствовавшим развитию интеграции Европы и созданию Европейского союза. Подробно раскрыты генезис и основные этапы интеграционных шагов и мер, рассмотренным во всей их противоречивости, обусловленной тесной взаимосвязью противодействующих друг другу тенденций – национального обособления и объединения.

Не ограничиваясь выявлением общеевропейских истоков интеграции, авторы показывают развитие подобных тенденций в каждой крупной стране. Демонстрируются как идеологические истоки интеграционного процесса, так

и многие его конкретные механизмы и взаимосвязь с выдвинутой в начале XX в. идеей создания международных организаций, отвечающих за коллективную безопасность, которыми стали Лига Наций и ООН. На конкретных примерах показано, что именно Европа, которая, с одной стороны, стала узлом международных противоречий, породивших две мировые войны, а с другой – на протяжении многих веков шаг за шагом вырабатывала нормы межрелигиозного, межэтнического и социального общежития, стала оптимальным полигоном отработки моделей трансграничной и транснациональной универсализации.

В сочетании с простым, ясным и доступным языком, которым написана монография, все это обеспечивает ее ценность и как научно-популярной литературы, адресованной широкому кругу читателей, включая, что особенно важно, студентов, аспирантов, начинающих специалистов и в целом интеллектуалов не только гуманитарного, но и технического профиля.

Безусловной заслугой авторского коллектива является большое внимание, неизменно уделяемое цивилизационному подходу, в русле которого была осуществлена первичная разработка рассматриваемой темы, впервые опубликованной в докладе 2008 г. Противопоставляя выдвинутой С. П. Хантингтоном теории «войны цивилизаций» концепцию широкого, взаимодополняющего сотрудничества и взаимодействия в решении глобальных проблем, авторы монографии достаточно убедительно выстраивают цепочку таких взаимосвязанных между собой явлений современности, как «сиамизация» взаимодействующих цивилизаций, которую они видят основным механизмом или «приводным ремнем» глобализации.

«Сиамизация», которая определяется как двусторонний процесс миграции капитала и производственной кооперации, вообще, на наш взгляд, очень удачная терминологическая находка, адекватно и более точно, нежели глобализация и интеграция, описывающая развитие мировых процессов. Вместе с тем следует поспорить с утверждением авторов о стирании с помощью «сиамизации» грани между геополитикой и геоэкономикой, утверждение о котором в работе делается на примере прежде всего американо-китайской «сиамизации», исходя из ее масштабов.

Сугубо методологически геоэкономика – лишь часть геополитики, ибо является одним из инструментов ее осуществления. В условиях глобализации геополитика не сращивается с геоэкономикой, а наряду с ней глобализируется и начинает проводиться в интересах не только отдельных государств, но и региональных и международных блоков, альянсов и союзов, а также ТНК.

Яркое подтверждение этому мы видим в варварской агрессии НАТО против Ливии, обусловленной не столько геоэкономическими причинами (нефть), которые важны, но, безусловно, вторичны, сколько именно геополитическими, связанными с началом практической реализации обнародованного в 2006 г. Пентагоном стратегического плана «Большого Ближнего Востока».

Да и в том, что касается развития отношений между США и КНР, экономическое взаимодействие никак не отменяет геополитического противостояния, приобретающего порой весьма острые формы.

Речь идет о корейском и тайваньском вопросах, поддержке Вашингтоном тибетского и уйгурского сепаратизма, встречающей с американской стороны все более жесткое противо-

действие китайской экспансии в Юго-Восточной Азии и Австралии и т. д.

Такие крупные фигуры в американском и глобальном истеблишменте, как, к примеру, Дж. Най-мл. (североамериканский директор Трехсторонней комиссии), обвиняют Китай в отходе от курса Дэн Сяопина на стратегическое взаимодействие с США.

В вину Пекину ставятся такие действия, как отказ от сотрудничества в климатических вопросах, проявившийся во время XV Конференции сторон рамочной конвенции ООН по изменению климата (декабрь 2009 г., Копенгаген) и некоторые другие[1].

Поэтому если и можно говорить о мутации геополитики, то скорее она протекает в форме ускорения и интенсификации процесса ее перетекания в глобально-управленческую плоскость геостратегии, на что еще в середине 90-х годов указывали такие крупные теоретики и практики глобализации, как Г. Киссинджер («Дипломатия») и З. Бжезинский («Великая шахматная доска»).

Вместе с тем важно, что авторы монографии не переоценивают роли и значения неолиберальной модели глобализации, действительно сталкивающейся с повсеместным возрастающим сопротивлением, и указывают на ее многочисленные противоречия, среди которых выделяют «проблемы совместимости разных цивилизационных укладов и культур, обострение противоречий между курсом ТНК и национальными интересами многих стран <...>», и т. д.

В работе абсолютно верно обращается внимание на пробивающие себе дорогу иные глобализационные модели, пытающиеся предложить «другую» глобализацию, которая мыслится в качестве *«гуманистически-ноосферной»* (по В. И. Вернадскому) *альтернативы.*

Поиск такой альтернативы авторы справедливо начинают не с экономической или политической сфер, а с культуры, признавая тем самым ее роль как универсального средства коммуникативной преемственности и выходя с ее помощью на фундаментальные вопросы современности и будущего.

Посвященный в монографии данному вопросу фрагмент, ввиду его важности, необходимо обсудить более подробно, а для этого процитировать (с. 133). «<...> Духовные скрепы общества не могут оставаться прочными в условиях преобладания зрелищности над оценочными суждениями и отказа от свойственных классической культуре противопоставлений прогресса и регресса, высокого и низкого, морального и аморального. Над „человеком потребляющим", безусловно, нужен **контроль, осуществлять который может** *(sic!)* **либо организованное по бюрократическому принципу, либо самоорганизованное общество.** Последнее, безусловно, предпочтительнее, хотя и значительно труднее достижимо, поскольку подразумевает локальность управленческих действий на разных уровнях социума. **Но в условиях обвального роста сетевых структур и укоренившейся уже к середине XX века массовой культуры об этом можно лишь мечтать»** (выделено. – *Авт.*).

Принципиальность этого вывода трудно переоценить и остается лишь поблагодарить авторский коллектив за такую острую и точную постановку актуальнейшего, если не сказать главного, вопроса современности и обозримого будущего. Раскрывая данную проблематику со ссылкой на крупнейшие научные авторитеты – Нобелевских лауреатов Дж. Стиглица и М. Алле, в монографии показывается не только противоречие между управленческим императивом и ограниченностью возможностей существующей сегодня системы глобального управления, институционально распространяющейся в основном на финансовую сферу, но и подвергается обоснованной критике

концепция сетевого общества или «третьего пути».

Иначе говоря, авторы обсуждаемого труда, рассматривая ширящиеся тенденции глобального развития, считают создание «нечто похожего на мировое правительство» (с. 871) не худшим, хотя и маловероятным вариантом. Кроме того, они честно и откровенно предупреждают читателей, что декларируемый «левоцентристский» характер альтернативных моделей глобализации, жестко критикующих нынешнюю неолиберальную модель, на самом деле никакой альтернативой не является, ибо вместо слияния культур предлагает их интеграцию на мультикультуральной основе механического суммирования. И при этом указывают на поддержку альтернативных моделей глобализации такими неоднозначными в плане репутации международными структурами, как «Горбачев-фонд».

Если говорить еще определеннее, то «альтернативный глобализм» представляется не чем иным, как проектом глобальной «перестройки», о якобы необходимости которой, как мы знаем, сам М. С. Горбачев высказывается настолько определенно и регулярно, что трудно объяснить это одним лишь стремлением этого одиозного деятеля не дать о себе забыть.

В подтверждение неспособности глобализма – официального либо оппозиционного – выдвинуть альтернативу, не связанную с фактическим внедрением «внешнего управления», мы можем привести три соображения.

Во-первых, о неэффективности мультикультурализма совсем недавно (в начале 2011 г.), то есть уже после сдачи монографии в печать, высказались лидеры крупнейших европейских государств – Н. Саркози, А. Меркель и Дж. Кэмерон.

Во-вторых, «сверхнормативная» для мирного времени, по выражению авторов монографии, миграция имеет глобалистские корни и во многом является способом управляемой реализации, сформулированной первым главой ЕБРР Ж. Аттали, концепции номадизма – «нового кочевничества».

Так, по мнению М. Хардта и М. Негри – авторов наделавшей на Западе немало шума книги «Империя», помимо «богатого» номадизма, являющегося синонимом глобальной олигархии, существует и «бедный», действующий в логике «Коммунистического манифеста»[2]. Выводы директора Центра исследований постиндустриального общества (ЦИПО) В. Л. Иноземцева о «перетекании» населения с мировой «периферии» в «центр» и особенно об истоках современного международного терроризма, обусловленного теми же проблемами бедности, что и коммунистическое движение, с которыми солидаризуется авторский коллектив, очень хорошо коррелируются с мнением исследователей, указывающих на сохранение коммунизмом исторической перспективы, обусловленной тесной связью его установок, в том числе идеологических, с исламом[3].

В-третьих, как показывает опыт революций начала 2011 г., прокатившихся по странам арабского Востока, сетевая организация при всем свойственном ей децентрализованном характере сама нередко используется в качестве специфического управленческого режима, когда сетевые центры руководят с помощью не порядка, а хаоса.

Как тонко подмечал упоминаемый авторами М. Кастельс, «<…> сетевая логика влечет появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, мотивирующие само формирование подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти. Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой,

наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим, выступает в качестве важнейших источников власти <...>»[2].

Подобные технологии, как известно, активно разрабатывались в созданном под руководством С. Манна Институте сложности в Санта-Фе (США). «Глобальная взаимозависимость», характеризующая деятельность нынешних структур глобального управления, в модели «управляемого хаоса» заменяется «самоорганизующейся критичностью»[4], а вместе они образуют систему контроля над развитием глобальных процессов, отдаленно напоминающую глобальную двухпартийную модель, в рамках которой порядок ассоциируется с правым, а хаос с левым началом. Смену именно этих парадигм мы, по большому счету, и наблюдаем на примере различий внешнеполитической стратегии США при Дж. Буше-мл. и при Б. Обаме.

Поэтому авторы сами в известной мере вводят в свой труд определенное противоречие, когда говорят о глобализации как о современном этапе глобальной «интернационализации». Ибо подобная интернационализация в целом представляет собой линейный процесс, в то время как сочетание управления с помощью порядка и хаоса выводит на передний план нелинейные зависимости, образующие с линейными сложный конгломерат явлений и тенденций, графическое отражение которого может быть представлено в виде некоей синусоиды. Да и прежние этапы «глобальной интернационализации» линейностью не отличались: существует, например, точка зрения, что в начале XX в. уровень взаимозависимости ведущих государств был даже более высоким, чем в начале XXI в. Поскольку предотвратить военную катастрофу это не смогло, нет оснований полагать, что это окажется по плечу сегодняшней глобализации.

Другое противоречие, на наш взгляд, в негативистской оценке цивилизации как перерождения культуры. С одной стороны, существуют и другие точки зрения. О. Шпенглер и А. Дж. Тойнби признают цивилизацию не низшей, а высшей формой эволюции локальных (национальных, государственных, региональных) культур. Видный исследователь культурной антропологии А. П. Назаретян в рамках синергетического подхода считает культуру функцией цивилизации как неравновесной системы, обеспечивающей ее внутреннюю и внешнюю устойчивость. Одновременно можно назвать и четвертую позицию, правда, крайне поверхностную, которая заключается в постановке знака равенства между цивилизацией и культурой.

С другой стороны, авторы монографии ведь и сами абсолютно верно выделяют в своем исследовании материальный и культурно-исторический аспекты цивилизации. Нетрудно убедиться, что говорить о «перерождении культуры в цивилизацию» – и то ограниченно – можно лишь применительно к материальному аспекту, но никак не к культурно-историческому, связанному с накоплением цивилизационной преемственности и увеличением ее самоценной исторической продолжительности.

Работа авторского коллектива имеет четкую и логичную структуру, в рамках которой последовательно рассматриваются проблемы, обусловленные развитием контактов между цивилизациями и их воздействием на складывающийся миропорядок и его изменения, а также ситуация в Европейском союзе и особенности его взаимоотношений с Россией – двух- и многосторонних, – и пути дальнейшего развития нашей страны.

Все сказанное убеждает нас в том, что недостатки и узкие места работы в целом являются прямым продолжением ее достоинств и, если их обобщить, заключаются в категоричности, можно сказать, императивности исходных установок анализа. В результате этого в рассматриваемой проблематике выделяется приоритетный аспект, которому отводится роль заведомо доминирующего, что формирует условия для идеологизации практических выводов и шагов, которые могут быть сделаны и предприняты в направлении реализации рекомендаций авторского коллектива. Это не снижает научной ценности работы, но вносит в монографию элементы партийности. Причем авторы монографии не скрывают, что апеллируют к так называемым «креативным», «продвинутым» слоям общества, что идеологически сближает представленный ими труд с разработками ряда неакадемических центров, занимающихся продвижением спецпроекта «Модернизация».

Первое, что, на наш взгляд, необходимо отметить, – однозначное причисление России к Западу, представление нашей страны его частью. Авторы признают, что такая точка зрения не единственная и что существуют и другие («Россия – не Европа», «Россия – другая Европа» и т. д.). Но при этом безапелляционно заявляют о наличии у них общего и абсолютного консенсуса по данному, весьма спорному вопросу, что подтверждается содержанием монографии, за исключением тех ее частей, которые принадлежат перу Н. П. Шмелева, В. П. Федорова и А. А. Громыко.

С одной стороны, такое мировидение противоречит объективной реальности, и понимание этого побуждает авторов продвигать эти взгляды в директивной форме, невзирая при этом на буквально кричащие противоречия, например: «В цивилизационном плане Россия, оставаясь евро-азиатской и многоконфессиональной страной, *(sic!)*, безусловно, принадлежит к европейскому типу. Не говоря уж о нашей исторической и *(sic!)* географической принадлежности к Старому Свету <…>» и т. д. (с. 417).

С другой стороны, такая позиция побуждает авторов достаточно уничижительно высказываться о других подходах, признавая их существование и даже доминирование, но при этом объясняя это с сугубо субъективистских позиций. Например: «<…> Уже в конце 90-х годов, но особенно в начале XXI века в российском обществе, тяжело переживавшем национальное унижение, произошел коренной перелом настроений. В официальном дискурсе зазвучали национал-патриотические мотивы. Они находят идеологическую подпитку в подъеме антизападных, клерикальных и почвеннических течений <…>» (с. 208–209).

Демонстрируемый здесь уже открыто идеологический подход, на наш взгляд, безусловно связан с позицией, занимаемой отдельными представителями Института Европы РАН в Совете по внешней и оборонной политике и Совете при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека.

Заявленный еще во введении этот однозначный подход приводит к тому, что на протяжении всей монографии с разных углов зрения рассматривается один и тот же алгоритм выводов, предложений и рекомендаций, которые сводятся к тому, каким именно образом Россия должна встраиваться в Запад, целесообразность чего сомнению не подвергается.

Наглядный пример: перечисление преимуществ членства России в ВТО (С. 440–441). Здесь обсуждаются мно-

гочисленные детали и инструменты, совершенствующие механизм отношений России со странами ЕС, но лишь вскользь упоминаются негативные, причем действительно фундаментальные последствия этого шага.

Например, двукратное увеличение таможенного обложения импорта (при зашкаливающем уровне продовольственной зависимости крупных городов*), обострение конкурентной среды для отечественных предприятий на внутреннем рынке, равнозначное их разорению, жесткие последствия для специализированных отраслей и моногородов, составляющих более половины экономики, и т. д.

Авторы как будто не замечают, что каждый из этих факторов, даже взятый в отдельности от остальных, запросто может послужить детонатором масштабной социально-политической дестабилизации (пример Февральской революции 1917 г.). Становится очевидным, что непременное вступление в ВТО рассматривается либо самоцелью, либо инструментом предполагаемой опоры на внешние силы при возможных кардинальных изменениях внутриполитической ситуации.

Другой пример: неубедительным выглядит просто-таки императивное утверждение авторов о том, что едва ли не главной причиной распада СССР и СЭВ явилось следование принципу *«мы сами»* (с. 398).

Во-первых, авторам хорошо известно (хотя они об этом и не говорят), что следование этому принципу обусловливалось растянутым на десятилетия противостоянием с Западом, побуждавшим нас культивировать самодостаточность, – довоенным и послевоенным, которое было начато не по нашей инициативе.

Не СССР, а Запад привел к власти Гитлера; не И. В. Сталин, а У. Черчилль провозгласил холодную войну, не мы, а американцы создали атомную бомбу, не в советской, а в западной зоне оккупации была провозглашена ФРГ, не Советский Союз, а Запад первым стал создавать военно-политические блоки и т. д.

Во-вторых, в работе не рассматриваются возможные перспективы реализации принципа *«мы сами»* в случае, если бы вместо предложенного Е. Г. Либерманом «хозрасчета», внедренного в ходе косыгинских реформ, был реализован проект академика В. М. Глушкова – ОГАС (Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации), способный вывести СССР в мировые лидеры в информационной сфере.

В-третьих, опускаются неоднократно приводившиеся крупными западными лидерами высокие оценки эффективности советской экономической системы.

Например, М. Тэтчер: «Советский Союз – это страна, представлявшая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе <...> Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста ВНП у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков»[5].

Наконец, в-четвертых, авторами даже не рассматриваются возможные альтернативы современной «инновационной» экономике. Между тем, по оценкам М. Л. Хазина, сделанным на примере США, «<...> сектор „новой“ эко-

---

* По оценкам ряда независимых экспертов, зависимость от импортного продовольствия в Москве достигает 90 %, а в Санкт-Петербурге – 70 %.

номики, в который были включены отрасли, связанные с информационной экономикой, а также оптовая и розничная торговля, занимая примерно 25% экономики США по потребляемым ресурсам, „выдает“ обратно в экономику всего около 15%»[6].

Это настоящий приговор инновационной экономике, по крайней мере, в ее современном, информационном виде. Тем самым фактически признается политическая и, следовательно, глобально-управленческая мотивация этого тренда, сложившегося, как выясняется, под воздействием не объективных, а субъективных тенденций, сформированных, по-видимому, вполне определенными интересами и силами.

Подобных примеров по ходу монографии можно привести множество, и мы намеренно продемонстрировали далеко не самые яркие. Все это не только существенно обедняет работу, но и в отдельных случаях побуждает авторский коллектив к селективному подбору фактов.

В частности, авторы воздерживаются от оценок угрозы для национальной безопасности России наполеоновской экспансии, отдавая предпочтение при рассмотрении этого исторического периода гуманистическим идеалам Французской революции; критикуя консерватизм Священного союза, они не указывают на роль в его создании и в прекращении его деятельности британской монархии; не упоминается об иезуитских и масонских корнях, проникавших в Россию «просвещенных» европейских идей, подробно раскрытых видным дореволюционным историком С. П. Мельгуновым[7] и т. д. Между тем очевидно, что если на Западе масонство, имеющее двойственный, протестантско-оккультный генезис, противостояло бывшей проектной идее – католицизму, то в России действующей – православию. И, получив распространение в просвещенной среде, подрывало абсолютно все устои – от религиозно-духовных до государственных.

Отчасти такая убежденность в принадлежности России к Европе объясняется уже отмеченной нами недооценкой геополитического фактора, которая, заметим, распространяется не только на современность, но и на более отдаленные события, по срокам однозначно подпадающие под традиционную геополитическую трактовку всемирно-исторического процесса.

Между тем общеизвестно, что все классические школы геополитики, прежде всего западные – от Ф. Ратцеля и Р. Челлена до Х. Дж. Маккиндера, К. Хаусхофера и З. Бжезинского, рассматривая базовыми категориями морское и сухопутное начала, сходятся в том, что «центр мира» представлен так называемым евразийским «Хартлендом» – «мировым островом», по отношению к которому Европа является небольшим полуостровом, расположенным на его западной оконечности. Разногласия о том, где именно проводить границу между «морем» и «сушей», среди западных стратегов начинались уже после признания этой основополагающей данности, и спор, как показывают труды К. Шмитта, Э. Саттона и других исследователей, велся вокруг принадлежности к «морю» или «суше» отнюдь не России, а Германии[8].

Отсюда проистекает недооценка авторами геополитической доктрины евразийского течения, которое они рассматривают как ограниченное исключительно идеологическими и духовными рамками триады «державность, духовность, соборность». Заметим, что подмена геополитики не только экономической, но и социально-гуманитарной проблематикой («правами человека», «демократией», «гражданским обществом», «рыночной

экономикой» и иными ценностями, источником которых является Запад) – «фирменный» прием современного глобализма.

Авторам явно не помешало бы обратиться к генезису перечисленных «ценностей», указанному С. Манном, отмечающим, что инструментами целенаправленного внедрения хаоса как способа деструкции, применяемого в национальных интересах США, являются *(sic!)* содействие демократии, рыночным реформам и развитию СМИ через частный сектор[9].

Другой причиной абсолютизации авторами «европейской принадлежности» России, на наш взгляд, является принижение религиозного фактора, составляющего фундамент различий между Россией и Западом, и чрезмерное возвышение секулярного начала.

Такой крупный теоретик и практик западной политической мысли, как Г. Киссинджер, не случайно разделяет геополитический и цивилизационный факторы и отмечает, что «<…> Российская империя всегда играла определенную роль в европейском равновесии, но в духовном плане никогда не была его частью»[10]. Это в полной мере относится и к СССР, который Киссинджер считает «сплавом коммунистической идеологии и традиционной российской внешней политики»[10].

При этом попытки универсализации западных ценностей резко активизировались с принятием именно тех документов и созданием именно тех институтов, которым в монографии дается явно завышенная или уклончиво нейтральная оценка (Парижская хартия для новой Европы, ОБСЕ и т. д.).

Отметим, что такой видный теоретик цивилизационного подхода, как Э. А. Азроянц, справедливо считает Запад «единственной нетрадиционной цивилизацией, которая выше ставит не консенсус и традиции, а право, законы и контракты»[2]. Иначе говоря, в центр на Западе ставится не моральный и нравственный идеал, а материальные аспекты бытия (благополучие, процветание и т. д.), которым в основном и придается статус «общечеловеческих ценностей».

Второй дискуссионной проблемой является приведенная в монографии классификация цивилизаций, которая содержит те же самые противоречия, что и вышедший в 2008 г. одноименный доклад.

Глубочайший анализ цивилизации как объекта исследования, проделанный А. А. Громыко (гл. 36), содержащий не только историографию этого вопроса, но и комплекс религиозных, культурных, исторических, географических и иных аспектов, обусловливающих типологию цивилизаций, соседствует с представленной в первой части работы апологией отдельных, частных аспектов, которые ставятся во главу угла фактически без объяснения причин.

Это закономерно порождает противоречия. С одной стороны, европейская цивилизация отделяется как от североамериканской, так и от российской. Тем самым авторы не только, по сути, соглашаются с теми исследователями, которые, например А. И. Фурсов (вслед за В. П. Федоровым), исходят из цивилизационной самостоятельности и самодостаточности России, но и вступают в полемику внутри самого авторского коллектива со сторонниками другой точки зрения – о существовании единой «западной» цивилизации.

С другой стороны, авторами говорится о русской (православной) цивилизации, что тоже представляется неоднозначным.

Во-первых, в мире насчитывается более 20 поместных и автокефальных православных церквей, что не позволяет отождествлять с православием только русскую цивилизацию.

Во-вторых, имперская трансформация России в петровскую эпоху, а также

советская национальная политика, которая – трудно не согласиться с авторами – способствовала формированию единой исторической общности – советского народа, позволяют говорить о постепенном преобразовании русской цивилизации в российскую, образованную союзом славянско-православного и тюрко-исламского начал. Распад СССР развитие этой тенденции, безусловно, приостановил, но вспять не обратил. Сегодня не существует доказательств невозможности реинтеграции постсоветского пространства в единый ареал, что подтверждается и плюрализмом мнений внутри самого авторского коллектива: от апелляции к восприятию русских «другими», даже в Белоруссии, до утверждений о неразрывной «культурно-цивилизационной близости» в СНГ.

С сугубо политической и геополитической точки зрения приверженность российскому «европейству», как и недооценка в историческом и современном контекстах цивилизационной и геополитической самостоятельности нашей страны, укрепляет позиции крайне деструктивных, антигосударственных сил.

Придерживаясь весьма спорной, если не сказать одиозной, геостратегической концепции *Париж – Берлин – Москва*, являющейся совокупным продолжением троцкизма («перманентная революция») и нацизма *(Lebensraum)*, сторонники этого взгляда не только имеют прямое отношение к распаду СССР, но и вынашивают аналогичные планы и для Российской Федерации.

Важно отметить, что этот проект опирается в том числе и на экуменические тенденции в РПЦ, укорененные в наследии видного церковного иерарха 60–70-х годов митрополита Никодима (Ротова), одним из учеников и последователей которого является нынешний Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Явная симпатия авторов к экуменизму является ответом на вопрос о том, почему объектом критики деятельности Отдела внешних церковных связей (ОВСЦ) в монографии становится не отрицание его нынешним главой митрополитом Иларионом (Алфеевым) основополагающей для российской цивилизационной идентичности концепции «Москва – Третий Рим», а борьба с сектанством и усиление в РПЦ консервативно-охранительных настроений. Между тем экуменизм и консерватизм Церкви взаимосвязаны той же логикой, что и успешность республиканских администраций США в достижении договоренностей с СССР по сравнению с демократическими. Консерваторов труднее заподозрить в отступлении от принципов, и современное руководство РПЦ, на наш взгляд, пользуется именно этим. (Хотя не можем не отметить, что прикрываемый консерватизмом экуменический курс вызывает растущее сопротивление в рядах не только мирян, но и священноначалия.)

Что касается сектантства. Управляющие центры приведенных в монографии сект – иеговистов, кришнаитов, бахаистов, мунитов, сайентологов и т. д. – находятся, как известно, за рубежом, а их деятельность носит подрывной характер, угрожая не только цивилизационным основам, но и национальной безопасности России. Поэтому логичнее было бы услышать от авторов не оправдание их активности наличием у этих сект государственной регистрации, а предложение конкретных путей и способов пресечения их деструктивной деятельности. Ибо прецедент судебного запрета Сайентологического центра за несоответствие реальной деятельности заявленным в регистрационном свидетельстве целям и задачам уже имел место в Санкт-Петербурге (2008 г.), и ясно, что сайентологи в этом смысле отнюдь не составляют исключения.

Все это вынуждает нас поставить в рецензии ряд вопросов.

Например, в каком соотношении между собой находятся экуменический проект «Париж – Берлин – Москва» и анонсированная в монографии «Большая Европа будущего без разделительных линий»? Особенно учитывая сделанный авторами акцент на том, что «<...> Общее пространство внешней безопасности предлагает *(sic!) принятие норм международных отношений, еще не кодифицированных международными договорами,* например, в сфере совместной борьбы с терроризмом»? Означает ли это наличие планов вовлечения России в разрешение европейско-мусульманских противоречий после прихода к власти в арабских странах в результате революций «братьев-мусульман», чего, судя по всему, усиленно добиваются США? И какие еще «не кодифицированные международные договоры» авторами имеются в виду?

Безусловно, следует признать, что такой вопрос, как типология цивилизаций, представлен огромным количеством позиций и точек зрения. Их содержательный анализ является одним из очевидных достоинств работы. Вместе с тем монография значительно выиграла бы от применения получающей в настоящее время широкое распространение в рамках цивилизационного подхода проектной концепции, указывающей, как сказано в новой редакции Концепции внешней политики РФ, на «конкуренцию между различными ценностными ориентирами и моделями развития»[11]. В рамках такого представления Россия после 1917 г. перестает выглядеть «субъектом, поглощенным СССР», как утверждает Е. Ю. Сидоров, вступающий в спор не только с идеологами КПСС, но и с предводителями белого движения А. И. Деникиным и В. В. Шульгиным, считавшими СССР реинкарнацией Российской империи, продолжением единой и неразрывной проектной преемственности. (Отдельного комментария, не приводимого нами по этическим соображениям, требует пассаж этого члена авторского коллектива насчет «страны рабской покорности».)

Кроме того – и это главное: благодаря проектному подходу Россия и Запад сразу же начинают выглядеть не двумя частями единого целого, а конкурирующими проектными цивилизациями, противостояние которых является главной исторической тенденцией всей второй половины второго тысячелетия, а не только советского периода.

Принижение конкурентного императива российско-западных отношений, ярко выраженного еще Петром («Европа нам нужна на 100 лет, а потом мы повернемся к ней спиной»), в монографии осуществляется с помощью апелляции к европейскому генезису Византии (с. 36). При этом упускается из виду быстрый, явно символический перенос Константином Великим столицы христианской империи на Восток, проведение первого Вселенского собора в Никее, то есть вообще вне пределов географической Европы, а также разделение империи и размежевание с латинским Западом.

Из этого следует, что в генезисе Византии доминируют отнюдь не европейские традиции, что подтверждается жесткими противоречиями с Ватиканом практически во всех сферах духовной, политической и культурной жизни, а также в догматических и богослужебных вопросах, ставших главным содержанием эпохи Вселенских соборов. Поэтому, с одной стороны, неудачу потерпели попытки объединить Запад и Восток, предпринятые в VI в. Юстинианом I, а с другой – незадолго до принятия православия Древняя Русь

отвергла миссию в Киев папского посланника Адальберта (956 г.). Это внятно зафиксировало ее неоднократно впоследствии подтверждавшийся отказ от пресловутого «европейского выбора», связанного с католицизмом. В пользу этого свидетельствует и приведенная авторами оценка истории российско-польских отношений директором Библиотеки конгресса США Дж. Биллингтоном, в которой констатируется противоположность Руси не только традиционной, католической, но и обновленческой, протестантской версии западного христианства.

Третий вызывающий вопросы аспект – определенные специфические особенности генезиса европейской интеграции. Акцент, сделанный на противопоставлении европейского федерализма унитаризму Третьего рейха, не учитывает факты разработки федералистских планов еще в годы войны эсэсовской верхушкой. Если об инициативах У. Черчилля по созданию Совета Европы как инструмента примирения между Францией и Германией в монографии рассказывается достаточно подробно, то об аналогичных предложениях Ш. де Голлю, исходивших от рейхсфюрера СС Гиммлера и отраженных в военных мемуарах основателя Пятой республики, не говорится ничего*.

Не упоминается также:

– ни о документе Верховного командования СС «Идея мира для Европы 1944/1945» *(Die Europäische Friedensidee 1944/1945)*, предполагавшем строительство «Европейской конфедерации» в виде «конституционного фюрерского государства» – «ассоциативного и социалистического сообщества народов Европы»[12];

– ни о соответствующих разъяснениях, данных в советском плену одним из членов Совета («малого круга») «Черного ордена СС», обергрупенфюрером Гильдебрантом («Отказ от всякой претензии на немецкое господство вне естественных этнических границ расселения немецкого народа и, таким образом, возвращение к первоначальной программе НСДАП; создание Соединенных государств Европы на основе равенства прав всех вошедших в них народов и подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели»[12]);

– ни о планах опоры в реализации данного проекта в СССР на власовскую «Русскую освободительную армию», руководство которой разделяло эсэсовские «федералистские и социалистические» императивы;

– ни о самом происхождении проекта «новой Европы» из планов компромиссного завершения войны, которые, как свидетельствовал в своих мемуарах В. Шелленберг, обсуждались им в разговоре с Гиммлером еще в августе 1942 г.[13];

– ни о предложениях Шелленберга взять в качестве образца будущей конституции «новой Европы» швейцарскую конфедеративную модель, высокая оценка которой дается в монографии (с. 116);

– ни об обусловленности этими планами попытки ликвидации Гитлера,

---

* Между тем весной 1945 г. Гиммлер писал де Голлю следующее: «<...> Единственный путь, способный привести ваш народ к величию и независимости, – это союз с побежденной Германией. Заявляйте об этом постоянно! Входите в связь с теми людьми в рейхе, которые еще имеют достаточно власти и воли повести свою страну по новому пути. Они готовы к этому. Если вы сами в себе победите дух мести, если используете возможности, данные вам историей сегодня, вы станете величайшим человеком всех времен»[12].

предпринятой 20 июля 1944 г., целью которой со всей очевидностью являлось создание условий для заключения сепаратного мира «обновленного» нацистского режима с западными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции;

– ни о сотрудничестве с нацистами таких крупных фигур послевоенной Германии, как К. Аденауэр, Й. Мюллер, кардинал Фаульгабер, факты которого, вплоть до личного участия в судьбе Аденауэра шефов гестапо и абвера Г. Мюллера и Э. Кальтенбруннера, засвидетельствовал видный сотрудник РСХА К. Нойгауз[14];

– ни о ставшем в 2009 г. достоянием гласности плане операции «Немыслимое», предполагавшем оккупацию Восточной Европы и западной части СССР. Начало новой войны было намечено на 1 июля 1945 г., а в помощь британо-американским войскам планировалось отрядить десять дивизий бывшего вермахта[15];

– ни о роли британских и американских, а также нацистских спецслужб в формировании и развитии исламского фундаментализма, справедливо увязываемого авторами с международным терроризмом[16], и т. д.

Дискуссионной, на наш взгляд, выглядит и представленная точка зрения на эволюцию европейского экологического движения. Успех «зеленых» связан не столько с энергетической проблематикой, сколько с глубоким укоренением в европейских и национальных институтах идей и планов, выраженных разработанной Римским клубом концепцией так называемого «устойчивого развития», развернутый критический анализ которой нашим журналом уже приводился[16].

Авторам монографии не может не быть известно, что фракция «Зеленые/Европейский свободный альянс» в Европейском парламенте, укрепление которой ими констатируется, является политическим крылом Федералистского союза европейских национальных меньшинств (ФСЕНМ), финансирование которого осуществляется бюджетом МВД ФРГ.

ФСЕНМ включает более пятидесяти этнических меньшинств из тридцати с лишним государств, в том числе немцев Грузии и Казахстана, ингушей и кабардинцев России, крымских татар и венгров Украины и т. д.

Действуя в составе Совета Европы, ФСЕНМ тесно взаимодействует с Ассоциацией европейских приграничных регионов (АЕПР), отвечающей за реализацию планов «еврорегионализации», в центр которых поставлено переформатирование Европы государств в «Европу регионов и племен» (в монографии упоминается формула «Европа народов»).

Этими институтами дело не ограничивается. ФСЕНМ связан с группой «Проект по этническим отношениям» (ПЭО), в рамках которой взаимодействует с Государственным департаментом США и фондами Рокфеллера, Форда, Карнеги. В свою очередь, ПЭО является частью «Платформы за обогащение культурного и этнического разнообразия Европы», включающей Институт Сороса и группу «За права меньшинств» со штаб-квартирой в Лондоне[17].

Полный перечень соответствующих институтов и документов занял бы не одну страницу.

Таким образом, федералистские тенденции, представленные авторами как прогрессивные и демократические, на деле оборачиваются управляемым подрывом территориальной целостности и суверенитета европейских государств, в том числе и России, на территории которой образовано шесть «еврореги-

онов», причем все – в Северо-Западном федеральном округе. Это указывает вектор внешней экспансии против нашей страны, осуществляемой в рамках принятой ООН стратегии «устойчивого развития». Между тем очевидна преемственность этих планов как обнаруженному в германских архивах в 2009 г. Генеральному плану «Ост», так и аналогичным англо-американским проектам расчленения нашей страны – меморандуму А. Бальфура, плану «Петля анаконды» и т. д. Причем основой таких планов являлась идея «тевтонского союза» англосаксонских стран с Германией, выдвинутая в 1899 г. Дж. Чемберленом и получившая развитие в предложенном (1913 г.) полковником Э. Хаузом проекте четырехстороннего альянса этих стран с Японией («для обеспечения мира и развития неразработанных территорий»)[18].

Между тем очевидно, что обращение к этой части европейского исторического и современного наследства способно было бы существенно повысить объективность выводов монографии, особенно в части, касающейся оценок происхождения, роли и места в общем глобалистском замысле таких институтов, как Европейский союз, Совет Европы и ОБСЕ, а также Социнтерн с учетом социалистического генезиса эсэсовского плана «Европейской конфедерации».

Лишь трое членов авторского коллектива – Н. П. Шмелев, В. П. Федоров и А. А. Языкова – затрагивают данную проблематику, указывая на сочетание национализма национальных автономий России с сепаратизмом и поддержку этих тенденций «демократической Европой в лице ее интеграционных органов». Замеченная ими опасность, которую таит в себе формула «Европа от Атлантики до Урала», для территориальной целостности страны дополняется глубоко осознаваемой угрозой запустения зауральских территорий и отпадения их от страны «естественным путем». Предлагаемый, однако, в качестве выхода из этой ситуации перенос столицы в один из сибирских областных центров, решая в принципе данную проблему, порождает другую, не менее, если не более, опасную. Он напрочь блокирует перспективы постсоветской интеграции и воссоздания «большой страны». Между тем вернуть самодостаточность без Украины и Белоруссии так же невозможно, как и без Сибири и Дальнего Востока.

Объединяя эти оценочные характеристики общей логикой, обратим внимание на выделенные в монографии специфические последствия глобальных перемен. К ним, в частности, отнесены «разделение общества на узкий круг интеллектуалов и всех остальных <…>», кризис ценностей и идентичности, отчуждение человека от поставленной на поток творческой деятельности, заменяемой «алгоритмизированной репродуктивностью», утрату «дисциплины холодной войны» и т. д.

Фиксируемое авторами очевидное нарастание этих тенденций может указывать на приближение человечества не к экономическому, социальному, политическому, идеологическому, экологическому и прочим, а к системному экзистенциальному кризису, который в рамках существующей парадигмы глобального развития может оказаться неразрешимым. А это, в свою очередь, поставит вопрос не столько о будущем человеческой цивилизации, сколько о самом ее существовании. Об этом, например, свидетельствуют результаты ряда исследований, проведенных в России и на Западе, отраженные известным современной науке феноменом «вертикали Снукса–Панова».

Однако авторы, констатируя наступление постиндустриализма и его тесную связь с постмодернизмом, на наш взгляд, не только не расширяют, но и, наоборот, сужают рамки поиска путей предотвращения подобного кризиса, отстаивая лишь одну историческую и ценностную модель развития, кажущуюся им стандартной и универсальной, применимой во всех случаях. Единственным, пожалуй, исключением является представленный Э. Я. Баталовым «четвертый образ России» как «страны будущего, которой еще предстоит сказать миру свое слово» (с. 484–485).

Не претендуя на окончательность наших оценок и суждений, признавая их противоречивость и дискуссионный характер, в заключение поблагодарим авторский коллектив за прямую или косвенную постановку вопросов, обсуждение которых приближает нас к по-настоящему актуальной для современности и будущего повестке дня – глобальной и российской.

Примечания

1 *Най Дж.* Проигрышная ставка Китая против Америки // Project Syndicate (США). 2010. 11 марта // http://www.inosmi.ru/fareast/20100311/158553411.html

2 Глобалистика. Международный энциклопедический словарь / Ред. – сост. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков М. – СПб. – Нью-Йорк, 2006. С. 629, 804–805, 101.

3 *Хазин М. Л., Гавриленков С. И.* О глобальных проектах. Доклад на конференции ВСЭИ // http://worldcrisis.ru/crisis/132450? PARENT_RUBR=wc_glpr

4 *Манн С.* Реакция на хаос // http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html

5 Цит. по: *Грачева Т. В.* Невидимая Хазария. М., 2010. С. 15–16.

6 *Хазин М. Л.* Теория кризиса. Доклад на конференции в г. Модене (Италия), 9 июля 2008 г. // http://www.zlev.ru/163/163_32.htm

7 *Мельгунов С. П.* Масонство в его прошлом и настоящем. В 2-х кн. СПб., 1914.

8 *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние земли и моря // Элементы. 2000. № 8; *Саттон Э.* Как Орден организует войны и революции. М., 1995. С. 8.

9 *Фурсов А. И.* Третий Рим и Третий рейх. Советско-германский покер в американском преферансе // http://www.zlev.ru/87_38.htm

10 *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 2006. С. 16, 355.

11 Концепция внешней политики РФ. Указ Президента РФ от 12 июля 2008 г. № Пр-1440 // www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml

12 Цит. по: *Парвулеско Ж.* Путин и евразийская империя. М., 2006. С. 197, 111, 112.

13 *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 290–306.

14 *Рудаков А. Б.* Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего рейха. М., 2008. С. 171–172, 152.

15 http://oko-planet.su/history/historynew/21958-operacia-nemsylimoe-sekretnye-voennye-plany-u.htm

16 *Павленко В. Б.* Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? // Обозреватель-Observer. 2010. № 9-12; 2011. № 1-3.

17 *Четверикова О. Н.* Бельгия, Испания, далее везде: механизмы перекройки карты Европы // http://fondsk.ru/article.php? id=1143

18 *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 164; Архив полковника Хауза/ Ред. А. И. Уткин В 2-х кн. М., 2004. Кн. 1. С. 54–55.

Влияние кризисных ситуаций в Южном Средиземноморье на европейскую безопасность

Анастасия Бойко

В последнее время российские и зарубежные эксперты обсуждают события, которые начались в Тунисе, а затем распространились на другие страны арабского мира: Египет, Ливию, Иорданию и ряд других государств.

Наиболее острой в настоящий момент представляется ситуация в Ливии.

С 15 февраля 2011 г. в Ливии начались активные вооруженные выступления граждан страны против режима Муамара Каддафи, в чьих руках власть сосредоточена более 40 лет. 11 марта лидеры ЕС призвали Муамара Каддафи, которого они считают виновным в насилии против собственного народа, оставить власть.

Ранее, 27 февраля, была принята санкционная резолюция СБ ООН, в которой предусмотрены меры, призванные остановить насилие против народа со стороны режима Каддафи, в частности, эмбарго на торговлю оружием с Ливией, замораживание счетов и запрет на зарубежные поездки ливийского лидера, его семьи и ряда приближенных.

Выступая в Брюсселе на встрече с председателем и руководителями политических фракций Европарламента, Председатель Европейского совета Херман ван Ромпей заявил, что переходный Национальный совет Ливии в Бенгази является в глазах Евросоюза единственным «законным собеседником»[1].

Как указывают обозреватели[2], голосование в Совете Безопасности ООН по внесенной рядом западных государств резолюции должно было дать ответ на ключевой вопрос современного мироустройства: уровень допустимого насилия, которое сможет без последствий для себя применять власть в отношении народных протестов.

17 марта 2011 г. СБ ООН принял резолюцию, которая предусматривает

БОЙКО Анастасия Юрьевна – слушатель магистратуры Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* sponya@gmail.com

Ключевые слова: безопасность, Средиземноморье, дестабилизирующие вызовы, «дуга уязвимости».

введение бесполетной зоны над Ливией и дает возможность проведения иностранной военной операции против сил Каддафи.

Резолюция запрещает прямое военное вторжение иностранных войск в Ливию, но допускает проведение силовых операций по созданию бесполетной зоны над этой страной.

Известно, что накануне голосования французский президент Н. Саркози направил личные письма руководителям стран, входящих в Совет Безопасности ООН, с просьбой не блокировать принятие решения в критической для противников Каддафи ситуации[3]. Его мнение было услышано. Десять стран, включая США, Францию и Великобританию, проголосовали за резолюцию. Россия, Китай, Германия, Индия и Бразилия воздержались. Ни один из членов Совета Безопасности ООН, имеющий право вето, не воспользовался им.

В пятницу 18 марта официальный представитель НАТО Оана Лунгеску сообщила, что альянс готов к участию в международной операции против Ливии. К начавшейся 19 марта операции присоединились все страны НАТО, что практически полностью перевело операцию, начатую силами США, под контроль Североатлантического альянса. Принятая резолюции СБ ООН дает широкий мандат, что позволяет наносить удары по земным целям, включая танки и скопление пехоты, в целях защиты крупных населенных пунктов. Кроме того, резолюция не исключает и возможность наносить ракетно-бомбовые удары по объектам, где может находиться Муамар Каддафи.

31 марта руководство операцией в Ливии перешло к представителям командования НАТО. Целью операции Североатлантического альянса, получившей название «Объединенный защитник», является обеспечение эмбарго на поставки оружия, бесполетной зоны и мер по защите гражданского населения.

Анализируя вопросы безопасности Средиземноморского региона, исследователи дают достаточно широкий спектр объяснений и высказывают предположения о подлинных причинах как вмешательства западных государств в кризисные ситуации, так и самих кризисов в странах Юга Средиземноморья.

Как указывает Н. А. Ковальский, потребность ЕС включить в спектр своей деятельности Средиземноморское направление обусловлена рядом причин как объективного, так и субъективного характера.

К числу объективных причин следует отнести, прежде всего, географическое и связанное с этим геополитическое положение Средиземноморья. В Средиземноморском регионе традиционно сфокусированы сложнейшие проблемы европейской и мировой политики и экономики. К ним относятся геополитические аспекты региональной безопасности, а также ее экономическое, социальное и экологическое измерения.

Перед западными странами достаточно давно стоит проблема, касающаяся необходимости устранения дестабилизирующих вызовов, обеспечения новых рынков, урегулирования экономических и иных противоречий с «третьими» средиземноморскими странами, прежде всего, Северной Африкой.

Поэтому нецелесообразно сосредоточивать внимание на нефтяном факторе. Речь идет о целом комплексе стимулов, побуждающих ЕС все больше внимания обращать на Средиземноморский регион.

Средиземноморская политика ЕС примерно с 50-х годов XX в. во многом обусловлена поиском новых форм взаимоотношений европейских держав со своими бывшими колониями. Европейско-средиземноморское сотрудничество отражено в Договоре об учреждении Европейского экономического сообщества (Рим, 1957 г.) в виде «ассоциации с заморскими странами и территориями с целью увеличения торговли и совместного содействия экономическому и социальному развитию»[5]. В документе ясно просматривается роль ассоциации с теми странами и территориями, с которыми «особые отношения» поддерживают Франция и Италия.

Так, например, в Декларации о намерениях, которая являлась одним из приложений к Римскому договору, указывалось на наличие «экономических связей между Италией и Королевством Ливией». После сентябрьской революции 1969 г., свержения монархии и прихода к власти Каддафи отношения между ЕС и Ливией сильно обострились, и положения Декларации так и не были воплощены в жизнь.

Подходы НАТО и ЕС к межрегиональному измерению средиземноморской безопасности и перспективам ее обеспечения включают учет рисков и угроз для стран Запада, существующих в зонах нестабильности в средиземноморском регионе по осям север – юг, запад – восток.

В современный период эксперты обращают особое внимание на существование так называемой «дуги уязвимости» – конфликтообразующей полосы, протянувшейся через Средиземноморье, Черноморье, Северный Кавказ и Закавказье к Центральной и Средней Азии, характеризующейся наличием многочисленных точек напряженности, которая не может не влиять на европейскую безопасность.

Причины региональной нестабильности обычно относятся западными политиками к внутренним проблемам стран Средиземноморья – комплексу социальных, политических и экономических вопросов на уровне национальной безопасности, вызываемых изменениями в том или ином средиземноморском государстве.

Иной позиции, как считает В. М. Татаринцев[6], придерживаются страны Юга Средиземноморья. По мнению представителей этих стран, например Египта, угроза не является проблемой самого Средиземноморья, а исходит с Запада, имея физическое, экономическое и культурное измерения. Различия во взглядах стран-участниц на истоки угроз безопасности в регионе, по мнению исследователя, отразились на диалоге между участниками средиземноморского процесса в 90-е годы и продолжают создавать проблемы на современном этапе его развития.

Базовые основы политики в бассейне Средиземного моря ЕС были изложены в Маастрихтском договоре, вступившем в силу 1 января 1993 г.

Самой крупной акцией по продвижению ЕС в Средиземноморском регионе стала Евро-Средиземноморская конференция в Барселоне (27–28 ноября 1996 г.), на которой была принята Декларация, подписанная министрами иностранных дел 27 государств, в том числе 12 неевропейских средиземноморских («третьих») государств, после чего входящие страны стали именоваться «евро-средиземноморским партнерством». Разделы Декларации охватывали политику и безопасность, экономику и финансы, социальные и гуманитарные проблемы. Декларация явилась одновременно рабочей программой для реализации впечатля-

ющих грандиозных проектов, главным из которых являлось создание в Средиземноморье к 2010 г. зоны свободной торговли.

Евро-Средиземноморское сотрудничество столкнулось с реальными трудностями. При разработке и обсуждении Хартии мира на второй Евро-Средиземноморской конференции (Мальта, 1996 г.) возникли сложности, вызванные конфронтационными отношениями между государствами-участниками (Турция – Греция, Израиль – Палестина, арабские страны – Израиль). В сфере экономики арабские страны выражали в резкой форме недовольство тем, как развивается Евро-Средиземноморское сотрудничество, обвинив ЕС в эгоизме и медленных темпах реализации мер, согласованных в Барселоне[7].

В рамках развития Барселонского процесса европейские страны, а также НАТО прикладывают значительные усилия к снижению угроз безопасности в Средиземноморье.

За последние два десятилетия отношения ЕС и Южного Средиземноморья развивались в формате сотрудничества, в том числе через программы МЕДА (программы помощи в развитии стран Средиземноморья), которые являются, по сути, финансовым инструментом строительства взаимоотношений в регионе. К сожалению, политике ЕС свойственен протекционизм, который приводит к экономическим взаимоотношениям на неравноправной основе. Указанные позиции ЕС развивают предубеждение и недоверие со стороны государств Юга Средиземноморья, что ослабляет эффективность европейской стратегии.

Инициативы Североатлантического альянса в Средиземноморском регионе направлены на формирование механизмов двустороннего и многостороннего взаимодействия в форме встреч, консультаций и дискуссий, в процессе которых странам – не членам альянса разъясняются перспективы будущего развития НАТО и функции этой организации по сохранению международной безопасности и стабильности. Эксперты отмечают, что в начале XXI в. НАТО удалось наладить более регулярные консультации по комплексным проблемам безопасности региона в многостороннем формате. Сотрудничество в военной сфере с использованием новых форм и методов строительства взаимоотношений, особенно по вопросам оперативной совместимости и модернизации национальных вооруженных сил стран региона, позволило НАТО добиться определенных успехов в вовлечении южных средиземноморских стран в орбиту альянса.

Ограничениями данного процесса служат противоречия между декларациями ЕС по вовлечению мусульманского Средиземноморья в процессы социально-экономического развития и подлинными интересами европейских стран в данном регионе.

Исследователи отмечают, что усилия европейцев направлены прежде всего на доступ к энергоресурсам по устраивающим их ценам. Развитые страны также интересует расширение своей доли рынков в исламских странах, а также распространение на востоке и юге Средиземноморья идей и практики либеральной демократии. Попытки насаждения извне принципов либерализма и демократии приносят немало проблем мусульманскому миру, поскольку грозят расколом общества. Переход части членов традиционного общества к либерально-демократическим ценностям модернизированного общества приводит к значительному обострению внутренних проблем в странах ислама, что вполне осознается их политической элитой.

Государствам, вовлеченным в Барселонский процесс, до последнего времени не удавалось выработать на согласованной основе эффективных договоренностей в различных сферах обеспечения безопасности, в том числе в отношении мер доверия и контроля над вооружениями. К этому приводит, прежде всего, отсутствие совместно выработанного понимания сущности безопасности Севера и Юга Средиземноморья. Конфликты и соперничество в отдельных странах или на межгосударственном уровне выходят за рамки региона, значительно усложняя устранение очагов напряженности.

Сохранение существенных различий между Севером и Югом за счет культурного, национального и религиозного своеобразия, менталитета, понимания процессов в современном мире определяет дифференциацию подходов к любой проблеме.

Сложность и транснациональный характер проблем безопасности в регионе, обусловленные ростом националистических тенденций в ряде стран, дополняются развитием в некоторых из них исламизма, стремящегося к политической власти.

Народные выступления против правящих режимов в ряде арабских стран в начале 2011 г. стали сложным испытанием поддержания безопасности в Средиземноморье.

По мнению части российских и зарубежных политологов[8], революции в арабских странах имеют свою внутреннюю природу. Накопился серьезный «взрывной» материал, что побудило массы народа выходить на улицы и требовать отставки лидеров, многие годы возглавлявших эти государства. Движущей силой выступлений в основном является образованная молодежь, которая не находит рабочие места у себя в стране, лишена возможности серьезной вертикальной мобильности, не может смириться с высоким уровнем коррупции и пытается сегодня, здесь и сейчас улучшить свои жизненные условия, социальный статус и материальное благополучие. Эксперты не исключают воздействия и других факторов, например политического, заключающегося в стремлении народов ликвидировать тоталитарные режимы, демократизировать власть.

Высказывается также мнение, что имеется американский фактор экспорта «цветных революций» в рамках демократизации этого региона.

А. Г. Дугин полагает, что США поддерживают переход к тому, что Запад считает «новыми типами демократии» за счет демонтажа прозападных в целом режимов, превратившихся за несколько десятилетий в авторитарные диктатуры. Однако, как отмечает ученый, нет уверенности, кто придет к власти в каждой из нестабильных стран – демократические силы или исламские фундаменталисты[9].

Как указывает А. Г. Арбатов, «сейчас многим на Западе кажется, что в исламском мире много продвинутой молодежи, которая хочет жить, как в Европе. Поэтому западные аналитики, видя то, что происходит в Египте, в Ливии и Тунисе, считают, что и у остального исламского мира есть шанс на европеизацию»[10]. Исследователь предостерегает, что в данном случае имеют место явления гораздо более сложные, обладающие противоречивой внутренней природой. С одной стороны, это действительно недовольство долгими сроками правления авторитарных лидеров, а с другой – процессы в Северной Африке и арабском мире имеют мало общего с движением к либеральной демократии западного типа.

В каких-то странах все это может обернуться приходом к власти исламистов. «Я не исключаю, – отмечает далее А.Г. Арбатов, – что в результате этих антиавторитарных революционных движений к власти придут антизападники»[10].

По мнению Н.В. Злобина, революции в странах арабского мира и Северной Африке по своим последствиям напоминают то, что происходило в Восточной Европе и СССР два десятилетия назад. Ученый видит в современных процессах окончательное разрушение действия биполярной системы, когда мир был поделен на два противоположных лагеря и своим союзникам прощались и тоталитаризм, и репрессии против собственного народа, и коррупция, и нарушение человеческих прав и международных процедур.

«Сегодня в огромном густонаселенном и богатом источниками энергии регионе мира этой политике приходит конец. Режимы, рожденные в другой исторической и политической эпохе, стремительно уходят в прошлое», – указывает Н.В. Злобин[11].

Отмечая зарождение нового порядка, еще совсем не понятного и поэтому опасного и не предсказуемого, исследователь обращает внимание на следующее обстоятельство. Целями смены коммунистических режимов в странах Восточной Европы и бывшего СССР виделись установление принципов западной демократии, свободы и правил свободного рынка, а также деидеологизация сознания. Революции, которые наблюдаются сейчас, имеют менее четко сформулированные цели, однако среди них важное место занимает достижение большего национального суверенитета.

В качестве доказательства того, что революционные процессы на юге Средиземноморья происходят в сильно изменившемся мире, исследователь подчеркивает: «Все влиятельные мировые игроки, имеющие существенные интересы в регионе, рано или поздно, но пришли к общим позициям и выработали единое отношение к происходящему, встав на сторону народа как в тех государствах, где он доказал свою решимость сместить режим, так и в тех, где народ потребовал фундаментальных изменений в системе национальной власти, расширения своего участия в принятии решений. В этом смысле иллюстрацией является процесс принятия санкций против Ливии. Сначала США, потом ЕС, а затем Совет Безопасности ООН приняли решение о введении режима санкций против Каддафи, возможно, постепенно вырабатывая общие стандарты нового мирового порядка, хотя на этом пути будет еще немало опасностей и препятствий».

На угрозы безопасности, которые подстерегают Европу, поспешившую на помощь свержению в Ливии режима Каддафи, указывает Е. Шестаков.

«Желание Запада поучаствовать в ливийской революции на стороне оппозиции, хотя никто до конца не понимает, чего эта оппозиция хочет и кого она представляет, может всколыхнуть весь арабский мир. Потому что в очередной раз порыв Запада помочь революциям и демократическим движениям натыкается на полное неприятие таких шагов со стороны арабской улицы, – указывает обозреватель. – Особенно, когда помощь слишком напоминает интервенцию. Так было в Афганистане и Ираке, где появление военнослужащих НАТО инициировало непрекращающееся до сих пор сопротивление. Для разного рода фундаменталистских исламских движений нет лучшего подарка, чем попытка Запада применить силу для поддержки ливийской революции. Все понимают: это решение будет немедленно истолковано исламскими идеологами как начало нового крестового похода против исламского мира»[12].

Угрозы безопасности региона усугубляются тем, что миссия западных стран явно затягивается. Лидеры ведущих западных стран заявили, что Каддафи должен уйти. Однако силы Каддафи оказались более жизнеспособными, чем рассчитывали сторонники военной операции, силы повстан-

цев – менее боеспособными, чем надеялся мир[13].

Обозреватели приводят высказывание генерала в отставке Снайдера Маркса в интервью телекомпании *«Fox»*: «Самое важное в данный момент то, что повстанцы продемонстрировали свою неспособность развить достигнутый успех, они сумели добиться перевеса только в условиях масштабной воздушной поддержки сил НАТО. <...> повстанцы должны <...> перегруппироваться и представить миру свою политическую программу.

Международное сообщество должно разобраться, с кем оно имеет дело в лагере оппозиции, и определить свое отношение к ней. Одновременно силы НАТО продолжат ослаблять армию Каддафи. Мы должны исходить из новых временных рамок конфликта. Понятно, что ливийское восстание не будет столь же кратким, как восстания в Тунисе или Египте»[13].

В настоящее время назревают аналогичные взрывоопасные ситуации в Йемене и Сирии.

С 11 февраля – начала акций протеста против 32-летнего правления президента Салеха в Йемене – погибли около 100 чел. Сам 65-летний Салех обещал уйти в отставку до конца 2011 г., а также изменить Конституцию, перейти к парламентской системе правления и децентрализовать власть в стране.

Обозреватели отмечают, что США, союзником которых долгие годы являлся президент Йемена, изменили свою позицию в отношении Салеха.

Как утверждает американская газета *The New York Times*, если представители администрации Барака Обамы вначале лишь проявляли обеспокоенность в связи с ситуацией в Йемене, то теперь они интенсивно ищут пути отставки Салеха. США пришли к выводу, что президент Йемена не может провести необходимые реформы и сдерживать боевое крыло «Аль-Каиды», базирующееся в Йемене[14].

Волнения в г. Дераа в Сирии, распространившиеся по всей стране, и День гнева, прошедший 1 апреля, поставили президента Сирии Башара Асада в нелегкое положение. Его выступление в парламенте вызвало разочарование в обществе. Б. Асад во всем обвинил иностранных заговорщиков, а об обещанных реформах, по сути, ничего не сказал. Идти на реформы в условиях, когда его режим оказался под давлением масс, означает ослабить позиции и возможность не удержать в руках власть над страной, какую бы помощь и поддержку в проведении реформ ему ни обещали лидеры Турции и Ирака[15]. Крах режима в Сирии может привести к усугублению проблем между суннитами, шиитами, а также алавитами и одновременно спровоцировать общий подъем исламского экстремизма.

Комплекс факторов, влияющих в настоящий период на стабильность и безопасность в Средиземноморье, настолько сложен, что при решении данных проблем, по мнению Ю. Н. Рахманинова, необходимо принимать во внимание определенные изменения в самом содержании понятия «безопасность». Не исключая важности военных аспектов и методов обеспечения безопасности, исследователь предполагает принятие определенного набора других коллективных мер безопасности и доверия в различных сферах общественной жизни. Ю. Н. Рахманинов отмечает, что угроза безопасности может возникать не столько из-за взаимоотношений между государствами, сколько из-за кризисов внутри стран. Поэтому возрастает значение применения общих усилий для прекращения и предотвращения внутренних вооруженных конфликтов на этнической и религиозной почве, устранения проявлений агрессивного национализма, расизма, ксенофобии, грубых нарушений прав человека, в частности тех, которые касаются национальных меньшинств[16].

В современных условиях, когда в мире формируется ряд новых центров силы, все сложнее и сложнее игнорировать позиции других стран.

Масштабность и широта распространения революционных потрясений в Северной Африке и мусульманском мире обоснованно привлекают внимание ведущих мировых держав и региональных блоков, поскольку представляют серьезную угрозу дестабилизации ситуации в регионе.

Наступает эпоха возможностей для выстраивания новой системы взаимодействия государств и иных акторов международной политики, которая предполагает увеличение гибкости подходов и учет взаимных интересов сторон, особенно в вопросах сохранения глобальной и региональной безопасности.

Примечания

1 РГ. 2011. 16 марта.

2 *Шестаков Е.* Танки против дипломатов. Армия Каддафи и Совбез ООН наперегонки решают судьбу революции в Ливии // РГ. Столичный выпуск. № 5433 (57). 2011. 18 марта.

3 РГ. 2011. 18 марта.

4 *Ковальский Н. А.* Средиземноморская политика Европейского союза: эволюция и перспективы // Европа. 2001. № 4. С. 18.

5 Договоры, учреждающие европейские сообщества. М., 1994. С. 180–200.

6 *Татаринцев В. М.* Проблемы безопасности в Средиземноморье: роль НАТО и ЕС. М.: Восток-Запад, 2009. С. 20–22, 126–129.

7 *Ковальский Н. А.* Средиземноморская политика Европейского союза: эволюция и перспективы. http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/kovalsky.html

8 *Мигранян А.* Взрывы назревали изнутри/ РГ. Федеральный выпуск. № 5427 (51) 2011. 11 марта; *Мирский Г., Наумкин В.* Почему нестабильны стабильные режимы? Интервью Радиостанции «Эхо Москвы» // http://echo.msk.ru/programs/beseda/742336-echo/

9 http://www.evrazia.info/modules.php? name=News&file=article&sid=4458

10 *Арбатов А. Г.* Ждет ли мир эффект домино. Как повлияют события в Египте, Тунисе и Ливии на ситуацию в Центрально-Азиатских республиках. http://www.rg.ru/2011/03/10/vostok-experty.html

11 *Злобин Н. В.* Конец Ялтинской системы? // РГ. Федеральный выпуск № 5424 (48). 2011. 9 марта.

12 *Шестаков Е.* Темза, сэр! РГ. 2011. 4 марта.

13 http://www.svobodanews.ru/content/article/3544572.html

14 http://www.regnum.ru/news/1390935.html

15 *Артемьев М.* Реформы или хаос? Новая политика // http://www.novopol.ru/-reformyi-ili-haos-text99055.html

16 *Рахманинов Ю.* О модели общей и всеобъемлющей безопасности для Средиземноморья XXI века // Обозреватель–Observer. 1999. № 2.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER
http://www.rau.su
Тел.: (495) 959-22-53
E-mail: observer@nasled.ru

Бен Ладен – явление в современной политике

Андрей Бакланов

В ноябре 2000 г. я прибыл в Эр-Рияд в качестве нового российского посла.

Как это всегда бывает, был составлен список наиболее влиятельных политических деятелей и представителей деловых кругов страны, с которыми было бы полезно установить контакты.

Сравнивая рекомендованный список бизнесменов с данными о самых крупных компаниях Саудовской Аравии, я обратил внимание на то, что из него были исключены некоторые корпорации.

Это, в частности, относилось и к группе бен Ладенов, входивших в десятку крупнейших семейных бизнес-сообществ страны, обладавших многомиллиардными состояниями. Причиной этого стали весьма примечательные обстоятельства.

Компания бен Ладенов рассматривалась как консервативное объединение, традиционно имевшее особые, очень доверительные отношения с правящим домом Саудов и специализировавшееся на возведении объектов в Мекке, Медине, в самой сердцевине святых мест мусульман, куда съезжались паломники со всего света.

Получение заказов на строительство мечетей, гостиниц и других сооружений в этом районе было свидетельством самого благоприятного отношения к этой компании со стороны короля Саудовской Аравии, именуемого в стране «Хранителем Двух Святынь» (крупнейших мечетей в Мекке и Медине), его окружения, в целом религиозной и административной верхушки государства.

С учетом этого, как полагали, безусловным приоритетом компании бен Ладен было закрепление и расширение уже сложившихся привилегированных связей с королевским истеблишментом. Россия же в этот период времени

БАКЛАНОВ Андрей Глебович – кандидат исторических наук, начальник Управления международных связей Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель председателя Совета Ассоциации российских дипломатов, *E-mail:* AGBaklanov@council.gov.ru

Ключевые слова: Усама бен Ладен, международный терроризм, Королевство Саудовская Аравия, США, Судан, «Аль-Каида», Хасан Абдалла Тураби.

имела с Эр-Риядом весьма сложные отношения из-за острых разногласий в «чеченском» вопросе. Саудовские представители на всех форумах жестко критиковали действия Москвы на Северном Кавказе. Российская Федерация, со своей стороны, в самых резких выражениях обвиняла Эр-Рияд в прямой поддержке сепаратистов, террористических элементов на Кавказе.

Другой причиной исключения бен Ладенов из списка для организации встреч было распространенное в дипломатических кругах Эр-Рияда мнение о том, что эта компания – традиционный, особый, очень доверительный партнер американцев, в частности фирм, близких к семейному бизнесу президентов Буша-старшего и Буша-младшего. Считалось, что бен Ладены вряд ли будут идти на «диверсификацию» своих зарубежных связей, тем более с Россией, из опасения хоть чем-то испортить отношения с Америкой.

Надо сказать, что уже тогда, то есть до сентябрьских событий 2001 г., существовал «фактор Усамы бен Ладена», человека, зарекомендовавшего себя к тому времени в качестве одного из наиболее видных представителей открытой оппозиции существующему режиму – правящему дому Саудов.

При этом важно отметить, что – также до событий 11 сентября – в политических кругах Саудовской Аравии установилось понимание того, что основная часть семьи бен Ладенов не разделяет взглядов Усамы бен Ладена и не несет ответственности за его деяния.

Линия на «отчуждение» Усамы нашла свое выражение в том, что в 1994 г. он был официально лишен саудовского подданства, а семья в различных формах выразила осуждение его поведения и политической линии и отмежевалась от него.

Каковы же были причины такого рода «антирежимного» поведения Усамы? Ведь начало его карьеры отнюдь не предвещало появления такого рода взаимоотношений с правящим домом Королевства.

В период пребывания Усамы бен Ладена в Афганистане у него сохранялись близкие, доверительные связи с монархической верхушкой Саудовской Аравии. Он выполнял ряд деликатных поручений, направленных на укрепление саудовских позиций в этой стране и регионе в целом.

Тогда же Усама бен Ладен наладил тесные связи с американцами, их специальными службами. При этом он приобрел уверенность в том, что своей решительностью и настойчивостью сможет многого добиться в этой жизни.

Веские «стартовые» позиции в игре с американцами у Усамы были обусловлены прекрасно налаженными связями его семьи с руководителями США. Конечно же, он воспользовался этим капиталом для восхождения на высокие этажи политической и деловой Америки. В Афганистане он сумел развить весьма продуктивные и доверительные отношения с американцами, прежде всего в вопросах противодействия советским войскам, находившимся в этой стране.

После завершения своей «афганской миссии», опираясь на наработанные контакты, Усама сделал попытку стать как бы связующим звеном между истеблишментом Саудовской Аравии и США.

Нетрудно догадаться, что такой «посредник», не входивший в королевскую семью, был правящим домом Саудов отвергнут. Они сами имели отлаженные связи с Вашингтоном и не нуждались в «честных брокерах».

В силу этого деятельность Усамы бен Ладена на американском направлении,

ранее, в «афганский» период, горячо поощрявшаяся в Эр-Рияде, в дальнейшем была сочтена неуместной и ненужной. Его активность и «подвижность» в условиях крайне консервативного и неспешного ведения дел, характерного для современной саудовской элиты, вызывала отторжение.

В результате в отношениях с саудовским режимом у бен Ладена после возвращения из Афганистана появились трещины.

Как представляется, болезненно амбициозный, жаждущий славы и денег саудовец не смог найти достойного места в крайне консервативной, жестко регламентированной системе властных и деловых отношений у себя на родине.

Усама был очень раздражен тем, что нажитый им в Афганистане политический капитал (его связи с американцами) оказался не задействован.

По-видимому, это послужило основой для постепенного перехода его из числа верных подданных Короля в стан его критиков и противников.

Следует отметить, что богатство дома Саудов, пришедших к власти в начале XX в. после непростой борьбы с влиятельными соперниками, не давало покоя многим – как в самой стране, так и за ее пределами.

В Лондоне, других столицах Запада на протяжении десятилетий действовали оппозиционные группы, стремившиеся к тому, чтобы отодвинуть узурпаторов-саудитов от рычагов власти и лишить их богатства, прежде всего монопольных прав на добычу и экспорт нефти.

Усама, конечно, знал о деятельности этих сил, но, будучи крайне самоуверенным человеком, решил, что он поведет борьбу за власть на Аравийском полуострове самостоятельно, с опорой на сформированную мощную группировку сторонников, естественно, при сохранении и упрочении собственной роли лидера нового оппозиционного объединения.

В нелегальной пропаганде Усама подчеркивал, что правящая династия Саудитов свою историческую роль в объединении страны выполнила и вполне может быть заменена другими людьми, более соответствующими новым задачам, стоящим перед народами Аравийского полуострова, арабского мира.

С середины 80-х годов Усама стал объединять вокруг себя людей, недовольных положением дел в своих странах и готовых бороться любыми методами для того, чтобы устранить от рычагов политической и экономической власти нынешние правящие элиты в Саудовской Аравии, Египте и других странах арабо-мусульманского мира.

Переход к борьбе против дома Саудов, а также правящих режимов в странах, которые были союзниками США на Ближнем Востоке, по существу, автоматически означал противопоставление бен Ладена официальному Вашингтону.

Начав с критики ряда аспектов американской политики на Ближнем Востоке, бен Ладен вскоре убедился в том, что антиамериканизм предоставляет огромные возможности для формирования весьма широкой основы своих сторонников и последователей.

И здесь кроется крайне важная и пока не раскрытая истинная подоплека взаимоотношений Усамы бен Ладена и США.

Его антиамериканизм – это отнюдь не искренний плод раздумий в отношении политики и роли Вашингтона на Ближнем Востоке, в арабском и мусульманском мире. Это и не следствие его разочарования в этой политике, пе-

реосмысления оценок предыдущего периода. Конечно же, цинизм и корыстная основа политики Вашингтона в странах третьего мира были для него совершенно очевидны еще в период его совместной с американцами деятельности в Афганистане. Как на самом деле бен Ладен относился к американцам, приходится лишь догадываться.

Критика США, а в дальнейшем и борьба против американцев, в том числе с применением методов террора, были для бен Ладена эффективным тактическим пропагандистским приемом для привлечения в ряды своих сподвижников самой широкой массы националистически, антиамерикански настроенных людей, в первую очередь молодежи.

Еще один важный момент.

Многие исследователи стремятся понять, в силу каких причин бен Ладен в течение нескольких лет (вторая половина 80-х годов) имел свой главный опорный пункт в Судане.

Попробуем разобраться с этим.

Дело в том, что линия бен Ладена с середины 80-х годов заключалась в критике существующих режимов в арабских и мусульманских странах, «продавшихся американцам». При этом жестко критиковались и региональные организации этих стран за их беспринципность и соглашательство. К этим организациям относились Лига арабских государств (штаб-квартира в Каире) и Организация Исламская конференция (штаб-квартира в саудовской Джидде).

На этом пути временным и очень полезным союзником стал крайне жесткий исламистский режим в Судане, вдохновителем и реальным руководителем которого был широко образованный и харизматичный теолог и политик Тураби.

Суданский режим со второй половины 80-х годов стал преподносить себя в качестве едва ли не единственного «законного», с точки зрения соблюдения норм ислама, режима в арабском мире.

Одновременно Тураби, его сподвижники в суданском руководстве начали подминать под себя секретариат Организации Исламская конференция. Однако уже очень скоро выяснилось, что достичь этой цели им не под силу.

Тогда Тураби и его группа занялись созданием «альтернативной» панисламской структуры – Народная Исламская конференция со штаб-квартирой в Хартуме.

Именно в этот период в суданской столице оказался Усама бен Ладен.

Однако Народная Исламская организация проявила себя лишь как маргинальная группа, и бен Ладен отошел от сотрудничества с Тураби, еще более уверовав в то, что должен идти по жизни и добиваться власти, рассчитывая главным образом на собственные силы и объединяя вокруг своих лозунгов сторонников в Саудовской Аравии и других странах арабо-мусульманской уммы.

Группировка бен Ладена неоднократно меняла названия.

Наиболее известным стало «Аль-Каида».

Полагаю, что со временем рассказ о появлении этого названия станет одним из самых знаменитых исторических анекдотов.

На арабском языке слово «аль-Каида» имеет несколько значений, но все они связаны по смыслу с понятием «основа».

Одно из значений – центр, где концентрируются или откуда исходят данные и информация, указания и приказы.

Скажу откровенно, когда я услышал название «Аль-Каида» применительно к организации во главе с бен Ладеном, первое, что мне по ассоциации пришло

в голову, была цитата из известного шпионского бестселлера о Штирлице: «Центр – Юстасу».

Это впечатление у меня сохраняется и по сегодняшний день. Скорее всего, условное название центра, которым руководил бен Ладен («Аль-Каида»), было переведено не очень грамотным переводчиком как название организации. В дальнейшем, в немалой степени благодаря широкой кампании американских СМИ по следам событий 11 сентября 2001 г., это обозначение быстро укоренилось.

Наверное, такая популярность понравилась амбициозному бен Ладену, и он принял это слово в качестве названия своей группировки.

Истоки современного международного терроризма весьма туманны. И это не случайно. Здесь много пересечений профессиональных политиков, военных, международных авантюристов с различными криминальными организациями и группировками – не только в арабо-мусульманском мире, но и в других странах.

Уверен, что в основе феномена современного терроризма лежат факторы финансового характера. В целом, международный терроризм следует рассматривать главным образом как одно из весьма специфических направлений международного преступного синдиката.

Конечно, весьма интересным вопросом является прояснение того, какую ступеньку в этом преступном сообществе занимал бен Ладен.

В этом плане хотел бы подтвердить свою приверженность выдвинутой мною концепции «четырех этажей» современного международного терроризма. Суть ее сводится к следующему.

Первый, «низовой», этаж международной террористической структуры – непосредственные исполнители терактов.

Как говорят представители правоохранительных органов ряда стран, в том числе ближневосточных, при аресте такого рода элементов в преобладающем большинстве случаев оказывается, что они мало что знают о заказчиках терактов; оперативная ценность их показаний весьма ограничена. Зачастую это либо зомбированные, либо заблуждающиеся люди, имеющие свои личные основания быть недовольными существующим положением вещей.

И все же чаще речь идет об обыкновенных наемниках, преступных элементах, работающих за деньги.

В целом, лица, входящие в этот эшелон террористических организаций, конечно, не делают погоды в вопросах определения стратегии действий. При этом именно они в основном гибнут в ходе антитеррористических операций. Имеются также данные и о том, что от них, при необходимости, предпочитают освобождаться их же руководители, в том числе и для имитации «актов самопожертвования».

Второй «этаж» — ячейки на местах и организационные структуры, ведущие как вербовку исполнителей, так и отвечающие за практическое осуществление сценариев терактов.

Этот, казалось бы, «вышестоящий» слой оргструктуры терроризма, как выясняется, мало чем отличается – в плане информированности и участия в принятии принципиальных решений – от исполнителей. Здесь также в основном лишь получают приказы и установки «сверху».

Третий «этаж» – руководители. Именно такую роль выполнили главари – «символы», и прежде всего бен Ладен.

Приходится констатировать, что информация для общественного «потреб-

ления» о планах и целях руководителей зачастую поступала и поступает путем несложных манипуляций по каналам СМИ, в том числе Интернета и при задействовании некоторых межарабских телеканалов, от них же самих. В этом отношении следует крайне осторожно подходить к такого рода «сведениям». Важно было бы также разобраться, в силу каких причин от этих личностей исходили именно такие идеи, объяснения целей терактов, не уводят ли они сознательно в сторону от прояснения подлинной природы и намерений террористических организаций.

В этом отношении еще предстоит выявить механизм вброса в международные СМИ подобных «документов».

Как представляется, правильно было бы говорить и о наличии *«четвертого этажа»* террористических организаций.

Это глубоко законспирированные структуры, необязательно расположенные в далеких странах.

Именно прояснение того, что из себя представляют эти «конструкторы» и руководители современного терроризма, имеет решающее значение для более успешного противостояния этому злу.

Подоплекой террористической активности является финансовый интерес, стремление к получению политической власти, естественно, прежде всего в регионах, где для этого имеются определенные «стартовые» условия (арабские страны, страны Южной Азии и др.).

Приспосабливаясь к антитеррористической кампании, эти структуры расползаются по всему миру, умело используя и злоупотребляя демократическими традициями многих государств, в том числе и стран Запада. В этом отношении оправданными являются мероприятия международного сообщества, направленные на то, чтобы вести борьбу с терроризмом широким фронтом, в том числе и в самих государствах, подвергшихся массированным атакам террористических групп.

В целом терроризм – как это становится все более ясно – является «международным проектом», имеющим многие составляющие, причем наиболее важная из них – финансовая основа этого феномена. Все больше всплывает фактов, подтверждающих взаимосвязь «новых» террористических организаций и «традиционных» преступных сообществ в сфере наркоторговли, нелегальной торговли оружием и т. п. К сожалению, работа правоохранительных органов, направленная на установление контактов между «старыми» преступными сообществами мафиозного типа и террористическим подпольем, пока только делает первые шаги.

Финансовая составляющая современного международного терроризма – это хорошо просчитанная акция, цель которой – как и любой финансовой операции – обеспечить не только возвратность, но и прибыльность вложенных средств. Поэтому терроризм выбирает по определенной логике как источники получения денег, так и «адресатов» финансовых вложений, осуществляемых в интересах террористических и органически связанных с ними структур.

Несколько слов об источниках финансовой подпитки.

К настоящему моменту выявлены в основном факты, касающиеся получения террористами денег из арабо-исламского мира. Это обусловлено рядом причин, в числе которых огромный потенциал повсеместно собираемых благотворительных пожертвований. Согласно Корану, пожертвования в адрес нуждающихся – священный долг каждого правоверного.

Путь к получению этих денежных потоков, в сущности, достаточно тривиален: обоснование тезиса об «обидах», нанесенных собратьям по вере, а также необходимости оказания содействия мусульманам в «проблемных регионах» мира. Этим беззастенчиво пользовались в течение многих лет руководители радикальных и террористических организаций. При этом далеко не случайно, что террористические организации с самого начала обратили особое свое внимание на богатые нефтедобывающие государства Ближнего Востока. К сожалению, приходится констатировать, что в ряде случаев они – на определенном этапе обеспечили себе «понимание» и поддержку со стороны части правящих элит этих стран. Это относится в том числе и к Саудовской Аравии.

В 70–80-е годы сложился своего рода союз нового поколения исламистов радикалов и некоторых саудовских элитарных групп. Радикалы обещали «динамичное» расширение сферы влияния ислама в сопредельных регионах и в мире в целом. Самым обширным плацдармом активности радикальных и экстремистских сил стал Афганистан.

В нашей политической работе мы постоянно обращали внимание руководителей арабских, мусульманских стран на бесперспективность и опасность – для них самих – курса на финансовую подпитку и другие формы помощи экстремистским и террористическим элементам и группам.

Наша работа на этом направлении должна быть продолжена.

Устранение бен Ладена не более чем эпизод на пути к снижению уровня террористической опасности в мире. Следует двигаться дальше, искореняя причины появления экстремистских настроений и проводя решительную и бескомпромиссную борьбу против международного терроризма на всех уровнях этого опасного зла, противостоящего мировому сообществу.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER
http://www.rau.su
E-mail: observer@ru.ru
E-mail: observer@nasled.ru

На сайте Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Внешняя и оборонная политика КНР

Взгляд из Вашингтона

Олег Иванов

В XXI в. центр тяжести мировой политики все больше дрейфует в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где наиболее сложной обстановкой отличается Юго-Восточная Азия. В этом регионе расположены или имеют интересы великие державы: Индия, Китай, Россия, США, Япония и другие быстроразвивающиеся государства. Их интересы переплетаются, совпадают и одновременно вступают в конфликт. В значительной степени происходящий геополитический тектонический сдвиг определяется вектором и характером развития отношений между КНР и США. Для США значимость Азиатско-Тихоокеанского региона увеличивается как с точки зрения возможностей, так и рисков.

В Национальной военной стратегии США (2011 г.) отмечается, что «национальные стратегические приоритеты и интересы все больше будут концентрироваться в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Доля региона в глобальном богатстве растет, подталкивая к наращиванию военного потенциала. Это ведет к быстрому изменению региональной структуры безопасности, создает новые вызовы и возможности для нашей национальной безопасности и лидерству».

Чтобы понять американскую политику в данном регионе, необходимо рассматривать ее через призму приоритетов глобальной стратегии президента Б. Обамы. Они заключаются в следующем:

– сохранение американского доминирования с помощью поддержания выгодного для США баланса силы в мире;

– недопущение появления равных по силам государства-соперника или

ИВАНОВ Олег Петрович – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* olivanov@inbox.ru

Ключевые слова: внешняя и оборонная политика КНР и США, Юго-Восточная Азия.

коалиции держав, которые могли бы нарушить сложившийся баланс силы в каком-либо важном для США регионе;

– недопущение получения доступа к ядерному оружию и ОМУ потенциальными противниками США, к которым относятся как государства, так и негосударственные акторы, укрепляя режим нераспространения с упором на дипломатические средства, но не исключая силовые.

По большому счету, эти приоритеты сохранились со времен холодной войны, но сегодняшняя геополитическая обстановка в регионе характеризуется тем, что есть бурно развивающиеся Индия и Китай, пугающая своей ядерной программой и непредсказуемым поведением Северная Корея, а также стремящиеся сохранить статус-кво такие государства, как США, Австралия, Япония и Южная Корея.

Американское видение эволюции региона заключается в выделении ряда ключевых трендов, затрагивающих интересы США и вынуждающих их реагировать уже не по лекалам времен холодной войны.

Во-первых, беспрецедентный экономический бум, в первую очередь Китая и других стран этого региона, требует определения их адекватного места в мировом экономическом порядке.

Во-вторых, экономический рост уже начал конвертироваться в увеличивающееся военно-политическое влияние и в стремление создать новую архитектуру безопасности в регионе.

В-третьих, набирает обороты военная модернизация, когда, по словам министра обороны США Р. Гейтса, растущие страны стремятся приобрести мощь, соответствующую их экономической силе, а малые государства пытаются сохранить свои позиции в меняющемся региональном порядке. Эти тренды могут привести к опасным результатам, если они усилят те разноплановые региональные проблемы, которые накапливались десятилетиями в годы холодной войны, но гасились противостоянием СССР и США. С другой стороны, есть еще одна тенденция в виде транснациональных угроз и вызовов, которая может сплачивать государства для совместных действий.

Этот геополитический сдвиг в регионе привел к тому, что американские руководители признали необходимость изменения своей стратегии в Юго-Восточной Азии. Традиционно региональная архитектура безопасности выглядела в виде «колеса», где США играли роль «втулки», в которую вставлялись «спицы» – двусторонние альянсы США со своими союзниками. При этом союзники замыкались на Соединенные Штаты и были слабо связаны друг с другом. В настоящее время признается, что эта конструкция не вполне адекватна современным реалиям. Модернизация американской стратегии пошла по следующим генеральным направлениям:

Во-первых, руководство страны решило увеличить свое военное присутствие в регионе, в частности, усилить свою базу на о. Гуам и двинуться дальше на восток.

Во-вторых, начал расширяться спектр применения силы от традиционного сдерживания до применения сбалансированной национальной силы, состоящей из «жесткой» и «мягкой» составляющей*.

---

* Под «жесткой» силой понимается, в первую очередь, военная сила, а под «мягкой» имеется в виду высокотехнологичная экономика, дипломатия и культура. Х. Клинтон ввела новое понятие «умная» сила.

В-третьих, США предложили своим союзникам внести больший вклад в обеспечение своей безопасности, не нанося ущерба союзническим отношениям с США.

В-четвертых, США направили свои усилия на укрепление старых связей, как, например, с Австралией, так и на расширение своих отношений в области безопасности с бывшими противниками, как Вьетнам.

При этом руководство США считает, что главная цель – это не только укрепление роли США в регионе, но и сближение своих союзников и партнеров друг с другом для налаживания многостороннего сотрудничества и решения совместных задач. Однако и при такой политике двусторонние связи не приносятся в жертву.

Особенное значение сегодня приобретают американо-китайские отношения. Они характеризуются, по высказыванию государственного секретаря Х. Клинтон, тем, что Америка и Китай достигли такого решающего момента, когда как большие, так и малые выборы, которые им предстоит сделать, будут формировать направление развития их отношений. С другой стороны, американские официальные лица и эксперты почти единодушно отмечают, что эти отношения проходят испытание под влиянием китайской напористости, которая получила название «чувство триумфа». Китайское руководство полагает, что экономический кризис доказал превосходство китайской политической и социально-экономической модели, подчеркивая, что сегодня Китай на подъеме, а Запад в упадке.

Политика президента Б. Обамы в Юго-Восточной Азии состоит из трех составляющих:

Первая – это активная вовлеченность США в процессы данного региона, которая включает расширение не только военного присутствия, но и американских невоенных программ.

Обновляются и укрепляются связи США с Японией, Южной Кореей, Таиландом, Австралией и Филиппинами.

Углубляется партнерское сотрудничество с Индией, Индонезией, Вьетнамом, Малайзией, Сингапуром и Новой Зеландией, а также развиваются отношения с региональными структурами, такими как АСЕАН. США участвуют в саммите Восточной Азии.

Фактически, по словам американских официальных лиц, перед страной стоит непростая региональная задача по созданию многостороннего потенциала под американским руководством, нацеленного на некоторые ключевые вызовы в регионе.

Вторая составляющая – выстраивание отношений с Китаем, имея в виду быстрый рост его геополитического и экономического веса и влияния в регионе, а в перспективе – за его пределами.

Государственный секретарь Х. Клинтон указывала, что второй элемент стратегии США – установление взаимного доверия с Китаем. В этой связи одной из главных задач двусторонних отношений является создание культуры сотрудничества и совместного разрешения конфликтов интересов.

Примером такого поиска считается стратегический и экономический диалог, вовлекающий сотни правительственных экспертов двух стран.

Экономический аспект остается также важным фактором. США вместе с Китаем должны ориентировать свои экономики так, чтобы обеспечить устойчивый сбалансированный глобальный рост. Однако, как подчеркивает Х. Клинтон: «Сегодня G-2 не существует»[2]. Большое значение уделяется публичной дипломатии как еще одному важному инструменту создания новой

культуры отношений. С этой целью Китай и США запустили новую программу по обмену студентами в количестве 100 тыс. человек.

Трудность создания культуры сотрудничества и совместного разрешения конфликтов интересов заключается в том, что администрация Обамы пришла с планом сделать Китай глобальным партнером на американских условиях, одновременно подвергая критике и состояние дел с правами человека в Китае. В реальности администрация Обамы столкнулась, как считают американские эксперты, с быстро набирающим вес, эгоистичным и агрессивным гигантом, к тому же еще и нежелающим следовать за США.

Третий элемент – это налаживание и расширение сотрудничества в борьбе с общими угрозами и вызовами, такими как глобальная рецессия, распространение ОМУ, терроризм, пиратство, изменение климата, ядерные программы Ирана и Северной Кореи.

Главной проблемой, которая стоит на пути реализации этой стратегии, является опирающаяся на свой растущий экономический потенциал целенаправленная и напористая политика Китая, направленная на оказание все большего влияния на события и процессы, в первую очередь в Юго-Восточной Азии, по принципу расширяющихся концентрических кругов.

В официальном оборонном Белом докладе Китая (2008 г.) заявляется: «Китай стал важным членом международной системы и будущее и судьба Китая все более тесно связывается с международным сообществом. Китай не может развиваться в изоляции от остального мира, но и мир не может процветать и стабильно развиваться без Китая»[3].

Это положение подводит американских экспертов к выводу, что «реформы все более выталкивают Китай в глобальное международное окружение, в котором внешние факторы не могут быть отделены от внутренней китайской среды, и наоборот.

Это двуединое восприятие (наряду с ростом потенциала самого Китая и взаимосвязи с внутренней стабильностью страны. – *Авт.*) привело руководителей партии к заключению, что до 2010 г. они должны сконцентрировать свои усилия на разрешении и использовании внешней напряженности, особенно в отношениях с великими державами, для сохранения благоприятного для Китая окружения»[3].

В подготовленном Пентагоном ежегодном докладе конгрессу о «Развитии Китайской Народной Республики в военной области и безопасности» (2010 г.) подчеркивается, что политика Китая движима рядом факторов, причем некоторые из них находятся вне контроля руководства Китая. В эти факторы входят: национализм, усиленный экономическим развитием страны, сам экономический рост, требующий все больше ресурсов, внутреннее политическое давление, демографическое давление, экология, проблема Тайваня и региональные проблемы, связанные с такими странами, как КНДР, Афганистан, так и территориальные претензии.

В Юго-Восточной Азии территориальные споры Китая со своими соседями могут быть весьма серьезными по последствиям, так как сталкивают Китай со многими крупными странами.

В Восточно-Китайском море Китай претендует наряду с Японией на расширенный континентальный шельф, где есть запасы газа, а также на о-ва Сенкаку, что ведет к конфликту не только с Японией, но и с США.

Министр обороны США Р. Гейтс на пресс-конференции сказал, что Соединенные Штаты не занимают никакой позиции по вопросу принадлежности островов, но так как острова

управляются Японией, то позиция правительства США заключается в том, что они защищены Договором о взаимной безопасности между США и Японией.

Попытки решить проблему Тайваня ведут Китай снова к конфликту с США. Китай также претендует на Парасельские о-ва и о-ва Спратли, где сталкивается с такими странами, как Бруней, Филиппины, Малайзия, Индонезия и Вьетнам.

Есть территориальные споры у Китая и с Индией – из-за Аруначал-Прадеш.

Американские эксперты весьма внимательно следят за эволюцией стратегии Китая. Они считают, что в Китае есть общее понимание относительно главной цели Китая: добиться того, чтобы внешние условия были благоприятными для внутреннего развития страны. Однако, по мнению американских специалистов, в Китае возникают противоречия относительно способов достичь эту цель. Расхождения возникли между политическим руководством и военными, а также среди различных групп внутри академической и экспертной среды.

Выступая в японском университете Кейо, министр обороны Гейтс также сказал, что он был обеспокоен нестыковкой между китайским гражданским и военным руководством. Он сослался на тот факт, что руководитель Китая Ху Дзин Тао не был проинформирован об испытаниях китайского истребителя 5-го поколения с элементам Stealth накануне визита Гейтса в Китай, что, по мнению американской стороны, создавало негативный фон.

В китайской академической и экспертной среде американские эксперты выделяют следующие группы:

– *первая группа* считает, что Китай должен следовать указаниям Дэн Сяо Пина и проводить сдержанную, не амбициозную политику, всячески избегая претензий на лидерство;

– *вторая группа* полагает, что Китай должен проводить более активную политику на региональном уровне, включая США. Цель такой политики заключается в «увеличении китайского влияния и заверении соседей и более отдаленных великих держав в том, что подъем Китая не будет иметь дестабилизирующий эффект на их безопасность»[3];

– в соответствии с подходом *третьей группы* Китай должен быть жестче и более напорист в защите своих интересов, противодействуя усилиям США сдержать Китай или его влияние на таких акторов в Юго-Восточной Азии, как Тайвань, Южная Корея и др.

Похоже, что настоящая стратегия КНР колеблется между вторым и третьим подходом.

Китайская внешняя политика все больше определяется геоэкономическими интересами, потребностями в ресурсах и рынках сбыта своей продукции.

В Глобальной оценке угроз разведывательного сообщества США (2011 г.) отмечается, что «активное преследование и сильная защита Пекином своих интересов за границей частично направлены на обеспечение доступа к рынкам, сырью, ресурсам и поставкам энергоносителей, которые являются жизненно важными для устойчивого экономического роста и стабильности в стране»[4]. В этой связи особенно актуальной задачей китайской стратегии становится обеспечение безопасности и свободы прохода по морскому пути из Индийского океана через Малаккский пролив в Южно-Китайское море.

Это море имеет особое геополитическое значение для стран этого региона в связи с тем, что по нему поступает 80 % сырой нефти для Японии, Южной Кореи и Тайваня и осуществляется около 50 % мировых торговых перевозок.

По большому счету, Китай стремится к тому, чтобы освободиться от аме-

риканского контроля над этими путями. В значительной степени на это, видимо, и направлен стремительный рост военного потенциала Китая, вызывающий большую озабоченность в американском руководстве.

По мнению американских экспертов, Китай постепенно наращивает свои усилия в военной сфере по нескольким направлениям.

В рамках первого китайские вооруженные силы должны обеспечить территориальную целостность и суверенитет страны. Здесь китайское руководство рассматривает и решение проблемы Тайваня.

«Вероятно, что китайские военные продолжают уделять внимание, чтобы сдержать попытки, направленные на сохранение независимости Тайваня или повлиять на Тайвань, чтобы он пошел на решение конфликта на условиях Пекина...»[3]

В рамках второго направления китайское руководство постепенно готовит своих военных для проекции силы за пределы национальных границ.

«В дополнение к подготовке к особой обстановке из-за Тайваня Народно-Освободительная армия Китая развивает свои новые платформы и возможности, которые расширят ее оперативную зону досягаемости. Это позволит приступить к решению проблем в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также, вероятно, в Индийском океане, выходя за пределы второй островной цепи* в западной части Тихого океана»[3].

В соответствии с третьим направлением китайские вооруженные силы приступили к проведению «операций вне условий войны», под которыми понимается борьба с терроризмом, поддержание социальной стабильности, поисково-спасательные операции и международные миротворческие операции.

В декабре 2008 г. вступил в строй первый большой госпитальный корабль, который может участвовать как в боевых, так и в гуманитарных миссиях.

В 2009 г. китайские корабли осуществляли антипиратский конвой в Аденском заливе, подчеркивая новую историческую миссию, которую Китай готов взять на себя в XXI в.

Последнее направление вызывает особую тревогу у американских политиков и военных. Оно не связано с непосредственным применением военного насилия, а включает защиту морских путей, кибервойну, обеспечение безопасности космических объектов, военную дипломатию и подготовку к появлению неожиданных условий и событий. Однако никто не может гарантировать, что после освоения новых регионов в ходе «операций вне условий войны» туда не последуют боевые части китайских вооруженных сил.

Особую тревогу у американских руководителей вызывает непрозрачность и непредсказуемость военно-политического планирования Китая.

В Национальной военной стратегии США (2011 г.) указывается: «Мы по-прежнему озабочены масштабом и стратегическим намерением китайской военной модернизации, а также ее напористостью в космосе, киберпространстве, в Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях»[1].

По мнению американских аналитиков, модернизация флота и военно-морские планы Китая особенно показательны в этом смысле. Они нацелены на дальнейший отход от традиционной стратегии обороны собственной территории и переход к новой стратегии «Обороны дальних морей». Таким образом, расширяется зона действий китайского флота. Одно из ключевых

---

* Вторая островная цепь выходит восточнее Японии и достигает о. Гуам[4].

направлений стратегии – это закрытие доступа американскому флоту в заданный район. При этом подразумевается не противопоставление равного количества самолетов и кораблей, а развитие такого потенциала, который как минимум помешает свободному действию американских сил.

Опасность намерений Китая усилило заявление китайских официальных лиц в марте 2010 г., что Китай не потерпит никакого вмешательства в Южно-Китайском море, являющемся сейчас зоной «коренных» суверенных интересов Китая... Впервые китайцы назвали Южно-Китайское море зоной «коренных» интересов наряду с Тайванем и Тибетом. Китайский военно-морской флот перешел к сопровождению китайских коммерческих судов не только в Юго-Восточной Азии, но и дальше через Малаккский пролив до Персидского залива, стремясь обеспечить тем самым безопасность и контроль морских путей.

США настаивают на своем понимании свободы действий в этом регионе и безопасности морских путей. Также вызывает неприятие в США заявление китайской стороны о своей интерпретации 200-мильной прибрежной морской зоны.

«Соединенные Штаты утверждают, что международное право позволяет прибрежному государству иметь только особые коммерческие права в этих зонах. В то время как Китай заявляет, что он может контролировать в них фактически любую деятельность»[5].

Китайские официальные лица заявляют, что их вооруженные силы, и флот в частности, имеют оборонительный характер. Однако, по мнению американской стороны, понятие обороны китайцами трактуется слишком широко, когда зона обороны следует за расширением своих экономических интересов. Все это сопровождается быстрой военной модернизацией Китая.

«Региональные (имеется в виду Юго-Восточная Азия. – *Авт.*) официальные лица были удивлены, сказал Хуанг Джинг, ученый, занимающийся китайскими вооруженными силами в Национальном университете Сингапура. Мы были в неведении. Мы думали, что китайские военные отстали от нас на 20 лет, но неожиданно осознали, что Китай догоняет»[5].

Подтверждая этот тезис, в декабре 2010 г. командующий Тихоокеанским командованием США адмирал Уилард заявил, что Китай уже имеет рабочий проект баллистической ракеты, которая называется «Убийца авианосцев», и вскоре она будет готова к размещению.

Важным моментом, влияющим на двусторонние отношения, является состояние военно-политических отношений между Китаем и США. Здесь показательно то, как китайские военные рассматривают своих американских визави.

В конце XX – начале XXI в. четко обозначился водораздел в среде китайских военных. Если в период холодной войны военные обоих государств рассматривали СССР как общего противника, то после ее окончания молодое поколение китайских военных переключилось на США. Это поколение воспитано на антиамериканизме и считает, что США препятствуют развитию Китая.

По утверждению китайского контр-адмирала Янг И, «США сжимают кольцо окружения вокруг Китая и постоянно бросают вызов китайским коренным интересам»[6].

Однако, как признают американские эксперты, ничего нового в политике США по отношению к Китаю нет. Что изменилось, так это сам Китай. Китайское руководство не желает больше мириться с политикой США. В связи с этим министерство обороны США пересматривает свои отношения с китайскими военными. Важным направ-

лением считается необходимость налаживания сотрудничества. Например, рассматривается возможность обмена молодыми офицерами и проведение совместных военных учений. По мнению американского руководства, этот подход поможет избежать недоверия и ошибок в расчетах обеих сторон.

Является ли неизбежным столкновение Китая с США в настоящее время?

Как считают некоторые американские эксперты, Китай не представляет экзистенциональную угрозу американской безопасности. В отличие от США он не пытается экспортировать свои ценности, навязывать свою модель правления другим странам и вообще играть роль мессии. Руководство страны не стремится выиграть гонку вооружений с кем-либо, а китайская внешняя политика движима больше экономическими интересами в поиске доступа к новым сырьевым ресурсам и рынкам.

Не имея намерений вступить в вооруженный конфликт с другими государствами, КНР развивает свой экономический и военный потенциал, чтобы изменить баланс силы в регионе и тем самым опосредованно воздействовать на поведение возможных противников или конкурентов. Сдержанность и терпение в достижении результатов остается характерной китайской чертой.

В официальных документах США Китай не признается противником. По словам президента Обамы, «в американо-китайских отношениях есть разногласия и трудности. Но нет предрасположенности, что мы должны быть противниками»[3].

Тем не менее наличие противоречий и сталкивающихся интересов указывает на определенные сложности, которые могут привести к конфликту. Есть ряд признаков того, что силовое столкновение с Китаем не исключается из американского военного планирования.

Выступая в 2003 г. в конгрессе США, директор ЦРУ Дж. Тенет подчеркнул: «В добавление к давним угрозам со стороны российских и *китайских* (курс. – *Авт.*) ракетных сил перед США в ближайшее время станет угроза межконтинентальных ракет со стороны Северной Кореи»[7].

В настоящее время Китай идет по пути увеличения своего ракетного потенциала.

В одном из своих выступлений министр обороны США Рамсфелд подчеркивал: «Китай, похоже, увеличивает количество своих ракет, что позволяет достичь цели во многих районах мира, а не только Тихоокеанского региона... Китай наращивает свои возможности по проецированию силы и развивает передовые военные технологии. Поскольку ни одно государство не угрожает Китаю, то интересно, зачем эти растущие инвестиции, зачем эти постоянно увеличивающиеся военные закупки, зачем эти продолжающиеся мощные развертывания?»[8]

По американским экспертным оценкам, «предстоящая конфронтация с Китаем находилась в центре внимания американской стратегии национальной безопасности 2002 г. и оправдывала доктрину сохранения американского военного превосходства на последующие поколения. Собственно стратегическая цель Китая заключается в том, чтобы сделать Южно-Китайское море и Тайваньский пролив собственными Карибами, исключая американское военное влияние и возможное экономическое преимущество»[9].

В принципе, американское военное планирование уже рассматривает сценарий силового столкновения с Китаем как возможный и готовится к нему. В частности, «в июне (2005 г. – *Авт.*) на слушаниях в сенатском комитете по вооруженным силам при утверждении на должность начальника штаба ВВС генерал Мосли сказал, что расчет над-

лежащего сочетания сил ВВС США в Азии для нанесения поражения Китаю в случае конфликта является для него приоритетным»[10]. Весьма показательным в этом отношении также явилось и выступление в конгрессе США директора американской национальной разведки Дж. Клэппера (10 марта 2011 г.). Он прямо заявил, что Китай и Россия представляют, хотя и не смертельную, но угрозу безопасности США. Отметив при этом, что угроза со стороны Китая выше, так как США подписали с Россией договор СНВ.

Необходимо признать, что в значительной степени обстановка в Юго-Восточной Азии характеризуется стратегической неопределенностью. Баланс сил в регионе имеет динамичный характер и в чем-то напоминает геополитический ландшафт второй половины XIX в. в Европе. Китай более не будет мириться с тем, что США продолжают считать себя державой-гегемоном в регионе и проводить соответствующую политику, пытаясь сдержать растущие, в первую очередь геоэкономические, интересы Китая. В частности, он не согласится с тем, что США будут по-прежнему контролировать морские пути, обеспечивать их безопасность и настаивать на своей свободе действий.

Пока же конфликтный потенциал в регионе накапливается, задача России будет заключаться в том, чтобы, участвуя в укреплении региональной системы безопасности, держаться в стороне от возможных столкновений между ведущими азиатскими державами. По сути, нам выгоднее занять то положение, которое занимал Китай во время холодной войны, наблюдая за противоборством между СССР и США, а не принимать однозначно чью-либо сторону.

Примечания

1 The National Military Strategy of the United States of America. Washington, DC., 2011. P. 15, 14.

2 Inaugural Richard C. Holbrooke Lecture on a Broad Vision of U.S.-China Relations in the 21st Century. Hillary Rodham Clinton Secretary of StateBenjamin Franklin Room, Washington, D.C., 2011. January 14.

3 Цит. по: Annual Report to Congress Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. Office of the Secretary of Defense. Washington D.C., 2010.

4 Statement for the Record on the Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community for the House Permanent Select Committee on Intelligence. 2011. February 10.

5 *Wong E.* Chinese Military Seeks to Extend Its Naval Power // New York Times. 2010. April 23.

6 *Wines M.* U.S. Alarmed by Harsh Tone of China's Military // New York Times. 2010. October 11.

7 DCI's Worldwide Threat Briefing. The Worldwide Threat in 2003: Evolving Dangers in a Complex World. 2003. February 11.

8 Secretary Rumsfeld's Remarks to the International Institute for Strategic Studies. U.S. Department of Defense. News Transcript. 2005. June 4.

9 *Weinstein M.* The New Regionalism: Drift Toward Multi-Polarity, Power and Interest News Report. 2004. June 7.

10 *Cody E.* Shifts in Pacific Force U.S. Military To Adapt Thinking New Plans Reflect Reaction To China's Growing Power // washingtonpost.com. September 17. 2005. P. A01.

Принципы иммиграционной политики Н. Саркози

Надежда Шмелева

Франция традиционно считалась одной из самых «гостеприимных» стран для иммигрантов. Последние рассматривались как необходимое звено нормального функционирования общества, позволяющее восполнить нехватку дешевой и нетребовательной рабочей силы, а также решить демографические проблемы в связи со старением населения. Прибывающие в страну иностранцы достаточно легко устраивались на работу, привлекались левыми силами к совместным политическим выступлениям в защиту своих прав. Некоторые из них, заработав деньги, возвращались к себе на родину, другие, оставшись, вливались в жизнь Франции.

Проблемой массовая иммиграция стала в связи с мировым экономическим кризисом первой половины 70-х годов, стагнацией и ростом безработицы. Кроме того, в последние десятилетия XX в. начал меняться характер иммиграции, которая постепенно становилась не столько рабочей, сколько поселенческой.

По данным Национального института демографических исследований, с 1995 по 2004 г. число иммигрантов, приезжающих во Францию по линии воссоединения семей, возросло на 65 %[1].

Иммигранты отныне рассматривались как конкуренты, занимающие те рабочие места, которых и без тогоне доставало коренным французам, а также претендующие на социальную помощь. Все это привело к появлению во французском обществе негативного отношения к вновь прибывшим, вплоть до ксенофобии.

Начиная с 1974 г. Франция пошла по пути ограничения иммиграции, допуская в страну в основном политических беженцев и членов семей иммигрантов. Но такая политика вызвала рост нелегальной иммиграции.

Появились также два новых фактора, которые оказывали существенное

ШМЕЛЕВА Надежда Викторовна – аспирант-соискатель заочного обучения кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) МИД России. *E-mail:* Chmeleva@inbox.ru

Ключевые слова: иммиграционная политика Саркози, интеграция, идентичность, Франция.

влияние на процесс иммиграции и на формирование иммиграционной политики Франции. Речь идет, во-первых, о глобализации, – объективном процессе, который, с одной стороны, способствовал усилению иммиграционных потоков, размыванию понятия национальной идентичности, а с другой – обострил потребность людей в ощущении принадлежности к какой-либо группе, общине, нации, побуждая их к объединению, в том числе и в этнорелигиозные группы. Во-вторых, прогресс европейской интеграции привел к тому, что решение многих вопросов иммиграционной политики было вынесено на наднациональный, общеевропейский уровень, что наложило определенные ограничения на деятельность в этой области французского правительства, вынужденного считаться с общеевропейскими директивами и постановлениями.

В это же время обострилась проблема интеграции иммигрантов во французское общество. Отсутствие работы или случайные заработки иммигрантов, приезжающих по линии воссоединения семей, сужали возможность их непосредственных контактов с французами и не стимулировали их интегрирование в жизнь французского общества.

Но главное, изменился этнорелигиозный состав иммигрантов.

По данным Национального института статистики и экономических исследований, в 1968 г. во Франции иммигранты из Европы составляли подавляющее большинство, их было 76,4 %, иммигрантов из Африки было относительно немного – 19,9 %, а из Азии – всего 2,5 % [2].

К 2004 г. доля иммигрантов из европейских стран снизилась до 41 %, а доля выходцев из Африки (42 %) и из Азии (14 %) значительно выросла, что привело к тому, что с начала третьего тысячелетия большинство иммигрантов, живущих во Франции, – это иммигранты из Африки и Азии. Причем азиатские и африканские иммигранты приезжали в подавляющем большинстве из мусульманских стран, (Алжира, Марокко, Туниса, Турции)[3].

В результате ислам вышел на позиции второй религии страны.

Доля иммигрантов в населении Франции значительно выросла.

В 2004 г. во французской метрополии, по данным *INSEE*, иммигрантов старше 18 лет насчитывалось 4,5 млн чел., что составляло 9,6 % взрослого населения Франции, в отличие от 8,9 % в 1999 г.[4]

Речь идет, естественно, только о законных иммигрантах. Со всей остротой встал вопрос обеспечения такого большого числа приезжих работой, достойным проживанием, всем социальным пакетом, без чего их интеграция представлялась еще более проблематичной.

Иммигранты не только испытывали большие трудности при интеграции в жизнь французского общества, но зачастую и не чувствовали потребности в этом. Концентрация вновь прибывающих иностранцев в отдельных компактных местах проживания привела к появлению своего рода гетто, где жизнь протекала по своим законам, а уровень безработицы и преступности был значительно выше среднего.

Реальной стала угроза единству нации, стабильности в стране. Был поднят вопрос о сохранении французской национальной идентичности. Таким образом, к концу XX в. проблема интеграции встала со всей остротой.

Сложившаяся ситуация вынудила власти (с 2002 г. во главе страны стоят представители правой партии «Союз за народное движение») перейти к решительным действиям по упорядочению интеграционных процессов в стране. Поворот в иммиграционной политике Франции наметился со времени прихода Н. Саркози на пост ми-

нистра внутренних дел (2002 г.) и закрепился в последующие годы. Основополагающие законы в этой области были приняты в 2003–2006 гг.

Для проведения сбалансированной иммиграционной политики власти исходили из взаимозависимости и взаимообусловленности ее основных аспектов: необходимости обеспечить интеграцию иммигрантов в жизнь французского общества, что невозможно без ограничения притока нежелательной иммиграции.

Саркози именно так сформулировал (2010 г.) основные задачи в области иммиграционной политики: «Если мы не возьмем под контроль миграционные потоки, наша интеграционная система рухнет, а национальная идентичность будет поставлена под угрозу»[5].

Для решения проблем по сокращению притока иммигрантов и по их интеграции была выработана новая стратегия – избирательная иммиграция, которая предполагала активные действия правительства по разным направлениям.

1. *Принцип избирательной иммиграции.* Пересмотрев политику отказа от рабочей иммиграции, правительство стремилось привлекать иммиграцию избирательную, отобранную в соответствии с экономическими потребностями страны. Были приняты меры по стимулированию приезда в страну квалифицированных работников, а также по созданию благоприятных условий для привлечения выдающихся специалистов и талантливых многообещающих молодых людей.

Такое изменение политического курса объяснялось многими причинами. Прежде всего, несмотря на значительный уровень безработицы, в том числе и безработицы среди иностранцев, во Франции в некоторых секторах экономики, как это показали, в частности, исследования, представленные в 2006 г. в докладе Центра стратегического анализа, существовала и нехватка специалистов. Речь шла о таких областях, как строительство, общественные работы, машиностроение, гостиничное и ресторанное дело, работа в больницах. На вакантные места требовались, как правило, работники средней квалификации, но в докладе отмечалась, что «с уходом на пенсию многочисленного поколения людей, родившихся сразу после войны, возрастет также и потребность <...> в высококвалифицированных работниках».

Кроме того, преследовалась цель привнести качественные изменения во французскую иммиграцию. Иммигранты, приезжавшие в основном по линии воссоединения семей, отличались по своему уровню образования и квалификации от иммигрантов, живущих в других западных странах.

Так, в 2002–2003 гг. среди иностранцев в возрасте от 25 до 64 лет, проживающих во Франции, доля людей, не имеющих законченного среднего образования, достигала 64 %, тогда как в таких странах, как, например, Швейцария, Великобритания или Дания, этот показатель составляет 31 %, а в Норвегии – всего 18 %[6].

Такие иммигранты, находящиеся, по сути, на нижней ступени социальной лестницы, оказывались наиболее уязвимыми при малейших неблагоприятных изменениях конъюнктуры, нуждались в наибольшей социальной защите, и, вместе с тем чаще всего именно эти слои населения служили питательной средой для преступности. К тому же, стимулируя прибытие в страну образованных иммигрантов, власти могли бы хоть частично компенсировать «утечку мозгов» из самой Франции, то есть переезд образованных высококвалифицированных французов в другие страны, прежде всего в США и Великобританию.

2. *Сокращение семейной иммиграции.* Правительство взяло курс на сокращение, насколько возможно, семейной иммиграции*, которая стала к началу XXI в. не только главным источником роста иммиграции во Францию, но также и главным путем проникновения в страну незаконных иммигрантов. После закрытия границ для рабочей иммиграции брак (часто фиктивный или принудительный) с лицом французской национальности стал очень распространенным способом получения права на проживание во Франции, так же как и признание (часто фиктивное) отцовства ребенка, имеющего французское гражданство.

Если в 1995 г. заключалось 16 659 смешанных браков между французским гражданином/гражданкой и иностранцем/иностранкой, то в 2003 г. этот показатель достигал 30 921[7].

Благодаря законам, принятым в 2003 и 2006 гг., был поставлен жесткий барьер для злоупотреблений в этой области. Въезд в страну по линии семейной иммиграции больше не означал скорого получения права на окончательное обустройство во Франции. Были установлены санкции против фиктивных браков, заключаемых для получения вида на жительство во Франции.

Наказание предусматривало 5 лет лишения свободы и штраф в 15 тыс. евро (10 лет тюремного заключения и 750 тыс. евро, если в организации фиктивного брака принимала участие организованная банда).

Лицам, вступающим в брак за границей, стало необходимо получить сертификат от консульских служб Франции о возможности заключения брака. Для выдачи такого сертификата консульские службы должны были рассмотреть документы будущих супругов, при необходимости встретиться с ними для предупреждения заключения фиктивных или насильственных браков.

Для борьбы со злоупотреблениями при признании иностранцем ребенка-француза в законе указывалось, что отныне родитель не получал по факту признания отцовства удостоверение личности иностранца, постоянно проживающего во Франции. Он мог рассчитывать только на получение временного вида на жительство с указанием «частная и семейная жизнь» при условии, что он активно принимал участие в материальном обеспечении и воспитании ребенка. Закон также отменил узаконение положения нелегального иммигранта, если он прожил в стране в течение не менее 10 лет, что прежде делало Францию страной, в высшей степени привлекательной для нелегальной иммиграции.

Закон об избирательной иммиграции от 2006 г. вызвал бурю негодования в левых и левоцентристских СМИ. Представители различных гуманитарных ассоциаций, религиозных кругов, левых партий, интеллигенции, профсоюзов единодушно обрушились с яростной критикой на принцип избирательной иммиграции, которую они называли «иммиграция разового использования (одноразовая иммиграция)», или «выбрасываемая иммиграция». С их точки зрения, положение иностранцев в результате проведения такой реформы становилось более хрупким и уязвимым.

«Этот законопроект негуманен. Он рассматривает иностранца в лучшем случае как товар, рабочую силу, да и то, если он талант-

* Имеется в виду приезд членов семьи к обосновавшемуся во Франции иммигранту, а также лиц, вступивших в брак с французским гражданином.

лив. Годится только тот иностранец, который полезен, который работает. Все другие отныне не люди», – заявил на страницах газеты ФКП «Юманите» сотрудник Института экономических и социальных исследований Антуан Мат[8].

«Шаткое положение, сначала у молодежи, потом у иностранцев» – так озаглавил социалист Лоран Фабиус статью в «Монд» (25 апреля 2006 г.) [9]; «Иммиграция, охота началась», «На правом фланге – шум и запах ксенофобии», – писала «Либерасьон» 25 апреля 2006 г.[10]

Тем не менее нельзя утверждать, что такая позиция оказалась близка большинству французов.

Как показал опрос общественного мнения, опубликованный в газете «Фигаро», 60 % французов не считали удовлетворительными существующие правила приема иммиграции, что предполагало признание необходимости реформы в данной области[11].

Эти цифры показывали, что в целом Франция ощущала необходимость ужесточения иммиграционной политики.

Взяв курс на избирательную иммиграцию, власти руководствовались экономическим прагматизмом и проявили политическую твердость, стремление преодолеть тревожную ситуацию в области иммиграции, сложившуюся к этому времени. Отвергая как позицию крайне левых сторонников полного открытия границ, так и точку зрения крайне правых, выступающих за «нулевую» иммиграцию, закон предлагал некий средний вариант, который мог бы переломить тревожное положение в области иммиграции.

Однако противопоставление нежелательной, случайной иммиграции, под которой подразумевается иммиграция семейная, иммиграции избирательной, трудовой, не вполне логично. Ведь иммигранты, приезжающие во Францию работать, захотят вызвать к себе членов своих семей, и наоборот, члены семей пытаются устроиться на работу, так что эти два вида иммиграции тесно взаимосвязаны, и, как, например, считает социолог Эрик Фассен, «вряд ли возможно, поощряя избирательную иммиграцию, одновременно сдерживать иммиграцию случайную»[12]. Скорее речь может идти о том, чтобы увеличить долю рабочей иммиграции в ущерб иммиграции семейной.

Действительно, в 2007 г. в своем поручении министру иммиграции, интеграции, национальной идентичности и совместного развития Б. Ортфе президент Н. Саркози сформулировал именно эту задачу: «Поставьте перед собой цель добиться того, чтобы экономическая иммиграция составляла 50 % всей иммиграции»[13].

Соотношение между двумя видами иммиграции, действительно, стало меняться, однако не столько за счет прироста рабочей, то есть избирательной, иммиграции, сколько за счет сокращения иммиграции семейной. Статистические данные говорят о том, что новый политический курс на сокращение семейной иммиграции начал приносить ожидаемые результаты.

Если с июня 2006 г. по июнь 2007 г. во Францию въехало 97 тыс. иностранцев – супругов французов или родственников обосновавшихся в стране иммигрантов, то за такой же период следующего года это число сократилось до 85 тыс. чел.[14]

Соответственно, доля рабочей иммиграции возросла.

Если в 2006 г. иммигранты, приезжающие на работу, составляли всего 7 % от общего числа иммигрантов, то в 2007 г. их доля увеличилась до 9,4 %[15].

3. *Усовершенствование системы предоставления убежища.*

До 2003 г. во Франции существовали различные статусы беженцев. Конвенциональный и конституционный статусы (основанные, соответственно,

на нормах Женевской конвенции (28 июля 1951 г.) и Конституции Франции, предоставляющие беженцам практически одинаковый статус), позволяли беженцам получить удостоверение личности иностранца, постоянно проживающего во Франции, сроком на 10 лет, право на работу и социальные услуги.

Территориальный статус предоставлялся тем беженцам, для которых возвращение на родину сопряжено с опасностью для жизни. Введение территориального убежища, предоставляющего временную защиту на один год, связано со стремлением, не нарушая существующие правовые нормы и республиканские принципы, ограничить поток беженцев, которые бы оседали окончательно на территории Франции.

Рассмотрением дел о предоставлении того или иного статуса занимались различные организиции.

Французское бюро помощи беженцам и апатридам занималось вопросами статуса конвенционального и конституционального беженца, а министерство внутренних дел предоставляло статус территориального беженца.

Этот тяжеловесный и запутанный механизм усложнял получение статуса беженца тем, кто на него мог действительно претендовать, одновременно позволяя лицам, стремящимся любым путем проникнуть и обосноваться на территории Франции, пользоваться такой многоступенчатой системой для своих целей. Иностранцы могли подавать заявления в разные инстанции, причем, когда они получали отказ в предоставлении конвенционального или конституционного убежища, они могли сначала подать иск в Комиссию обжалования для беженцев, а в случае отказа и в этой инстанции обратиться с просьбой о предоставлении территориального убежища. Это затягивало процесс вынесения решения по их поводу на более долгое время. Речь могла идти о двух-трех годах, иногда даже больше.

Если в 1997 г. во Французское бюро защиты беженцев и апатридов было подано 21 416 заявлений с просьбой о предоставлении убежища, то в 2002 г. их число увеличилось более чем в два раза и достигло 51 087[16].

К тому же те нелегальные иммигранты, которые уже находились во Франции, в случае проверки их документов и обнаружения, что их нахождение в стране незаконно, также подавали прошение о предоставлении им статуса беженцев, что также затягивало их пребывание во Франции. На территории Франции накапливалось все большее число иностранцев, ждущих окончательного решения, которых надо было кормить, лечить, чьих детей надо было учить в школах. Проблема состояла еще и в том, что если ежегодно около 40 тыс. чел. получали отказ в политическом убежище, то большая их часть не уезжала из страны, а переходила на положение нелегальных иммигрантов, оставаясь жить во Франции.

В результате принятого в 2003 г. Закона о праве на убежище отныне все дела рассматривались «в одном окошке» — Французском бюро помощи беженцам и апатридам, срок рассмотрения документов был сокращен в среднем более чем в два раза (с 258 дней в 2003 г. до 108 дней в 2005 г.).

Были также введены понятия «надежная страна» и «внутреннее убежище», предусматривающие возможность быстро отказать в прошении об убежище в том случае, когда иностранец приехал из страны, фигурирующей в списке «надежных стран», где соблюдаются права человека и основные свободы, или если у иностранца, обратившегося с такой просьбой, была возмож-

ность получить убежище в своем же государстве.

Закон 2003 г. рационализировал и упростил процедуру предоставления убежища, но вместе с тем и поставил более жесткий заслон для тех, кто хочет воспользоваться статусом беженца просто для того, чтобы поселиться во Франции.

В результате предпринятых шагов число лиц, ищущих убежище, сократилось с 52 204 (2003 г.) до 26 269 (2006 г.), то есть почти в два раза[16]!

4. *Усиление борьбы с нелегальной иммиграцией.* Франция совместно с другими европейскими странами стала высылать из страны нелегальных иммигрантов.

В 2003 г. появилась программа с цифровыми показателями, предполагающая конкретное количество удалений нелегальных иммигрантов с территории Франции. Можно сказать, что с этого периода происходит усиление полицейских мер по борьбе с нелегальной иммиграцией.

В циркуляре от 22 октября 2003 г. министр внутренних дел Н. Саркози обратился к префектам с призывом удвоить за короткий срок число высланных иммигрантов. Причина такого указания содержится в самом циркуляре: «Действительное выполнение решения об удалении – это условие, необходимое для того, чтобы вся государственная политика по управлению процессом иммиграции вызывала доверие»[17].

Параллельно налаживалось сотрудничество со странами исхода с тем, чтобы последние в обмен на экономическую поддержку принимали меры против отъезда нелегальных эмигрантов и соглашались принять назад своих бывших граждан, высланных из Франции.

В рамках программы соразвития максимально стимулировалось оказание иммигрантами, живущими во Франции, экономической помощи в развитии стран, из которых они уехали. Для этого на специальный счет привлекались денежные средства таких иммигрантов, получавших налоговые льготы во Франции, и деньги с такого счета могли сниматься только на оказание помощи в развитии экономики страны исхода.

Поддерживались проекты совместного (французского правительства, правительства развивающейся страны и иммигрантов) финансирования строительства объектов на бывшей родине таких иммигрантов (школ, больниц, предприятий). Создавая рабочие места в наиболее проблемных регионах стран исхода, французское правительство надеялось тем самым сдержать поток иммигрантов во Францию.

5. *Комплексное решение проблем неблагополучных кварталов.* Еще в 1996 г. было положено начало выделению «нестабильных городских зон» *(zones urbaines sensibles).*

Речь шла о неблагополучных кварталах и районах, населенных в значительной степени иммигрантами. В 2003 г. был принят Закон об ориентации и планировании городов и городского обновления[18], предусматривавший комплексные действия по выправлению тяжелой ситуации, сложившейся в этих зонах, как в области занятости, жилищных условий, школьного обучения, так и в сфере безопасности ввиду ухудшающейся в этих районах криминогенной обстановки.

Чтобы покончить с недопустимым положением в сфере наркоторговли и высоким уровнем преступности в 2002 г. по инициативе Н. Саркози, в то время министра внутренних дел, были созданы региональные группы оперативных действий, в состав которых входили полицейские, а также жан-

дармы, работники налоговых служб и таможенники. В задачу этой структуры входило борьба на местах с правонарушениями и преступностью. Полиция вновь вернулась в неблагополучные кварталы. Представители властей, кстати, считали, что именно это стремление правительства установить действительный контроль над неблагополучными кварталами и тем самым помешать деятельности наркоторговцев и привело к беспорядкам осенью 2005 г.

Так, Н. Саркози в своем выступлении перед новыми членами своей партии «Союз за народное движение» заявил: «Первая причина <...> взрывов насилия в пригородах – это не дискриминация, не неудачи в школе. Первая причина отчаяния, царящего в этих кварталах, – это наркобизнес, бандитские законы, это диктатура страха»[19].

6. *Принуждение иммигрантов к интеграции.* Немалое внимание стало уделяться проблеме интеграции иммигрантов в жизнь французского общества.

Въезжающие в страну иммигранты должны были отныне подписывать контракт об уважении французского образа жизни (контракт о приеме и интеграции). Факт подписания и соблюдения этого контракта должен был учитываться при рассмотрении вопроса о выдаче вида на жительство и предоставлении французского гражданства. Подписание такого контракта обязывало иностранца внимательнее и с бóльшим уважением относиться к французским нормам жизни, основанным на республиканских демократических ценностях и предполагающим в том числе такие принципы, как равенство мужчин и женщин и запрет на полигамию.

Иностранцы, желающие въехать во Францию в рамках семейной иммиграции, должны были продемонстрировать также знание французского языка. Если эти знания оценивались как неудовлетворительные, кандидаты на получение долгосрочной визы должны были в течение как минимум двух месяцев посещать курсы французского языка, организованные на местах, а также прослушать курс об основных ценностях Французской республики. Аттестат о прохождении этих курсов должен быть предоставлен для получения визы. Таким образом, речь шла не о том, чтобы требовать действительное знание французского языка, а скорее о том, чтобы получить подтверждение готовности кандидата на переезд во Францию приобщиться к языку и культуре своей будущей родины.

Выступая с предложением начать дискуссию о национальной идентичности во Франции, Н. Саркози обратился к французскому обществу со следующим призывом: «Давайте уважать тех, кто к нам приезжает, но давайте и с уважением относиться к тем, кто принимает приезжающих (иммигрантов)»[20].

Закон 2005 г., запрещающий ношение мусульманского платка и других явных атрибутов религиозной принадлежности в государственных школах, Закон 2010 г., запрещающий ношение полностью закрывающей лицо одежды (прежде всего имелись в виду чадра и никаб) в общественных местах, специальное финансирование, выделяемое зонам приоритетного развития, в которых в основном проживают иммигранты и их дети, социальные пакеты для наиболее обездоленных, к числу которых относятся опять-таки иммигранты и их семьи, программы по оказанию медицинской помощи даже нелегальным иммигрантам, а также предоставление возможности их детям посещать французскую школу – все это подтверждает, что иммиграционная политика 2000-х годов направлена на снижение рисков, связанных с маргинализацией иммигрантов, грозящих расколом и потерей идентичности современному французскому обществу.

Подводя итог, можно сказать, что в начале третьего тысячелетия произошли качественные изменения в иммиграционной политике страны. Правительство постепенно перешло от пассивной политики вынужденного приема тех иммигрантов, от которых, уважая республиканские ценности и принципы, нельзя было отказаться, к активной политике отбора иммиграции, исходя из экономических потребностей и национальных интересов страны.

За исследуемый период выявилось три устойчивых вектора развития иммиграционной политики Франции.

1. Комплексное решение проблем иммиграции.
2. Тенденция к проведению политики избирательной иммиграции и побуждению к интеграции, основанной на защите республиканской модели и национальной и европейской идентичности.
3. Усиление полицейских мер борьбы с нелегальной иммиграцией.

Проблемы иммиграции и интеграции на данный момент еще никак нельзя назвать решенными. В своем выступлении и ответах на вопросы журналистам (16 ноября 2010 г.) Николя Саркози признал, что «интеграционная система во Франции не работает»[21].

Однако можно говорить, что правительство в ходе реформ 2003–2007 гг. предприняло с учетом существования жестких юридических рамок, установленных на национальном и общеевропейском уровнях, максимально возможные меры по выправлению ситуации, что позволяет с бóльшим оптимизмом относиться к возможным перспективам в этой области.

Примечания

1 Institut national d'etudes demographiques. Statistiques des flux d'immigration en France. Annee 2005. http://www.ined.fr/fichier/t_telechargement/21967/telechargement_fichier_fr_immigration05.pdf

2 Institut national de la statistique et des etudes economiques. Immigres selon le pays d'origine http://www.insee.fr/fr/themes/tableau.asp? reg_id=0&ref_id=natcci02124&id=427&souspop=4

3 Insee premiere № 1042, septembre 2005. Les immigres en France: une situation qui evolue. http://www.insee.fr/fr/ffc/docs_ffc/IP1042.pdf

4 Insee premiere № 1001, janvier 2005. Enquetes annuelles de recensement: premiers resultats de la collecte 2004 http://www.insee.fr/fr/ffc/docs_ffc/ip1001.pdf

5 Le Monde 16.11.2010 // http://www.lemonde.fr/politique/article/2010/11/16/sarkozy-prone-la-creation-d-un-nouvel-impot-sur-le-patrimoine_1441038_823448.html

6 Доклад SOPEMI/OCDE, 2004 г. Табл. 1–12 // http://www.oecd.org/dataoecd/46/33/37965376.pdf

7 Insee – Evolution et structure de la population. Acquisition de la nationalite francaise selon le mode (juin 2004) http://www.insee.fr/fr/themes/theme.asp? theme=2&sous_theme=1

8 www.humanite.fr/journal/2006-01-10/2006-01-10–821552

9 Le Monde. 25 avril 2006.

10 Liberation. 25 avril 2006.

11 Le Figaro. 10 mai 2006.

12 *Fassin E.* L'immigration, un «probleme» si commode // http://www.monde-diplomatique.fr/2009/11/FASSIN/18386

[13] Lettre de mission á M. Hortefeux, ministre de l'immigration, de l'integration, de l'identite nationale et du codeveloppement // http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/2007/juillet/lettre_de_mission_adressee_a_m_hortefeux_ministre_de_l_immigration_de_l_integration_de_l_identite_nationale_et_du_codeveloppement.79040.html

[14] Vie publique: Immigration: les chiffres 2006–2007. http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/evaluation/immigration-chiffres-2006–2007.html

[15] Cecilia Gabizon, Immigration: le coup d'arret au regroupement familial. Le Figaro 20 июня 2008.

[16] Ofpra: Demandeurs d'asile et refugies. http://www.ofpra.gouv.fr/documents/Evolution_en_chiffres_site_internet2.pdf

[17] http://www.gisti.org/IMG/pdf/norintd0300105c.pdf

[18] La loi d'orientation et de programmation pour la Ville et la Rénovation Urbaine.

[19] AFP du 19 novembre 2005.

[20] *N. Sarkozy* Respecter ceux qui arrivent, respecter ceux qui accueillent // Le Monde 09 декабря 2009.

[21] http://www.lemonde.fr/politique/article/2010/11/16/sarkozy-prone-la-creation-d-un-nouvel-impot-sur-le-patrimoine_1441038_823448.html

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале «Обозреватель–Observer» в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте **observer@ru.ru** или предоставляется на дискете в формате Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кеглем 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала.)

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте http://www.rau.su

Россия – Япония: настоящее в ретроспективе прошлого

Владимир Галицкий

Мартовская (2011 г.) трагедия в Японии показала:

– *во-первых,* что никто, ни человек, ни малое, ни большое государство, не застрахованы от чрезвычайных происшествий, трагических событий;

– *во-вторых,* важность общечеловеческой солидарности, взаимопомощи;

– *в-третьих,* неконструктивность попыток пересмотра исторического прошлого с агрессивных, негативных позиций взаимоотношений между Японией и Россией; непродуктивность пересмотра общепризнанных итогов Второй мировой войны, которые предпринимала Япония до произошедших событий.

Безусловно, заслуживает всяческого одобрения решение высшего российского политического руководства о безвозмездной и бескорыстной разносторонней помощи японскому народу, пострадавшему от природной и техногенной катастрофы.

Японские концессии на Камчатке в период Второй мировой войны

Анализ литературы по советско (российско) – японским взаимоотношениям дает основание считать, что многие вопросы этих отношений, особенно за период Второй мировой войны, еще недостаточно исследованы. Хотя в них было много интересного, в том числе и для современности. Поэтому автор посчитал возможным поделиться теми особенностями взаимоотношений между Японией и СССР в период 1940–1945 гг., о которых, к сожалению, мало кто знает как в Японии, так и в современной России.

Дело в том, что СССР, еще до начала Великой Отечественной войны, пре-

ГАЛИЦКИЙ Владимир Прохорович – действительный член Академии военных наук, доктор юридических наук, профессор. *E-mail:* vgalizky@yandex.ru

Ключевые слова: Япония, японские военнопленные, психология военного плена, морально-политическое воспитание японцев.

доставил японской фирме «Ничира» концессию на добычу рыбы в прибрежных водах полуострова Камчатка, а рабочим этой фирмы было разрешено проживать на нашей территории. Безусловно, это выглядит странно, поскольку в это время Япония была союзницей фашистской Германии и с декабря 1941 г. находилась в состоянии войны с США. В свою очередь, СССР воевал с Германией и был союзником США. В соответствии с действовавшим в то время международным правом СССР не имел права находиться в экономических отношениях с Японией как с воюющей стороной.

От фирмы «Ничира» работали на территории СССР под видом рыбаков молодые мужчины призывного возраста при строгом казарменном режиме. Были все основания у советской стороны считать их переодетыми японскими военнослужащими. После разрыва Советским Союзом договора о нейтралитете с Японией (апрель 1945 г.), все эти «рыбаки» в количестве свыше 300 чел. были интернированы на территории Камчатки.

Этот пример говорит о том, что даже в условиях сложной военно-политической обстановки СССР и Япония находили взаимовыгодные точки экономического соприкосновения. Наблюдение за японцами, как в то время, так и в настоящее время, показывает, что им присущи такие важные психологические черты характера, как уравновешенность, спокойствие, высокая индивидуальная и коллективная дисциплинированность, ответственное отношение к порученному делу и др. Это всегда помогало им выживать в самых сложных климатических и социально-политических условиях.

Особенно полно эти черты японского характера раскрылись в период нахождения японцев в советском плену 1945–1956 гг.

Психология японских военнослужащих

Проблемы жертв войны занимают значительное место в научных исследованиях, ведущихся во многих странах мира. Однако изучению социально-психологических условий, в которых оказываются эти жертвы, уделяется недостаточное внимание. Особенно это относится к такой категории жертв войны, как военнопленные. Психология военного плена и самих военнопленных остается до сих пор практически неисследованной областью как общей, так и социальной психологии.

При фундаментальной разработке проблемы плена автором было обращено внимание на определенные изменения в поведенческих реакциях военнопленных, которые зависят от их национальности, политико-моральной обработке до пленения, а также длительности пребывания в плену.

Изучение истории военного плена показывает, что в плену обычно находятся от двух до шести, а иногда и до 10 лет, а если учесть, что военнослужащий до пленения в течение, в среднем, двух-трёх лет уже находился в отрыве от семьи, близких ему людей, то получается, что военнопленный не был дома в течение 8–10 лет. Эта статистика касается в большей части военнослужащих Японии, оказавшихся в советском плену.

Так, в силу ведения Японией длительных войн на Азиатском материке значительная часть японских военнослужащих была оторвана от семьи в течение девяти, а некоторые из них почти и 15 лет. Отрыв от семьи в течение

такого длительного времени и нахождение в этот период в стрессогенных ситуациях жизни на чужой территории и боевой обстановки не может бесследно пройти для любой личности. Такие переживания и отношения достаточно ярко выразил в своем стихотворении «Киёцунэ» японский поэт Дзэами Мотокиё:

За годы долгие в скитаньях
Успел отвыкнуть я от шумной жизни.
И вот сегодня в город, сердцу милый,
Я возвращаюсь снова, но, увы:
Былой весны уж нет, и ей на смену
Пришла глухая горестная осень[1].

Война – это трагедия в жизни и истории не только народов, но и каждого человека, участвующего в ней.

Проведенное автором исследование* позволило выделить ряд факторов, влияющих на психологию военнопленных, независимо от их национальной и государственной принадлежности. Это прежде всего:

– отношение к ним как государства, гражданами которого являются, так и государства, у которого они находятся в плену, к плену вообще (разработанность нормотворческой базы, направленность сформированного общественного мнения к плену внутри в этих государствах и т. п.);

– обстоятельства пленения и условия содержания в плену;

– степень психологической и правовой подготовки военнослужащего к участию в боевых действиях, в том числе и в случае его пленения;

– глубина сформированности таких качеств личности, как патриотизм, ненависть к противнику, неприятие ценностей противника;

– реальное осознание военнопленным (подтвержденное национальной памятью) того, что родина всегда помнит о своих гражданах, захваченных противником в плен, или наоборот – забыла о них, считает их предателями;

– характер военно-политической обстановки на театре войны;

– промежуточные и конечные результаты вооруженного конфликтного противоборства;

– национальные и индивидуально-психологические особенности личности военнопленного.

Безусловно, эти базовые факторы воздействуют на личность военнослужащего, попавшего в плен, всеобъемлюще. Это сказывается на его психологическом состоянии, формирующем отношение к плену, его обстановке и окружающей действительности.

Результаты проведенного исследования дают основание сделать вывод, что сам плен оказывает деструктивное воздействие на личность, ее психологию, оставляя глубокий след в последующей жизни человека. Исходя из этого, можно сказать, что психология во-

---

* Фактологическую базу исследования составили официальные отчетные данные государственных органов, общественных и иных организаций, ведавших делами военнопленных в дореволюционной России, Советском Союзе и в иностранных государствах (по трофейным документам); опросные листы и анкеты (именные и анонимные) военнопленных; самоотчеты, письма, дневники и жалобы военнопленных; собственноручно написанные отзывы военнопленных о плене; медицинские справки о состоянии здоровья военнопленных; дневники, личные наблюдения и другие документы лиц, общавшихся с военнопленными в служебной и внеслужебной обстановке; мемуарная и другая литература как самих военнопленных, так и лиц, работавших с ними (в общем количестве около 10 тыс чел.); результаты опросов и интервьюирования более 400 лиц, работавших с военнопленными в период 1939–1956 гг.; сравнительный анализ фотографий военнопленных до плена и в плену.

енного плена и военнопленных – это самостоятельная область военной психологии.

О психологии и национальном характере японцев написано достаточно много как в Японии, так и в Советском Союзе[2]. Однако проблеме проявления психологии японцев, их национального характера в таких экстремальных, стрессогенных условиях, как военный плен, уделено незначительное внимание. Она раскрыта только в общих чертах. Эта проблема затрагивается в мемуарах бывших японских военнопленных, а также незначительного количества отечественных исследователей[3].

Исследуя жизнь и деятельность японских военнопленных в плену в СССР по материалам российских государственных архивов, автор обратил внимание на существенные отличия в поведенческих реакциях военнопленных разных национальностей. Выясняя причины этих отличий, было установлено, что они зависят от национального характера, психологии военнопленных. Анализ содержания научных источников по вопросам национального характера, психологии японцев[4] дает основание высказать мнение о том, что к специфическим чертам японского национального характера как японские, так и советские социальные психологи относят:

– умение сочетать самостоятельность с коллективизмом;

– четкую определенность в оценке событий и выражении своих взглядов;

– силу воли, собранность;

– предприимчивость;

– необыкновенную заботу о собственной репутации, о производимом на окружающих впечатлении;

– устойчивость характера;

– склонность к символизации и т. д.

Самостоятельность японцев в сочетании с коллективизмом была воспитана многовековой стабильностью системы семей-кланов (иэ). Глава клана имел безраздельную власть, которая укрепляла связи господства и подчинения, поддерживала строгую дисциплину его младших членов и постоянно защищала интересы младших, что способствовало укреплению их преданности. Именно иэ наложила глубокий отпечаток на социальную психологию японского народа и в значительной степени определила специфику системы моральных ценностей. На передний план в этой системе выдвигаются такие ценности, как лояльность, то есть привязанность к своей социальной группе, и компетентность, позволяющая японцу давать самостоятельную оценку событий и иметь свое определенное мнение, проявлять предприимчивость и изобретательность, максимальное прилежание, усердие, старательность, упорство в труде, стойкость в борьбе с трудностями.

Об устойчивости этих ценностей свидетельствуют многочисленные факты их проявления даже в условиях военного плена. Прежде всего это имело место в процессе трудового использования японских военнопленных.

Казалось бы, зачем военнопленному переживать за качество и эффективность своего труда?

Какой в этом смысл?

Чуть перевыполнил производственную норму – получай улучшенное питание, но зачем добросовестно вкалывать на своего бывшего врага? Так мог поступить немецкий, итальянский, румынский военнопленный, но не японский.

Японские военнопленные одновременно с жалобой на недостаточное питание указывали:

– на плохую организацию их труда;

– на плохой инструмент, который они получили для работы.

Они объясняли низкую производительность своего труда именно этими причинами и заверяли администрацию лагерей, что если будет выдан им лучший инструмент, если будет нормальная организация труда, то они смогут сделать значительно лучше и больше[5];

– на то, что их используют без учета прежней специальности.

Так, военнопленный подполковник Маэда Тадао, отвечая на вопросы анкеты социологического исследования, проводившегося в лагере № 387 (г. Фергана), писал: «Мы все имеем в своих рядах различных специалистов, но не имеем возможности работать по специальности в силу того, что не каждый военнопленный может применять свои знания на тех фабриках и заводах, где мы сейчас работаем»[6].

Японские военнопленные адекватно восприняли такие формы стимуляции труда как социалистическое соревнование, потому, что считали ее передовой формой.

Военнопленный Иногути Тосукэ, отвечая на один из вопросов анкеты об отношении к труду, писал: «Находясь на производстве и имея возможность участвовать в социалистическом соревновании, мы должны стремиться усвоить сущность советской демократии. Должны суметь воспитать в себе чувство храбрости, воли и убеждения к победе для борьбы за скорейшую демократизацию своей родины.

А сейчас, пока мы еще находимся в лагере, мы должны стремиться к соблюдению порядка внутри лагеря, повышению производительности труда, потому что это является не только барометром нашей демократичности, но является также фундаментом нашего здоровья и повышением стандарта нашей жизни»[6].

Анализ и сопоставление многочисленных высказываний и отношений японских военнопленных к труду в плену дает основание заключить, что такие черты их национального характера, как добросовестное отношение к труду, стремление всегда сделать лучше то, что им поручили, проявлялось помимо их воли и в процессе труда подневольного.

Склонность японцев к символизации позволяла им легче приспособиться к внешним условиям военного плена несмотря на то, что в глубине своей души они испытывали беспокойство, психическую напряженность.

Для лучшего понимания психологии японских военнослужащих, находившихся в плену в СССР, кратко рассмотрим систему их идеологической и психологической обработки до пленения. Поскольку выработанные ранее стереотипы поведения и отношения к окружающему миру быстро не исчезают.

Как известно, существовавшая в Японии система моральных ценностей до августа 1945 г. умело использовалась милитаристскими кругами для воспитания японских военнослужащих в нужном направлении. Еще в 30–40-е годы были разработаны всевозможные моральные кодексы военнослужащего (своеобразные уставы, регламентировавшие организацию жизни, быта, поведения и досуга военнослужащих). Эти учебно-методические разработки обязывали командный состав формировать у японских солдат устойчивый характер, верность и преданность императору, высокий интеллект, инициативу, физическую выносливость, волю, мужество, укреплять воинский коллектив, его духовное единство ради существования отечества и нации.

Содержание моральных кодексов полностью переносилось с соответствующей интерпретацией в пособия по моральному воспитанию солдат и унтер-офицеров[7]. Безусловно, результаты воспитания и обучения японских военнослужащих благодаря таким кодексам и пособиям не могли не сказаться и на их поведении в период нахожде-

ния в плену в СССР. Это выражалось прежде всего во враждебном отношении к Советскому Союзу, хотя в основной массе японских военнопленных оно проявлялось лишь в первый год плена. Такое отношение было естественным, так как японская милитаристическая армия того времени являлась главным орудием осуществления агрессивной внешней политики, средством утверждения господства в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Империалистические круги Японии придавали исключительное значение формированию, вооружению и идеологической подготовке личного состава армии. Эта политика проводилась такими политическими и военными деятелями, как Танака, Тодзио и др. Регулярная армия в Японии возникла и окрепла в период подготовки и осуществления японскими милитаристами актов агрессии против стран Дальнего Востока и, в первую очередь, против Китая, России и Кореи.

Начало регулярной армии было положено в 1872 г., когда была введена обязательная воинская повинность. Активная подготовка к войнам потребовала постоянного увеличения численности армии и совершенствования ее вооружения. В течение последующих лет было проведено несколько серьезных реорганизаций армии, которые постепенно сделали ее одной из самых сильных среди капиталистических стран. Для этой армии были характерными напористость в наступлении и стойкость в обороне.

Главной ударной силой сухопутных войск Японии являлась Квантунская армия.

Эта армия предназначалась для ведения агрессивной войны, имела большой опыт ведения боевых действий в условиях Восточной и Юго-Восточной Азии на значительном удалении от границ своего государства.

Квантунская армия комплектовалась лучшими, наиболее надежными войсками и оснащалась современным японским оружием; служба в ней означала выполнение «особо важного задания самого императора». Естественно, что такое предназначение требовало и особой идеологической и психологической обработки ее личного состава.

Социологические исследования, проведенные среди японских военнопленных в 1946 г., показали, что пленные не имели объективного представления ни о Советском Союзе, ни о Китае. О Советском Союзе было сформулировано мнение как об агрессивном государстве.

Наиболее ярко об этом написал военнопленный подполковник Эбара Кодзи в заполненной им анкете социологического исследования: «До войны не только я один, но и все японцы думали, что это есть государство (Советский Союз) под секретом <...>, что это такая темная и красная страшная страна. Как мальчишки мы верили всему этому.

<...> Мы живем здесь уже полтора года, и мы убедились, что в Советском Союзе нет эксплуатации и все помогают друг другу. Мы узнали, что Советский Союз трудолюбивая и миролюбивая страна»[6].

Японские милитаристы всегда придавали серьезное значение идеологической и психологической подготовке народа и армии к войне. Японская военщина много потрудилась над тем, чтобы подавить малейшее проявление протеста и одновременно до предела отравить сознание народа милитаристской пропагандой, привить армии «самурайский дух», создать устойчивое морально-политическое состояние войск.

В основном эти цели были достигнуты.

Уже к началу Второй мировой войны характерными чертами японской армии были: слаженность, самоуверенность (порождена тем, что в прежних

войнах она не знала поражений), надменность, гордость, пренебрежительность к китайцам, корейцам и русским. Эти черты были сформированы всем процессом политико-воспитательной работы не только с военнослужащими, но и с призывниками. В основе политико-воспитательной работы лежала искусная манипуляция национальными обычаями, традициями, памятью о прошлых отношениях с другими народами.

Идеологическая и психологическая обработка личного состава армии была логическим завершением большой и последовательно проводимой работы японской военщины по подготовке всего народа к агрессивным войнам.

В обвинительном акте Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока подчеркивалось: «Сознание японского народа систематически отравлялось опасными идеями о так называемом расовом превосходстве над другими народами Азии и даже всего мира. В Японии была введена система, похожая на ту, которую установили Гитлер и нацистская партия в Германии, и фашистская партия в Италии»[8].

Как свидетельствуют трофейные и другие официальные документы, идеологической и психологической обработкой японцев занимались школа, церковь, семья. Ее целям была подчинена пресса, литература, театр, кино, система допризывной подготовки, деятельность шовинистических организаций и различных учреждений. Особенно широкий размах милитаристская пропаганда приняла с началом войны в Китае. В 1937 г. была создана специальная «Лига по мобилизации национального духа», развернувшая широкую милитаристскую пропаганду. Именно благодаря ее усилиям формировались устойчивые стереотипы негативного восприятия народов и стран, планировавшихся в качестве объектов агрессии.

Одновременно активно применялись репрессивные меры против «опасных мыслей». Целью этой всеобъемлющей системы было, с одной стороны, подавление прогрессивных идей, с другой – пропаганда войны в форме и под видом необходимости построения Великой процветающей Азии, продвижение на юг и север и т. п., а также дезориентировать и обмануть народные массы, принудить их видеть причины войны не в империалистической политике правительства Японии, а в «происках врагов Японии», в первую очередь Советского Союза, который изображался как «главный враг японского народа».

В основу идеологической и психологической обработки народа и армии была также положена теория расового превосходства японцев. Для этого была разработана специальная «философская система» – «НИППОН – сюги»[9]. Основоположником этой философии являлся Иноуэ Тэцудзиро, а проповедниками – Хасимото Кингоро, Окава Сюмэи и др.

Поклонник и адепт немецкой идеалистической философии Иноуэ Тэцудзиро всю свою жизнь посвятил пропаганде этой философии.

Иноуэ разработал «принципы японизма», которые сводятся к пропаганде расового превосходства японцев, оправданию права военно-феодальной системы Японии на господство в стране и распространение этого господства на весь мир[10].

По Иноуэ, получалось, что японец обладает якобы совершенно особой психологической индивидуальностью и эта индивидуальность остается навсегда одной и той же на всем протяжении истории Японии. Она может существовать только в социальных условиях, соответствующих ее духу, ее исконной природе. Эта индивидуальность не нуждается в выборе, каких бы то ни было теоретических построений и систем, так как «японская личность» не нуждается во всем этом потому, что ее «мироощущение является особенным»[10].

Для воспитания у личного состава армии верности долгу перед государством японские СМИ того времени широко использовали национальные традиции японского народа, многие из которых являлись основой формирования таких стереотипов, как: «император – отец, массы – его дети», «офицер – отец, солдаты – его дети» и т. п. Внешняя политическая деятельность японского правительства представлялась как «мировая миссия Японии», как неотъемлемая потребность построить «восемь углов под одной крышей» (хакко-итиу), насаждались основные принципы бусидо, «святые правила» самураев типа «100 боев – 100 побед»[11] и т. д.

Понимая, что спутником любой войны являются смерть, увечья, ранения и плен, идеологами философской системы осуществлялась моральная и психологическая подготовка личного состава армии к ним, особенно к смерти. В этих целях под возможную смерть на войне подводился соответствующий «философский базис», разработчиком которого был генерал-майор Сакурай Тюон.

Он в то время писал:

«Смерть страшит всех. Но никто не может прожить на белом свете вечно.

<...> На войне солдат принимает смерть как абсолютную истину, ибо война есть смерть. Конечно, смерть ужасна. Однако для японских солдат имеется нечто выше смерти и это „нечто" заставляет радоваться смерти.

<...> Японские солдаты умирают ради любви к долгу как императорские солдаты»[12].

Каждый японец воспитывался в то время на учебниках, изобиловавших такими постулатами, как: «<...> путь подданных состоит в их участии в борьбе за счастье империи, что является вечной основой несравненной конституции империи. Это не абстрактная норма поведения, а исторический закон повседневной жизни».

«<...> Вы с трудом можете себе представить те жестокости, которые творились европейцами в разных районах Великой Восточной Азиатской сферы Процветания, подчиняя эти районы белой расе».

«<...> Победа над Россией 1905 г. была результатом чисто оборонительной войной, спасшей положение Японии и славную независимость, которой 660 лет до этого не угрожала такая серьезная угроза, как угроза русского продвижения на Восток». «<...> Нет страны, которая имела бы и осуществляла бы такую величественную миссию как Япония».

«<...> Обязанности в каждой семье должны составлять единое целое с верностью (преданностью)».

«<...> Император <...> любит своих подданных, как своих детей, и проводит этические императорские принципы. Мы рождены для помощи трону. Сыновья обязанность, культ предков, абсолютное подчинение императору»[13].

Именно такое воспитание гражданского и воинского долга привело к тому, что почти 90 % всех японских военнопленных*, отвечая на вопрос «При каких обстоятельствах был пленен?», отвечали: «По приказу императора».

Безусловно, в основе таких заявлений, может быть, лежали и соображения собственной безопасности, учитывая вековую японскую национальную традицию восприятия плена как несмываемого позора и репрессивную политику японского правительства по отношению к японцам, попавшим в плен. Находясь в плену, японские военнослужащие не рассчитывали на то, что итоги Второй мировой войны сведут на нет эту традицию**.

---

* Процентное соотношение выведено на основании количественно-качественного анализа более 10 тыс опросных листов, заполняемых на каждого военнопленного.

** Никакое правительство не могло пойти на уничтожение сотен тысяч своих граждан попавших в неприятельский плен. По последним данным, только в плену в СССР находилось 640,106 военнопленных японской армии[14].

Следует отметить, что японские военнопленные, включенные в первые партии репатриируемых на родину, очень переживали за свою судьбу, хотя желание встречи с родными и близкими преобладало.

Изучение документальных архивных данных (официальных советских и трофейных японских) позволило вскрыть систему идеологической и психологической обработки личного состава японской армии в период 1940–1945 гг.

Эта система состояла из двух логически взаимосвязанных подсистем:

– информирование о текущих событиях на фронтах и в стране (этим вопросом занимался аппарат отделов (секций) информации видов вооруженных сил и информационные бюро армий;

– моральное воспитание в системе боевой подготовки и обучения войск (данным вопросом занимался аппарат Главного инспектора по обучению войск и специальные офицеры по воспитанию личного состава) [15].

Непосредственно в войсках Квантунской армии за идеологическую и психологическую обработку ее личного состава отвечали командующий армией, 3-й отдел штаба Квантунской армии, Информационное бюро штаба армии, командиры полков, батальонов, рот, офицеры штаба армии, дивизии (бригады) по воспитанию личного состава, а также журнал «Кансё» (издавался для офицеров), полковые офицерские клубы, библиотеки и клубы для солдат – и унтер-офицеров[15].

Информационное бюро штаба Квантунской армии длительное время возглавлял подполковник Хасэгава Уити. Основная тяжесть морального воспитания лежала на командном составе полка, а также на армейских и дивизионных (бригадных) офицерах-воспитателях (кёнку – гакари).

После 1941 г. в Японии стали издаваться массовыми тиражами всевозможные памятки для солдат и призывников (например, «Поведение солдата на поле боя», автор – генерал Тодзио; «Памятка призывника» (Токио, 1943 г., затем переиздана в 1944 г.).

В это же время появилось множество художественных произведений, посвященных войне на Тихом океане, типа «Солдаты и грязь», «Солдаты и пшеница» – автор Хино Асихэй; «Командир танкового взвода» – автор Кикути Кэн и др.

В гражданских и военных клубах демонстрировались кинокартины о подвигах самураев феодальных времен, кинохроника и специальные фильмы о победах в войне на Тихом океане: «День разгрома Великобритании», «Тигр малайи», «Парашютные части», «Песнь о разгроме США и Англии», «Цветок южных морей» и др., а также широко демонстрировались кинофильмы фашистской Германии типа «До последнего солдата».

Таким образом, японский юноша, попадая в армию, уже в достаточной степени был оболванен милитаристской пропагандой. Но реальности войны, а затем и плена ставили все на свои места. Однако сформированные стереотипы японской исключительности и т. п. еще долго давали себя знать.

В этом плане весьма интересны результаты социологических исследований, проводившихся среди японских военнопленных, содержавшихся в плену в СССР (начало 1946 г.).

Исследование проводилось методом анкетного опроса с охватом более двух тыс. военнослужащих бывшей 123-й пехотной дивизии Квантунской армии.

В результате были получены следующие данные:

– на вопрос о причинах поражения Японии в войне, свыше 90 % ответило: «Япония не разбита, а сложила оружие по приказу императора. <...> Мы не военнопленные, а японская императорская армия, возвращающаяся на родину»;

– на вопрос о том, что думают военнопленные о будущем Японии, свыше 95 % ответило: «Япония возродится снова»[16].

Более углубленное изучение причин такого восприятия японскими военно-

пленными поражения в войне и своего пленения показало, что в основе его лежали ранее сформированные стереотипы восприятия окружающего мира, своей расовой исключительности.

Наиболее точно его охарактеризовал японский писатель Конроэ в своей книге «Японская угроза»: «Японцы убеждены, они даже более чем убеждены, они знают, что они являются потомками богов, и, кроме того, они знают, что они единственный народ на Земле, который имеет право считать себя потомками богов.

Убеждение японцев в их божественном происхождении дало им основание к исключительной, почти невероятной самовлюбленности и презрению к другим <...>

С момента реставрации императорской власти божественное право японцев на завоевание мира прикрывалось маской преданности императору – прямому потомку и живому представителю богини Аматэрасу»[16].

Результаты проведенного автором исследования показали, что вышеизложенные общие психологические особенности повлияли и на социально-психологический облик японских военнопленных. Характерными чертами этого облика (прежде всего впервые два года плена) были: любовь к императору и преданность ему; непризнание себя военнопленными*, а признание военнослужащими, которые по приказу своего императора разоружились и пошли в плен; настороженное, недоверчивое отношение к администрации советских лагерей для военнопленных; строгое соблюдение своих национальных, государственных и некоторых военных праздников; вера в то, что Япония снова возродится и станет процветающим государством; сильная вера разным слухам; спокойное, выдержанное отношение к своей судьбе; стойкое перенесение тягот и лишений плена; постоянная забота о своих раненых и больных товарищах по плену; стремление соблюдать традиции в приготовлении и употреблении пищи; искренний и глубокий интерес к советским людям, русской и советской истории, литературе, искусству (особенно они любили смотреть советские кинофильмы, читать произведения А. Толстого, Н. Некрасова, И. Тургенева) и др. Все эти черты, в основном, сохранились до конца плена в СССР.

Вместе с тем поведение японских военнопленных в плену было разным. Это обусловлено тем, что они были не однородными как по социальному составу, так и по мировоззрению, образованию, семейному положению, возрасту и т. п. Капитуляция Японии и ее оккупация США, массовая сдача в плен, ожесточенность боев, многодневное изнурительное отступление, удаленность от родины, неизвестность своей судьбы и судьбы своей родины – все это оказывало сильнейшее психологическое воздействие на все стороны мира психических явлений личности каждого военнопленного. Такое психическое состояние привело к тому, что среди японских военнопленных достаточно четко определились три основные категории по отношению к войне с СССР:

– лица, желавшие вооруженного противоборства и активно участвовавшие в нем;

---

* Показательным является следующий факт. Когда в середине 1946 г. советское правительство разрешило японским военнопленным переписку с родственниками, проживающими в Японии, то значительная часть японских военнопленных категорически отказалась писать письма домой на почтовых открытках, где была отметка «военнопленный» (стандартная почтовая открытка, образец которой разработан МККК). Свой отказ использовать для написания писем на родину эти открытки они мотивировали следующим образом: «Мы не желаем, чтобы наши родственники получали от нас письма, как от военнопленных. Это для японцев является позором»[17].

– лица, желавшие вооруженного противоборства, но не стремившиеся к активному участию в нем;

– лица, не желавшие участия в вооруженном противоборстве в силу своего мировоззрения, отношения к СССР и его идеологии и политике, а также своей аполитичности, космополитизма.

После прибытия в лагеря военнопленных на территорию СССР поведенческие реакции всех этих категорий японских военнопленных, как правило, соответствовали их внутренним убеждениям и внутреннему миропониманию. При этом наблюдалась интересная деталь: после захвата их в плен, после капитуляции Японии война как большой социальный конфликт не прекратилась, а продолжалась (особенно для первой категории лиц). Все это выражалось в форме неприязни к русским, в создании подпольных организаций, пассивном, а иногда и активном саботаже мероприятий администрации лагерей, во вредительстве (иногда и диверсий) на производстве и т. п.

Со своей стороны Советское правительство продолжало считать японских военнопленных противником, хотя и разоруженным и в силу этого соответствующим образом к ним и относилось: пленные содержались в специально созданных лагерях с достаточно строгим режимом (особенно в первые годы); принимались соответствующие меры, исключающие проведение отдельными военнопленными каких-либо враждебных действий.

Исходя из всего этого, *первая категория лиц* стремилась продолжать борьбу с Советским государством в условиях плена и использовала для этого любые возможности:

– побег из мест содержания, саботаж организационных, политических, производственных и иных мероприятий администрации лагерей;

– попытки сбора разведывательных и иных секретных данных о Советском Союзе с целью передачи их заинтересованным органам Японии;

– совершение актов диверсии и саботажа.

Следует отметить, что реализация всех этих намерений была низкой. В основном враждебные намерения против СССР возникали чаще всего в среде военнопленных офицеров и среди незначительной части реакционно-настроенных солдат и унтер-офицеров.

Вторая категория лиц, в основном, занимала внешне нейтральное отношение к СССР, их поведение было пассивным и зависело от того, в каком окружении они находились, то есть от того, в какой они оказывались группе военнопленных: относившихся к первой категории лиц или ко второй.

Третья категория лиц, прежде всего, те из них, мировоззрение которых совпадало полностью или частично с господствовавшим мировоззрением и идеологией в СССР, достаточно активно участвовали в проводимых администрацией лагерей политических, организационных, производственных и иных мероприятиях.

На психологию и поведение японских военнопленных, бывших в плену в СССР, существенное влияние оказывали такие факторы, как:

– длительная стрессогенная социальная, принудительная изоляция;

– режим военного плена, нахождение во власти бывшего военного противника;

– чувство вины и невыполненного долга перед народом, родиной;

– нарушение привычной среды обитания;

– переживание за судьбу своих близких, родных, свою собственную;

– информационная недостаточность и др.

В этом отношении наиболее ярким примером является самоубийство в ночь с 19 на 20 сентября 1946 г. свидетеля по обвинению японских военных преступников на Токийском процессе военнопленного генерал-лейтенанта Тацуми Кусаба (отравился быстродействующим ядом, который тайно хранил при себе).

Причиной самоубийства явился внутриличностный конфликт в морально-нравственной сфере, возникший на основе синдрома «психологической ответственности» за неисполнение своего гражданского и воинского долга в период военных действий в Маньчжурии (август 1945 г.) и обострившийся в связи с приездом на родину и необходимостью выступить на судебном процессе в Токио.

Тацуми Кусаба оставил две предсмертные записки.

В одной из записок, которая была без адреса, он писал: «Моей виной является то, что, будучи начальником железных дорог, я не мог обеспечить транспорт для японских беженцев в Маньчжурии в момент прекращения военных действий. После этого я должен был умереть. Встречая со стороны советского полковника Туликова и всех остальных доброжелательство и любовь, я, как воин, опозорился, не оправдал возлагавшихся на меня добрых надежд. Эту вину я должен принять на себя».

В другой записке, адресованной генералу Мацумуре и подполковнику Сэдзиме (оба японские военнопленные, привезенные в Токио вместе с ним как свидетели на процессе), писал: «Его превосходительству Мацумуре, подполковнику Сэдзиме.

Безгранично вам благодарен проявленным ко мне до сегодняшнего дня дружеским отношением. Я очень польщен тем, что мне выпала честь быть свидетелем вместе с вами. Однако, считаю, что я уже ничем послужить не могу и, сознавая всю вину моего поступка, кончаю жизнь самоубийством. Прошу меня простить. Мои показания находятся в записной книжке (в кармане летней одежды)»[18].

Эти и другие факторы влияли на внутреннее состояние военнопленных (создавали психическую напряженность, раздражительность, нервозность, подавленность и т. п.), на отношение к окружающим людям, на общение с товарищами по плену и с администрацией мест их содержания.

Обобщение результатов анализа психологического состояния японских военнопленных и их поведения в плену позволяет сделать вывод, что стрессогенная ситуация обстановки плена предъявляла к ним требования, воспринимающиеся ими либо как превосходящие их возможности ответить на них, что вело к дистрессу, либо как позволяющие им реализовать свои возможности, ответить на эти требования и благодаря этому достигнуть желаемых результатов (последствий). Особую роль при этом играла субъективная неопределенность требований и возможности им ответить, а также субъективная значимость (положительная или отрицательная) последствий ответа.

Свобода выбора типа поведения японского военнопленного зависела от социальной направленности его личности и его индивидуально-психологических особенностей. Социальная направленность личности военнопленного была как положительной (обеспечивала поведение в плену, соответствующее требуемым нормам*, так и отрицательной, асоциальной (сформированные способы поведения в плену, идущие вразрез с требуемыми нормами).

Особое значение для выбора типа поведения японского военнопленного в плену имела малая группа. Малая группа (в большинстве случаев это диада или триада) играла важ-

---

* В данном случае под нормами подразумеваются правила, точные предписания права и нравственные требования и т. п., держащей в плену страны, определяющих поведение лиц, попавших в плен.

ную роль в его жизни и деятельности в условиях плена, она помогала ему выжить, сохранить психическую устойчивость, свое «я». Это обусловливалось тем, что в малой группе вынашивались определенные мнения, отношения, утверждался личностный статус военнопленного. Члены малой группы практически во всем поддерживали друг друга, помогали друг другу (иногда в ущерб другим малым группам военнопленных). Стремление военнопленного к общению в малой группе обусловливалось (посредством создания дополнительной «точки опоры») потребностью повысить свою психологическую защищенность, нейтрализовать негативные последствия стрессогенной обстановки плена, а также создания сферы обмена информацией для удовлетворения информационного голода.

Объединение японских военнопленных в малые группы осуществлялось на основе землячества, профессиональной принадлежности, совместной службы до плена, на основе совпадения интересов.

Изучение психологии японцев вообще и японских военнопленных в частности, их поведения в советском плену, требует дальнейшего более глубокого исследования на основе междисциплинарного подхода с привлечением широкого круга как российских, так и японских специалистов самых разных областей человеческих знаний.

Это необходимо не только для более полного понимания история наших народов, их взаимоотношений, их культуры, психологии, но учета в общении друг с другом в обычных и особых условиях. Тем более что правительство Японии в последнее время стало занимать откровенно недружелюбную по отношению к России политику, предъявляя необоснованные территориальные притязания к российским островам Южных Курил.

Будем надеяться, что мартовская 2011 г. природная и техногенная трагедия и проявленная Россией добрая воля по оказанию гуманитарной помощи японскому народу, вне зависимости от прежних отношений, образумит кой-какие горячие японские головы и японо-российские отношения не будут больше омрачаться какими бы то ни было территориальными и иными притязаниями.

Примечания

1 Цит. по: Классическая драма Востока. М.: Художественная литература, 1976. С. 606.

2 *Нинагава Р.* История самурайского кодекса «бусидо». Токио, 1907; *Такасима Т.* Косэн (Война во имя императора). Токио, 1938; *Гомикава Д.* Условия человеческого существования/ перев. с яп. М.: Художественная литература, 1985; *Аида Ю.* Нихондзин-но ко: дзо (Структура сознания японца). Токио, 1971; *Араки Х.* Нихондзин-но ко: до ёсики (Стиль поведения японцев). Токио, 1974.

3 *Сайто Р.* Кайсо-но сибэрия (Воспоминания о Сибири). Токио, 1966; *Вакацуки Я.* Сибэрия ёкурю сюёдзё (Сибирские лагеря военнопленных). Токио, 1979; *Судзуки С.* Давай японски! (Давай японцы!). Токио, 1976; *Иваси Н.* Сибэрия ёкурюки (Записки сибирского военнопленного). Токио, 1947; *Галицкий В. П.* Проблема военнопленных и отношение к ней советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 124–130; *Галицкий В. П.* Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48–63; *Галицкий В. П.* Японские военнопленные в СССР: Правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 66–75; *Галицкий В. П.* Полити-

ка Танака-Тодзио глазами соотечественников // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 4. С. 80–81; *Катасонова Е. Л.* Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М.: Ин-т востоковедения РАН, Крафт+, 2003.

4 *Пронников В. А., Ладанов И. Д.* Японцы. Этнографические очерки. М., Наука, 1983; *Крысько В. Г.* Влияние национально-психологических особенностей на боевую деятельность личного состава армий империалистических государств. М.: ВПА, 1987; Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М.: Наука, 1986; Япония сегодня. Токио: Компания Международное общество по просветительской информации, 1990; *Берндт Ю.* Лики Японии. М.: Наука, 1968; *Роджерс Ф. Дж.* Первый англичанин в Японии. М.: Наука, 1987; *Уэда К.* Преступность и криминология в современной Японии. М.: Процесс, 1989; *Минами Х.* Нихондзин-но гэйцзюцу то бунка (Искусство и культура японцев). Токио, 1980; Минами Хироси. Нихондзин-но синри то сэйхацу (Психология и жизнь японцев). Токио, 1980; Гэндай нихондзин-но исики ко: дзо (Структура общественного сознания японцев). Токио, 1980; *Кодзаи Ё.* Современная философия. Заметки о «духе Ямато». М., Наука, 1974.

5 ЦГВА. Ф. 4п. Оп. 30я. Д. 236, 237, 238.

6 ЦГВА. Ф. 4п. Оп. 30я. Д. 237. Л. 47, 26, 13–14.

7 Памятка японского солдата и младшего офицера. Токио: Военное министерство Японии, 1938.

8 *Рагинский М. Ю., Розеблит С. Я.* Международный процесс главных военных преступников. М.: Академия наук СССР, 1950. С. 87–88.

9 *Радуль-Затуловский Я. Б.* Японизм – «философия» японского милитаризма // Философские записки. Т. 2. М.: АН СССР, 1948. С. 196–217.

10 *Иноуэ Т.* Ниппон сэйсицу но хонсицу (Сущность японского духа). Токио, 1936. С. 8–51

11 ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 41. Л. 100–101; Д. 85. Л. 150.

12 The Japan Times. 1941. 12 янв.

13 Путь подданных японской империи. Токио: Министерство просвещения Японии, 1941.

14 *Галицкий В. П.* Японские военнопленные в СССР: Правда и домыслы // Военно-исторический журнал. 1991. № 4, С. 69.

15 ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 253377. Д. 7. Л. 268, 348–359; Д. 4/42. Л. 336–351.

16 Опыт работы. Информационный бюллетень № 8 (47). М.: ГПУ ВС СССР, 1947. С. 19, 29.

17 ЦГВА. Ф. 451п. Оп. 6. Д. 48. Л. 118.

18 Цит. по: The Japan Times, Tokyo Times. 1946. 21–29 сент.

Лицом к лицу с фашистской Германией

Анатолий Цветков

22 июня исполняется 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны – важнейшего исторического события XX столетия. В сердцах и душах наших соотечественников – это день скорби и памяти о самой жестокой войне нашего народа против чумы человечества – немецкого фашизма, о героизме, стойкости и величии нашего народа, народа-победителя.

В этой войне столкнулись два мира – фашизм и демократия в лице миролюбивого советского государства – СССР. Эта была схватка не на жизнь, а на смерть, которая унесла около 27 млн жизней советских людей.

Германия стала готовить агрессию против Советского Союза со дня прихода к власти фашистов во главе с Гитлером – с начала 30-х годов прошлого столетия. Именно в те годы Гитлером был брошен вызов Кремлю. Это противостояние, переросшее в Великую Отечественную войну, закончилось победой нашего государства и сокрушительным поражением фашистской Германии в 1945 г.

Как реагировал на вызов фашистской Германии Советский Союз, мы расскажем на этих страницах.

Поход на восток – основная идея Гитлера

К началу 20-х годов прошлого столетия германский империализм, быстро оправившись от поражения в Первой мировой войне, вновь вышел на политическую арену как один из главных претендентов на завоевание мирового господства. В основе истории немецкого глобализма, как назвал это явление Гитлер в своей книге «*Mein Kampf*», лежала концепция: избежать войны на два фронта и разгромить сначала западноевропейские державы, а затем направить удар против Советского Союза – главного оплота мира и основное препятствие на пути германской экспансии.

ЦВЕТКОВ Анатолий Исаевич – доктор военных наук, профессор, участник Великой Отечественной войны. *E-mail:* anatoli2010@gmail.com

Ключевые слова: Великая Отечественная война, агрессия, ударные группировки, разведка, восточный фронт, заявление ТАСС от 14 июня 1941 г.

Впервые идею похода на восток, против Советского Союза, Гитлер официально высказал сразу же после прихода к власти в конце января 1933 г., когда он стал рейхсканцлером Германии. На одном из сборищ национал-социалистической (фашистской) партии он прямо заявил: «Наша главная цель – повергнуть Россию».

В тон ему фашистские молодчики в г. Нюрнберге, где традиционно собирались съезды нацистской партии, истошно кричали: «Долой Версаль!», «Мы устремляемся на Восток!», «Покончим с коммунизмом!»

Позже, после разгрома Польши, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер записал в своем дневнике: «Сейчас основное внимание – Восток».

23 ноября 1939 г., то есть через три месяца после подписания советско-германского договора о ненападении, Гитлер конфиденциально сообщил своему ближайшему окружению, что он двинется на Советский Союз при первой возможности после победы в Западной Европе.

Это не были слова, брошенные на ветер. Они были подкреплены конкретными и энергичными действиями Гитлера в политической, экономической, дипломатической и военной областях.

Почувствовав силу и видя непротивление Франции, Англии и других западных стран, Германия стала действовать открыто, нагло попирая элементарные нормы международного права.

Замыслы Гитлера опирались на бредовые идеи пересмотра итогов Первой мировой войны, завоевания мирового господства, ликвидации коммунизма, а также утверждения расового превосходства арийской нации.

С этой целью Германия уничтожила в стране политические свободы, запретила компартию, создала в октябре 1936 г. военно-политический союз, получивший название «Ось Берлин – Рим». Этот союз имел ярко выраженный антисоветский характер и свидетельствовал о начале открытой подготовки фашистских государств к развязыванию войны.

В ноябре 1936 г. Германия и Япония заключили Антикоминтерновский пакт, к которому год спустя присоединилась Италия. В сентябре 1938 г. Германия навязала Франции и Англии пресловутое Мюнхенское соглашение о передаче Чехословакией Германии Судетской области, положившее начало политике «умиротворения» агрессора.

В августе 1939 г. Гитлер предлагает Москве заключить договор о ненападении. В это же время он заявил французскому послу Р. Кулондору, что не собирается воевать против Франции, и просил ее воздерживаться от помощи Польше, которая незадолго до этого подписала англо-польский договор о взаимной помощи. 31 августа 1939 г. Германия потребовала от Польши передать ей г. Данциг и «Данцигский коридор», соединявший Германию с Восточной Пруссией, а с утра 1 сентября начала агрессию против Польши, положившую начало Второй мировой войны.

Когда политики и дипломаты скрещивали свои шпаги на международных помостах, руководство Германии предпринимало серьезные усилия по созданию военно-экономического потенциала.

В сентябре 1936 г. в секретном меморандуме Гитлера, принятом на съезде нацистской партии, появились такие строки: «Через четыре года мы должны иметь самую сильную армию, а экономика Германии должна быть полностью готова к войне».

С этого времени вся система фашистского рейха включилась в подготовку войны. Германские монополисты не скрывали своей радости. Военные приготовления сулили им невиданные до сих пор заказы. И они начали действовать.

С 1933 по 1939 г. военное производство в стране возросло более чем в 12 раз, а самолетостроение почти в 23 раза. В военной промышленности к июню 1938 г. работало 2,5 млн чел.

За шесть предвоенных лет нацисты сумели создать самую сильную среди западных держав армию.

Только в сухопутных войсках к началу августа 1939 г. насчитывалось вместе с резервами 3,7 млн чел., 3195 танков, более 26 тыс. орудий и минометов. Немецкие люфтваффе имели свыше 4 тыс. самолетов, а военно-морской флот более 100 боевых кораблей основных классов.

Вся эта фашистская армада не бездействовала.

7 марта 1936 г. немецкие войска перешли границу Рейнской демилитаризованной зоны и оккупировали ее.

В октябре 1936 г. Гитлер вовлек Италию в вооруженную авантюру в Эфиопии, а затем в Испании, где они совместно проверяли принципы своей военной доктрины, особенно методы ведения тотальной войны.

Затем Гитлер двинул войска против Австрии и присоединил ее к Германии. В конце 1938 г. фашисты заняли Судетскую область Чехословакии.

На очереди были Литва (Клайпеда), Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Франция, Югославия и Греция.

После разгрома Польши (сентябрь 1939 г.) и освободительного похода Красной армии в западные области Украины и Белоруссии Германия стала лицом к лицу с Советским Союзом. С этого момента она начала непосредственную подготовку к агрессии против СССР и вела ее в основном скрытно, широко используя дипломатические завесы и дезинформацию.

Фашистская Германия готовится к агрессии

Сформулировав основные идеи похода на восток еще в конце 1939 г., Гитлер 21 июля 1940 г. на совещании высшего военного руководства вермахта поставил задачу разработать к концу года подробный план Восточной кампании. Такой план в виде директивы № 18 был составлен к 18 декабря 1940 г. и утвержден Гитлером под условным названием «Барбаросса» (его содержание в полном объеме стало известно лишь после войны).

Этот план предусматривал в конце весны – начале лета 1941 г. внезапным ударом трех ударных группировок общей численностью 190 дивизий разгромить советские войска на Ленинградском, Московском и Киевском направлениях, оккупировать советскую территорию, уничтожить советский государственный и общественный строй, превратить Советский Союз в колониально-сырьевой придаток Германии.

Преступные цели Гитлера по отношению к народам Восточной Европы, особенно к народам СССР, ярко проявились и в разработанном в это же время генеральном плане «Ост», направленном на уничтожение или превращение в рабов миллионы русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов и представителей других национальностей.

Предполагалось в течение 30 лет выселить в Западную Сибирь около 31 млн чел. из Польши и западных районов СССР и заселить эти земли 10 млн немцев.

Всего на Европейской части Советского Союза и Польши гитлеровцы намеревались уничтожить 120–140 млн чел. Гитлер говорил: «Мы обязаны истребить население – это входит в нашу миссию охраны германской нации».

Особенно усердствовал в разведывательной, пропагандистской и военно-технической подготовке войны против СССР абвер (военная разведка и контрразведка).

Абвер, возглавляемый адмиралом Канарисом, усилил разведку объектов на территории СССР, Польши, Прибалтийских республик, причем последние он посетил дважды – в 1937 и 1938 г. Активизация разведки велась как за счет вербовки новой агентуры на территории этих стран, так и за счет широкого привлечения сил воздушной разведки. Только за первые восемь месяцев 1939 г. воздушное пространство Польши немецкие самолеты нарушили 90 раз, а за полтора года (с сентября 1939 по март 1941 г.) воздушное пространство СССР – 140 раз.

В немецких казармах насаждалась антисоветская политика и усердно изучались тактика и вооружение Красной армии, территория Советского Союза, быт, язык местного населения.

В изданной для личного состава немецкой армии «Памятке немецкого солдата» говорилось: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожай в себе жалость и сострадание – убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, убивай...»

Так немецко-фашистская армия приобретала «законное право» действовать на советской земле как армия убийц, насильников и грабителей.

С осени 1939 г. значительно повысилась боеготовность и усилилась боевая подготовка личного состава вермахта. В войсках регулярно проводились тактические занятия и учения, частично с боевой стрельбой, разведывательные поездки командного состава в Румынию, Венгрию, Финляндию и СССР.

О войсках, прибывающих к границам Советского Союза через Румынию, Польшу и Восточную Пруссию, в средствах массовой информации говорилось как частях, якобы направляемых с запада на отдых и укрытие от английских бомбардировок.

Вот динамика создания ударных группировок фашистских войск против СССР.

К концу сентября 1939 г. в Восточной Пруссии и Польше, у границ с Советским Союзом, сосредоточилось 50 немецких дивизий.

К концу 1940 г. их стало 90, к маю 1941 г. – 120, а к июню – 140 (с учетом войск союзников Германии – 190).

Соединения и части сухопутных войск, дислоцированные в Восточной Пруссии и Польше, регулярно привлекались к ведению оборонительных работ. Они строго соблюдали меры маскировки и систематически меняли места своей дислокации. Только в районе Седлеца, Люблина, Хелма (Польша) в течение 1941 г. перемещение войск из одного района в другой фиксировалось 18 раз.

Одновременно руководство фашистской Германии подготовило тщательно продуманный план дезинформационных мероприятий, оформив его в качестве дополнительных директив к плану «Барбаросса».

Введение советского руководства в заблуждение осуществлялось на уровне государственной политики Третьего рейха (например, приглашение в Берлин советской делегации во главе с В. М. Молотовым под предлогом усиления позитивных отношений между Германией и СССР в ноябре 1940 г.).

В разработке основных направлений дезинформации и их осуществлении принимали личное участие Гитлер, Геринг, Геббельс, Риббентроп; дважды подписывал директивные указания о дезинформационной работе в войсках начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии Кейтель.

Дезинформация осуществлялась разными способами, например, путем распространения ложных, но на первый взгляд правдоподобных слухов в кругах, где они могли стать досто-

янием иностранной агентуры; путем организации отвлекающих маневров войск, их частой передислокации, инженерных работ, проведения ложных совещаний, подписании приказов и распоряжений, дающих искаженное толкование происходящих в Германии и за ее пределами событий.

На первом этапе подготовки к нападению на СССР (сентябрь 1939 – декабрь 1940 г.) фашистская дезинформация была направлена на то, чтобы дать хотя бы видимость объяснения передвижению немецких войск на восток и их сосредоточению у советских границ, создать впечатление, что Англия по-прежнему остается главным противником Германии. Проникновение вермахта на Балканы представлялось как попытка предотвратить вступление туда английских войск.

На втором этапе подготовки к нападению на Советский Союз (январь-июнь 1941 г.) дезинформация немцев направлялась на искажение истинного характера сосредоточения их войск на советско-германской границе, его масштабов и сроков создания группировок. Численность вермахта к этому времени была доведена до 7,1 млн чел.

Все эти дезинформационные мероприятия, информационные «шумы» серьезно искажали происходящие события и затрудняли их понимание. Однако переоценивать роль дезинформации было бы ошибкой, так как советская сторона все же в основном разгадывала манипуляции немцев и не шла у них на поводу. Получая ценную информацию из Лондона, Парижа, Берлина, Бухареста, Токио и других мест, разведка в целом, несмотря на большие сомнения И. В. Сталина в достоверности ее данных, разобралась в планах гитлеровской Германии, хотя и с определенным запозданием.

Значительную роль в добывании информации сыграла берлинская резидентура Иностранного отдела НКВД и ее помощники: Корсиканец старший советник министерства хозяйства Германии, доктор Арвид Хорнак и Старшина – начальник реферата разведотдела штаба люфтваффе Харро Шульце-Бойзен; резидент РУ Генерального штаба Красной армии в Токио Рамзай – журналист Рихард Зорге, резидент РУ Генштаба Ежи – руководитель департамента польских железных дорог Юзеф Пинтковский и другие антифашисты.

Разведывательную информацию о военных приготовлениях Германии активно добывали агентура и войсковые средства приграничных военных округов и пограничных войск вплоть до 21 июня 1941 г.

Однако факт остается фактом: фашистская Германия в военных приготовлениях против Советского Союза явно выигрывала во времени. СССР, зная об этом, делал все возможное для отражения агрессии.

Кремль вынужден принять вызов Гитлера

Еще до прихода фашистов к власти в Германии и Италии Советский Союз в Лиге Наций неоднократно заявлял о появлении опасных тенденций в этих странах – зарождении реваншистских, националистических организаций, рвущихся к власти при поддержке милитаристов. Свой прогноз советское руководство подкрепляло значительным укреплением авторитета СССР на мировой арене, развитием экономики и созданием современных вооруженных сил.

В 1939–1940 гг. были воссоединены с СССР западные области Украины и Белоруссии, Северная Буковина и Бессарабия, приняты в его состав Эстония, Латвия и Литва, отодвинута от Ленинграда государственная граница на 110–120 км, заключены договор

о ненападении с Германией (23 августа 1939 г.) и мирный договор с Финляндией (12 марта 1940 г.). В результате стратегическое положение Советского Союза значительно упрочилось.

Создание прочного экономического фундамента в СССР и на его базе оборонной промышленности были в основном реализованы к весне 1937 г. в период первых двух пятилеток развития народного хозяйства (третья пятилетка была прервана войной). В эти годы были заложены основы военной экономики, которая в Великой Отечественной войне показала свое полное превосходство над военной экономикой фашистской Германии.

К 1940 г. добыча угля в СССР поднялась до 166 млн т, нефти – до 31,3 млн т, производство стали достигло 18,3 млн т, чугуна – 14,9 млн т, удельный вес продукции предприятий оборонной промышленности к этому времени возрос до 46,5% от уровня всей промышленной продукции.

Это позволило выпускать в год до 4 тыс. танков, более 6 тыс. орудий, около 5 тыс. самолетов, более 1,3 млн винтовок.

Было налажено производство новых видов вооружения и боевой техники – новых танков КВ и Т-34, самолетов МиГ-3, ЯК-1, ЛаГГ-3, Пе-2, Ил-2 (в первой половине 1941 г. в войска поступило 2707 таких самолетов).

Вооруженные силы Советского Союза накануне нападения фашистской Германии, несмотря на значительный урон в командном составе, нанесенный в результате репрессий в 1937–1938 гг. и отставание в насыщении новыми образцами вооружения и боевой техники, обладали значительной мощью. В основе их лежала кадровая система комплектования. Всеобщая воинская обязанность граждан Советского Союза мужского пола, достигших 18-летнего возраста, обеспечивала Красную армию и Военно-морской флот многомиллионными резервами.

Общая численность Вооруженных Сил СССР к июню 1941 г. составила более 5 млн чел., из них на долю Северного, Балтийского и Черноморского флотов приходилось 220 тыс. чел.

В западных пограничных военных округах перед самой войной было 170 дивизий (стрелковые, кавалерийские, танковые, моторизованные) и две стрелковые бригады. В них насчитывалось 2680 тыс. чел., 1800 тяжелых и средних танков, в том числе 1475 КВ и Т-34. Орудий и минометов (от калибра 82 мм и выше) имелось 37 500, самолетов новых типов – 1540 и значительное количество машин устаревших конструкций. Большинство дивизий содержалось по сокращенным штатам мирного времени.

Для усиления войск первого стратегического эшелона советское руководство в конце апреля 1941 г. в срочном порядке приказало создать второй стратегический эшелон (резерв Главного Командования) за счет войск, перебрасываемых из глубины страны. С этой целью 26 апреля 1941 г. военным советам Забайкальского и Дальневосточного военных округов было приказано подготовить к отправке в западные приграничные военные округа один механизированный и два стрелковых корпуса (всего девять дивизий) и две воздушно-десантные бригады.

В середине июня из Забайкалья и с Дальнего Востока началась переброска в Европейскую часть СССР нескольких авиационных дивизий. Командование Уральского военного округа получило указание направить на запад две дивизии. 13 мая последовал приказ выдвинуть на рубеж рек Западная Двина и Днепр из состава Северо-Кавказского, Приволжского и Уральского военных округов 19-ю, 21-ю и 22-ю армии и из состава Харьковского военного округа 25-й стрелковый корпус. Эти войска должны были развернуться на тыловом рубеже с 1 по 3 июля, составив резерв Главного Ко-

мандования. В Киевский военный округ из Забайкальского перебрасывалась 16-я армия.

С конца мая 1941 г. начался призыв почти 800 тыс. советских граждан из запаса под видом учебных сборов. 14 мая 1941 г. нарком обороны С. К. Тимошенко дал указание о досрочном выпуске курсантов военных училищ.

В соответствии с Планом обороны Государственной границы на 1941 год 12–14 июня 1941 г. западные приграничные военные округа получили приказ выдвинуть ближе к границе все дивизии, расположенные вглубине. 19 июня, за три дня до начала войны, военным советам приграничных военных округов было дано указание выделить из своего состава полевые управления Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов и вывести их на полевые командные пункты соответственно в Паневежис, Обуз-Лесна и Тернополь.

Общее руководство Северным фронтом поручалось генералу К. А. Мерецкову, Северо-Западным и Западным – наркому обороны Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко, Юго-Западным и Южным – начальнику Генерального штаба генералу Г. К. Жукову, объединениями резерва Главного Командования – Маршалу Советского Союза С. М. Буденному.

Непосредственно соединениям первого эшелона было приказано содержать в снаряженном виде весь запас боеприпасов, НЗ и привести УРы в состояние повышенной боевой готовности.

Перечисление мероприятий, проведенных Советским Союзом накануне войны, можно было продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы показать надуманность и лживость бытующих еще утверждений о якобы полной неготовности наших вооруженных сил и войск приграничных военных округов к отражению фашистского нападения на нашу страну.

Именно в этом пытается убедить своих читателей американский публицист М. Перриш, писавший, что «Красная армия не была готова к войне ни в стратегическом, ни в оперативном отношении». К сожалению, в последние годы и некоторые российские авторы вольно или невольно пытаются принизить значение напряженной деятельности советского руководства и военного командования в предвоенные годы. А зря. Они, видимо, не задумываются над тем, что все сделанное нами перед войной позволило заложить прочный фундамент будущих побед советского оружия.

Таким образом, в связи с обострением обстановки на границе с Германией, Финляндией и Румынией советское руководство предприняло ряд мер, направленных на создание боеготовых группировок войск в стратегическом, оперативном и тактическом масштабах. Однако полностью их завершить не удалось. Когда началось вторжение немецко-фашистских войск на территорию СССР, советские войска были рассредоточены на фронте от Баренцова до Черного моря. Фактически 170 наших дивизий и две бригады занимали оборону на фронте длиной 3375 км и в глубину 300–400 км. В первом эшелоне находились 56 дивизий и две бригады. На дивизию приходилось в среднем до 60 км фронта обороны.

При такой плотности наших войск противник имел полное преимущество, которое заключалось в том, что его войска, заблаговременно создав ударные группировки, имели в первом эшелоне 103 дивизии, из них 12 танковых, то есть противник почти вдвое, а на направлениях главных ударов в 8 раз превосходил силы первого эшелона советских войск. Немецкие дивизии бы-

ли полностью укомплектованы и снабжены, они обладали большой ударной мощью. Советские же дивизии, основная часть которых содержалась по штатам мирного времени, не успели привести себя до начала нападения фашистских войск в полную боевую готовность. Поэтому удар врага явился для них неожиданным.

Судя по документам и воспоминаниям очевидцев, И. В. Сталин и его ближайшее окружение слабо верили в возможность нападения фашистской Германии на СССР в ближайшее время. По его указанию 14 июня 1941 г. было опубликовано заявление ТАСС, в котором была сделана попытка успокоить общественное мнение (а видимо, отчасти и самого себя) о якобы готовящемся нападении Германии на Советский Союз.

Конец сомнениям был положен поздним вечером 21 июня 1941 г.

Получив от всех видов разведки самые последние данные не только о дате, но и времени нападения фашистской Германией на СССР, И. В. Сталин вызвал к себе в Кремль членов Политбюро ЦК ВКП(б), наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова.

Когда приглашенные вошли в кабинет, Сталин сказал:

– Что будем делать?

Ответа не последовало.

– Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех приграничных военных округов в полную боевую готовность, – сказал нарком.

– Читайте! – ответил Сталин. Жуков зачитал проект директивы. Такую директиву сейчас давать преждевременно, – сказал Сталин. Может, вопрос уладится мирным путем. Надо дать округам директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Новый проект директивы был быстро составлен, а затем одобрен и подписан. В ней, в частности, говорилось: «Ожидается нападение немцев 22–23 июня, которое может начаться с провокационных действий. Войскам не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». Передача директивы в округа закончилась в 00 ч 30 мин. 22 июня. Однако в войсках ее получили слишком поздно, а, например, в 10-й армии Белорусского особого военного округа она была получена уже после начала боевых действий.

В 4 часа утра 22 июня 1941 г. на советскую землю обрушились тысячи фашистских бомб и снарядов. Началась Великая Отечественная война – важнейшая составная часть Второй мировой войны.

Выводы

1. Советский Союз, верный своей миролюбивой политике, был вынужден в начале 30-х годов прошлого столетия принять агрессивный вызов фашистской Германии и предпринять все возможное в политической, экономической, дипломатической и военной областях для подготовки страны к отражению нападения. Однако в темпах и возможностях реализации ответных мер в силу ряда объективных и субъективных причин, он отставал от Германии, что позволило ей навязать нам войну на невыгодных условиях.

2. В подготовке Советского Союза к отражению агрессии имели место просчеты и ошибки со стороны И. В. Сталина и его ближайшего окружения, особенно в оценке реальных сил и сроков начала нападения фашистской Германии и переоценки боеготовности и боевых возможностей войск Красной армии.

3. Советскому Союзу не в полной мере удались дипломатические усилия по созданию антигитлеровской коалиции накануне нападения Германии на Польшу и начала Второй мировой войны.

4. Несмотря на определенные издержки в подготовке к отражению агрессии со стороны фашистской Германии, Советский Союз сумел накануне войны заложить достаточно прочный фундамент в создании своего экономического, военного и морально-психологического потенциалов, обеспечивших ему победу в Великой Отечественной войне.

5. Накануне нападения фашистской Германии на СССР стратегическая, оперативная и тактическая разведки Советского Союза оказались на уровне предъявляемых к ним требований и в целом выполнили свои задачи.

Уроки

1. Российское государство во избежание ошибок прошлого должно иметь на современном этапе твердую ориентацию в виде национальной идеи (политической доктрины) государства, позволяющей ему определиться в экономическом, дипломатическом и военном отношениях.

2. Для защиты своей национальной безопасности наша страна должна располагать компактными, экономически сбалансированными, высокотехнически оснащенными силовыми структурами, прежде всего вооруженными силами, постоянно готовыми к выполнению поставленных задач в самых сложных условиях.

3. Высокая боеготовность и обороноспособность Российского государства должна опираться на высокий экономический и морально-психологический потенциал, а также передовые технологии, не зависящие от иностранного капитала.

4. Наше государство должно быть готово к ведению напряженного информационного противоборства с иностранными государствами и их спецслужбами на всех фазах противостояния с ними.

5. В целях успешной подготовки к отражению агрессии против нашего государства, откуда бы она ни исходила, нам следует иметь достаточно эффективную систему глобальной разведки (космической, агентурной, технической и войсковой), способной в любой момент обеспечить высшее политическое и военное руководство страны достоверной и своевременной разведывательной информацией.

На сайте www.rau.su Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Накануне гитлеровской агрессии

К вопросу о «Большой игре»

Сергей Рыбаков

Тема нападения гитлеровской Германии на Советский Союз до сих пор несёт на себе отпечаток неоднозначности и полемичности. Многие авторы объективно анализировали мотивы поведения германских, советских, британских политических верхов в канун войны. В то же время эту тему не обошли стороной и различные мифы, в одних случаях отразившие вольные или невольные заблуждения их распространителей, в других – ставшие плодами умозрительных, надуманных схем.

Уинстон Черчилль о предпосылках Второй мировой

Владимир Литвиненко в своей статье «„Странная война“ на Западе 1939–1940 гг.: военная катастрофа или ход в „Большой игре“?», опубликованной в мартовском номере «Обозреватель–Observer», увязал гитлеровскую агрессию против СССР с некоей «Большой игрой» британского истеблишмента, озабоченного сохранением своих колониальных позиций в Азии. Направление авторской мысли понятно и особых возражений не вызывает. Однако связь британских геополитических «Игр» с нападением гитлеровцев на нашу страну В. Литвиненко до конца так и не прояснил, зато пришёл к выводу о том, что Вторая мировая война была однолинейно и жёстко «запрограммирована» всем ходом событий, начиная с заключения Версальского договора[1].

Связь Версальских соглашений со скатыванием Европы к новой войне не-

РЫБАКОВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург). *E-mail:* istoric-ek@mail.ru

Ключевые слова: Версальский мир, реваншизм, нацизм, политика умиротворения, Мюнхенский сговор, пакт о ненападении, разведка, агрессия, внезапность, дезинформация, мифы, версии, факты.

сомненна. Однако эта связь не была такой прямолинейной, какой её рисует В. Литвиненко. Версаль не «запрограммировал» Вторую мировую войну, а лишь создал весомую предпосылку к ней, и Гитлер марионеткой лондонских политиков с их «Большими играми», конечно же, не был. По максимуму используя любые внешнеполитические возможности для наращивания германской экспансии, Гитлер вёл свою «Большую игру», так же как Сталин, Рузвельт и другие участники тогдашней геополитической сцены. Само выражение «Большая игра» входило в лексикон тогдашних политиков. Так, 21 июня 1941 года, то есть в самый канун гитлеровской агрессии против СССР, нарком иностранных дел СССР В. Молотов на просьбу главы Коминтерна Г. Димитрова прояснить сложившуюся международную обстановку ответил: «Положение неясно. Ведётся „Большая игра“. Не всё зависит от нас»[2].

История – это живое творчество конкретных людей, и в ней нет фатально предопределённых и независимых от воли людей сценариев. Утверждение о том, что Вторая мировая война была неизбежна, означает, что все, от кого хоть в какой-то мере зависел ход событий, хотели этой войны и добивались её развязывания. Это, разумеется, не так.

Очевидно, что руководство, например, Советского Союза, занятое развёрнутым хозяйственным строительством, вовсе не стремилось ввязываться во всемирную бойню. Да и британская элита, выстраивая модели своей «Большой игры», на самом деле вела себя далеко не так однозначно, как представил В. Литвиненко.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к свидетельствам такого политического тяжеловеса, как Уинстон Черчилль, в годы войны британский премьер-министр, после войны написал многотомное сочинение «Вторая мировая война», получившее широкую известность среди историков.

Сэр Уинстон признаёт, что отправной точкой в цепи предпосылок Второй мировой войны стали итоги Первой мировой. Для стран-победителей и стран проигравших плоды титанических затрат оказались полярно разными. В Германии, которая «почти в одиночку воевала чуть ли не с целым миром и едва не победила»[3], итоги кровавого периода расценивались как национальная катастрофа. Немцы не собирались с нею мириться и как только победители продиктовали условия послевоенного мира, в Германии сразу возникли реваншистские настроения.

Эйфория по случаю победы над грозным соперником помешала Англии, Франции и США своевременно и правильно отреагировать на опасность германского реваншизма, быстро набиравшего силу. Более того, немалая часть английского и американского истеблишмента открыто потворствовала реваншистскому движению в Германии. Черчилль такое потворство назвал «неблагоразумием, легкомыслием и добродушием»[3], при этом дипломатично умолчав о том, что за «добродушием» Лондона и Вашингтона скрывалось стремление превратить Германию в жёсткий противовес «красной угрозе», а точнее Советскому Союзу.

В реалиях существование «красной угрозы», да и то призрачное, было до XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.). В тот период среди руководителей СССР была популярна риторика о «мировой коммунистической революции», которая никак не могла нравиться лидерам западного мира, как не мог нравиться и Коминтерн. Главой Коминтерна был Г. Зиновьев, любивший составлять разные воззвания к «рабочим

всего мира» и без устали предрекавший и пророчивший: «Международный пролетариат одержит решающую победу, по крайней мере, в двух-трёх странах», «Маршрут пролетарской революции, как он наметился, идёт из России через Германию», «Во Франции скоро начнутся настоящие революционные битвы», «Когда революционизируется значительная часть английского рабочего класса, тогда победит пролетарская революция в Англии и во всей Европе»[4]. По представлениям Зиновьева, все эти шаманские заклинания должны были олицетворять «научное предвидение».

В ноябре 1926 г. VII пленум ИККИ снял Зиновьева с должности главы Коминтерна. XV съезд ВКП(б) провозгласил стратегический курс на «строительство социализма в одной стране», исключив из партии Зиновьева, Троцкого и других сторонников «мировой революции». Руководство СССР основные усилия теперь направляло на решение внутренних проблем. В этих условиях Коминтерн превращался в «филиал» кремлёвского правительства, в придаточный инструмент внешней политики СССР.

Новый поворот в политике Коминтерна произошёл после прихода Гитлера к власти. Состоявшийся летом 1935 г. VII конгресс Коминтерна утвердил тактику «народного фронта», направленную на «развёртывание массовой борьбы против фашизма»[5] и предполагавшую союз коммунистов не только с социал-демократическими, но и с буржуазно-демократическими партиями. Теперь Коминтерн мало напоминал ту организацию, которую создавали Троцкий и Зиновьев. К концу 30-х годов выражение «мировая революция» окончательно ушло из лексикона официальной советской пропаганды.

Происшедшая в Советском Союзе смена стратегического курса оставалась почти не замеченной западной политической элитой, особенно британской.

Возглавлявшие во второй половине 30-х годов правительство Великобритании консерваторы Стэнли Болдуин и Невилл Чемберлен продолжали действовать по инерции, как если бы Коминтерн по-прежнему угрожал из Москвы Европе «экспортом революции». Они хорошо знали, что Германия, несмотря на внутренние проблемы и противоречия, так и не отказалась от территориальных притязаний на Востоке, поэтому видели в ней некий инструмент, удобный для противодействия «красной угрозе».

От такого взгляда на вещи официальный Лондон не смог отказаться, даже когда к власти в Германии пришёл Гитлер. Исходя из своих упрощённых представлений о международной обстановке, Чемберлен стал проводить политику «умиротворения» гитлеровской Германии.

Уинстон Черчилль в своей книге относительно объективно разъяснил, что подходы британского истеблишмента к проблемам послевоенной Германии изначально не были продуманы и плохо подчинялись строгой логике. Уже при заключении Версальского договора английские дипломаты пренебрегли интересами Франции. При обсуждении условий мира французский маршал Фердинанд Фош потребовал отодвинуть франко-германскую границу до Рейна. Англичане это требование проигнорировали, и территориальное сокращение Германии свелось к минимуму. После подписания мирного договора Фош проницательно заметил: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет»[3].

Официальный Лондон после Версаля вёл себя крайне непоследовательно,

в одних вопросах делая поблажки Германии, в других чрезмерно ущемляя её права. Черчилль подверг критике статьи Версальского договора, касавшиеся выплат немцами репараций, как «злобные, глупые и бессмысленные». Налагаемые на Германию репарации были для неё неподъёмными, и она могла выплачивать их только за счёт американских и частично английских займов. При этом народ Германии, ничего не зная об этих займах, был убеждён, что Антанта грабит его, озлоблялся и наполнялся новой враждой к ней. Никаких хитроумных расчётов в политике англосаксов Черчилль не усмотрел, назвав её «идиотской путаницей»[3].

Веймарская система не давала немцам ничего привлекательного, казалась «наполненной пустотой, и через некоторое время в эту пустоту вступил неукротимый маньяк, выразитель самых злобных чувств, когда-либо разъедавших человеческое сердце, – ефрейтор Шикльгрубер»[3].

Англо-американские политики не сумели вовремя увидеть, как зловеща эта фигура. Более того, англосаксы поссорились с французами, когда те попытались силой заставить Германию выполнять условия Версальского договора. Англичане, уверенные, что прочно держат внешнеполитическую инициативу в своих руках, затеяли сомнительную комбинацию с целью военного ослабления Франции и «стали усиленно проявлять свою симпатию к Германии и даже восхищение ею»[3].

В ход мировых событий вмешался такой не предвиденный англосаксами фактор, как финансово-экономический кризис. К концу 20-х годов Америка была охвачена «настоящей оргией финансовых спекуляций»[3]. В 1929 г. пузырь раздутых кредитов лопнул, экономика США начала разваливаться. Кризис быстро перебросился в Европу, где его встретили по-разному: в Лондоне заговорили о необходимости экономии на военных расходах, а в Берлине, наоборот, резко усилили внимание к военному производству, в развитии которого видели надёжное средство в борьбе против безработицы.

«Никто не уступит нам земель добровольно…»

В 1933 г. на волне реваншизма к власти в Германии пришел лидер нацистов Гитлер. В это время английское правительство вело нескончаемые разговоры о благотворности всеобщего разоружения, а необъяснимо странный «план Макдональда» был нацелен на выравнивание численности двух армий: французской – за счёт сокращения, и германской – за счёт увеличения. На этом фоне у Гитлера появлялись определённые основания считать западных политиков «вырождающимися глупцами». Он стал уверять соотечественников, что «версальские цепи будут скоро сброшены, и немцы вернуть себе честь»[3].

В Германии началась скрытая от глаз остального мира деятельность по восстановлению военного потенциала страны.

Шло постоянное увеличение численности рейхсвера сверх нормы, прописанной в тексте Версальского договора.

Генштаб взял под свой контроль гражданскую авиацию, развивая её в соответствии с военными нуждами.

Нелегально строились подводные лодки. Разрабатывалось новейшее оружие. Заводы, построенные на американские займы, по словам Черчилля, «с самого начала предназначались для скорейшего перевода на военное производство».

Черчилль был убеждён, что «по крайней мере, до 1934 г. перевооружение Германии можно было предотвратить, не жертвуя ни одной человеческой жизнью»[3].

Но тогдашние верхи англосаксонского мира ничего не сделали для такого предотвращения, продолжив негласное поощрение милитаризации Германии уже после того, как она оказалась под властью Гитлера.

А ведь на Западе не могли не знать, кто такой Гитлер. Его книга «Майн кампф», вызвавшая немалый резонанс в Германии, проповедовала мировое господство германской расы. Гитлер призвал немцев готовиться к решающим боям за торжество этой идеи. Агрессивный характер гитлеризма был очевиден.

Что же тогда примиряло западных демократов с Гитлером? Судя по всему, его открытая враждебность к России.

В «*Mein Kampf*» Гитлер провозглашал, что расширение «жизненного пространства Германии» возможно только лишь за счёт земель на востоке:

«Приобретение новых земель и переселение туда излишков населения имеет бесконечно много преимуществ <...> Новые земли приходится теперь искать почти исключительно в Европе. Надо сказать себе спокойно и хладнокровно, что боги на небесах, уж конечно, не имели намерения во что бы то ни стало обеспечить одному народу в пятьдесят раз больше земли, нежели имеет другой народ.

<...> Конечно, никто не уступит нам земель добровóльно. Тогда вступает в силу право на самосохранение нашей нации со всеми вытекающими отсюда последствиями. Чего нельзя взять добром, то приходится взять силою кулака. <...> Новые земли мы могли бы получить в общем и целом только за счёт России.

Мы должны двинуться по той же дороге, по которой некогда шли рыцари наших орденов. Немецкий меч должен завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насущный немецкой нации»[6].

В Европе и Америке опус нацистского вождя, конечно же, был известен. Черчилль, пожалуй, несколько лукавил, говоря, что англосаксы, «поглощённые своими собственными заботами, почти не обратили внимания на постепенное превращение Адольфа Гитлера в фигуру национального масштаба»[3].

Уже весной 1935 г. Гитлер бросил вызов мировому сообществу, во всеуслышание объявив о существовании в Германии военной авиации и о введении всеобщей воинской повинности. Западные политики проявили первое беспокойство, а французское правительство даже подписало договор о военном сотрудничестве с Советским Союзом, что ещё в 20-е годы казалось невозможным.

Контакты с Москвой отцы западных демократий рассматривали как средство морального давления на Гитлера, но на него их анемичные дипломатические манёвры большого впечатления не производили. Не видя эффективного сопротивления своим планам и действиям, убедив своё окружение, что «вырождающиеся демократии ограничатся только болтовнёй», он становился всё более наглым и решительным, каждый раз добиваясь того, чего хотел. Сначала фюрер приказал ввести войска в демилитаризованную Рейнскую область, затем отправил армейские подразделения на подавление республиканцев в Испании, а после этого оккупировал Австрию.

Англичане и французы, наблюдая за дерзким поведением Гитлера, почти бездействовали. Реальные практические шаги для пресечения германской экспансии предлагал Советский Союз, но в Лондоне и Париже их не приняли.

Апофеозом попустительства гитлеровской дерзости стала мюнхенская сделка, обвалившая систему коллективной безопасности в Европе и ставшая спусковым крючком Второй мировой войны. Гитлер уговорил Чемберлена и Даладье, представлявших Англию и Францию, сдать ему их союзницу Чехословакию. Захват вермахтом

Чехословакии стал последней ступенью перед мировой войной. Предательство Западом Чехословакии усиливалось тем, что он проигнорировал советские предложения по её совместной защите.

Черчилль писал: «Мы к этим предложениям отнеслись с презрением, которое запомнилось Сталину, а впоследствии дорого поплатились за это»[3].

Сэр Уинстон расценил Мюнхенский договор как «катастрофу», безоговорочно осудив правительства Англии и Франции за его подписание.

Тогдашний британский премьер-министр Чемберлен объяснял англичанам, что дал Гитлеру согласие на захват Австрии и Чехословакии, чтобы избежать войны, «умиротворить» нацистского вождя и тем «консолидировать европейский мир».

Газета «Известия» по поводу этой «консолидации» писала: «Официальные круги Англии и Франции пытаются сейчас бурным ликованием по поводу достигнутого „мирового успеха" замаскировать подлинный характер мюнхенской сделки. Однако иллюзии проходят, а факты остаются. Останется очевидным, что капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором, по видимости отдалив войну, в действительности её приближает в неизмеримо худших для Англии и Франции условиях»[7].

Прошло совсем немного времени после мюнхенской сделки, и все в Европе стали понимать, что она оказалась явным провалом французской и английской дипломатии.

В октябре 1938 г. полпред СССР во Франции Я. З. Суриц писал наркому иностранных дел М. М. Литвинову: «О том, что Франции в Мюнхене было нанесено страшнейшее поражение, сейчас отдаёт себе отчёт любой француз»[8].

Действительно, ещё не улеглась эйфория после происшедшей якобы «консолидации Европы», как все увидели, что Германия при помощи Англии и Франции увеличила своё население больше чем на 3 млн, увеличила свою территорию больше чем на 27 тыс кв. км, получила, по сути, в подарок ряд высококлассных производств и немалые минерально-сырьевые ресурсы, без единого выстрела захватила важнейшие укрепления, построенные в Чехословакии для того, чтобы сдерживать германскую экспансию.

Одновременно с этим Англия и Франция лишились в лице Чехословакии наиболее верного союзника в Центральной Европе, способного в случае войны выставить армию численностью до 1,5 млн чел. Трусливой и демагогической политикой Лондон и Париж уронили свой авторитет в мире, оттолкнули от себя Советский Союз и других потенциальных союзников.

Во Франции крах затеи «умиротворить» Гитлера за счёт Чехословакии осознали быстрее, чем в Англии, где Чемберлен с упоением играл роль «триумфатора». Его иллюзии связывались с уверенностью в «честном партнёрстве» Гитлера.

В октябре 1938 г. германский посол в Англии фон Дирксен докладывал в Берлин: «Чемберлен питает полное доверие к фюреру. <...> Мюнхенский протокол создал основу для перестройки англо-германских отношений. Сближение между двумя странами рассматривается Чемберленом и английским кабинетом как одна из главных целей английской внешней политики на длительное время, поскольку самым эффективным образом может обеспечить мир во всём мире»[8].

Но не столько о «мире во всём мире» пеклись Чемберлен и Даладье, сколько о том, чтобы направить гитлеровскую экспансию на восток. Именно так их маневры расценила советская дипломатия.

Суриц писал из Франции в Москву: «За счёт каких третьих стран можно ещё делать уступки Германии? В том, что теперешние властите-

ли Франции вкупе с их английскими коллегами не прочь были бы разрешить все спорные и „проклятые" вопросы за счёт СССР, нет сомнения»[8].

Основания для таких суждений у советского НКИД были. В Москве знали о ведущихся в западных столицах разговорах о том, что «для демократических государств было бы желательно, чтобы на востоке дело дошло до войны между Германским рейхом и Россией»[8].

Инфантильные иллюзии Чемберлена и Даладье в отношении «честного партнёрства» со стороны Гитлера развеялись, когда их «партнёр» инициировал в Германии еврейские погромы, показав миру свою подлинную сущность. В США, Англии, Франции поднялась буря протестов против погромов, и, как отмечали советские дипломаты, «пресса прекратила проявлять нежность в отношении Чемберлена»[8]. Британский премьер почувствовал, как с него осыпаются лавры триумфатора.

Вскоре Чемберлен и Даладье пережили шок: Гитлер захватил Чехию, а Словакию превратил в германский протекторат. Об этом они с ним в Мюнхене не договаривались. Гитлер же сделал вид, что мюнхенский сговор означает не что иное, как их согласие на «преобладание немецкой воли в тех районах, где ни Лондон, ни Париж не имеют возможности эффективного вмешательства»[8].

К марту 1939 г. Чемберлен являл собой напуганного и морально раздавленного человека. Он, по сообщению советского полпреда в Англии, «грубо ругал Гитлера и подчёркивал наличие тесного контакта с СССР»[8]. Но теперь его фразы о «мире во всём мире» звучали как беспомощный лепет. Европа быстро скатывалась к войне.

Советско-германский пакт о ненападении

Говоря о предпосылках Второй мировой войны, нельзя не обратить внимания и на безрассудное поведение правителей тогдашней Польши, вслед за Гитлером пославших войска в Чехословакию для оккупации части её территории – Тешина.

Черчилль писал: «Из-за такого незначительного вопроса, как Тешин, поляки порвали со своими друзьями во Франции и Англии. Пока на них падает отблеск могущества Германии, поляки спешат захватить свою долю при разграблении Чехословакии.

<...> Всегда существовало две Польши: одна из них боролась за правду, другая пресмыкалась в подлости: храбрыми слишком часто руководили гнусные»[3].

Вскоре Польша поплатилась за своё поведение, став очередным объектом гитлеровской агрессии. Польско-германский конфликт вокруг Данцигского коридора сделал нападение Германии на Польшу неотвратимым. Вконец растерянный Чемберлен ещё продолжал тешить себя иллюзиями. В разговоре с Ллойдом Джорджем он высказал надежду, что ни Гитлер, ни германский генштаб «не пойдут на войну, если будут знать, что им придётся драться одновременно на двух фронтах – Западном и Восточном». Под «Восточным фронтом» английский премьер имел в виду Польшу.

Как свидетельствует дипломатический документ, Ллойд Джордж, старый политический «зубр», в ответ на это «расхохотался, стал издеваться над Чемберленом и доказывать, что Польша не имеет ни сколько-нибудь приличной авиации, ни достаточной механизации армии, что вооружение польских сил более чем посредственно, что Польша экономически и политически слаба, что никакого „Восточного фронта" без активной помощи СССР быть не может»[8].

Действительно, единственным способом избежать германской агрессии против поляков являлось создание коалиции с участием Польши, Англии, Франции и СССР. Все компетентные французские и английские политики ясно понимали, что без СССР эффективная помощь Польше невозможна.

В Москве были организованы переговоры военных делегаций Англии, Франции и Советского Союза. Одним из условий подписания совместного договора должно было стать согласие поляков пропустить части Красной армии через свою территорию для боевых действий против вермахта, но польская верхушка отказалась пойти на такой шаг, сорвав переговоры между СССР, Англией и Францией. Таким образом, русофобия и антисоветизм польских панов стали одной из предпосылок Второй мировой войны.

Над Польшей сгущались военные тучи, а представители польского МИД в это время распинались перед германскими журналистами: «Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне. Она и сегодня защищает эту точку зрения»[8].

В Кремле об этой высокомерной «точке зрения» поляков, разумеется, знали. Могла ли она как-то влиять на внешнеполитический курс СССР? Ответ, думается, очевиден.

Когда верхушка Германии, готовившая нападение на Польшу, предложила правительству СССР заключить пакт о ненападении между двумя странами, Кремль оказался перед выбором: либо подписать такой пакт, либо оставить свою страну в полной изоляции. Советское руководство выбрало то, что больше соответствовало интересам безопасности страны. 23 августа 1939 г. пакт был подписан.

Москва, конечно, была хорошо осведомлена о человеконенавистнической сущности нацистской идеологии и о захватнических планах гитлеровского режима.

Означало ли это, что Сталин должен был отвергнуть всяческие контакты с этим режимом, пойти на конфронтацию с ним?

Нужно ли было «чистоту идейных риз» ставить выше безопасности советского народа?

В сложившейся ситуации такой подход был бы не только неразумным, но и самоубийственным. У СССР появился шанс отсрочить начало войны, и воспользоваться им было насущной необходимостью. Резерв времени нужен был для перевооружения и технического переоснащения армии.

До определённого момента тема пакта с немцами не имела для Советского Союза большой остроты, поскольку общей границы с Германией у него не было. Ситуация стала ускоренно меняться по мере нарастания напряжённости в отношениях Германии и Польши, когда стало ясно: дело идёт к войне между ними, и если вермахт завоюет Польшу, то выйдет к советским границам.

1 сентября 1939 г. Германия начала войну против Польши. Польская армия сопротивлялась лишь несколько дней. Немцы быстро дошли до линии, разделявшей зоны интересов Германии и СССР, оговорённые специальным приложением к пакту о ненападении. Альтернативой вступлению Красной армии на территорию восточнее линии раздела, то есть на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, могла быть только оккупация этих земель вермахтом. 17 сентября 1939 г. население западнобелорусских и западноукраинских районов, почти 20 лет мечтавшее о воссоедине-

нии с народами Белоруссии и Украины, с радостью встречало отряды Красной армии.

Некоторые политики в Англии и Франции не преминули упрекнуть СССР в том, что он ради своей безопасности принёс Польшу в жертву. Они попытались поставить Кремлю в вину то, что Чемберлен и Даладье проделали за год до падения Польши, сдав Гитлеру Чехословакию. Были, однако, на Западе и те, кто поддержал решение советского руководства о вводе войск в Польшу. Одним из них являлся Уинстон Черчилль.

Он писал: «Советскому Союзу жизненно необходимо было отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, чтобы выиграть время и собрать силы со всех концов колоссальной империи. В умах русских калёным железом отпечатались поражения, которые терпели в 1914 г. их армии, бросившиеся наступать на немцев, ещё не закончив мобилизации. И теперь русским нужно было занять Прибалтику и часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была теперь холодно-расчётливой, то она была также и в высокой степени реалистичной»[3].

Очевидно, что, идя на заключение договорённостей с Советским Союзом, берлинские политики преследовали собственные тайные цели, далёкие от миролюбия в отношениях с Москвой. Пакт нужен был им, чтобы всей мощью обрушиться на европейские страны, овладеть их ресурсами и после этого форсировать подготовку к нападению на Советский Союз. Как только вермахт нанёс поражение французам и англичанам под Дюнкерком (июнь 1940 г.), Гитлер напомнил немецким генералам об их «настоящей задаче – разделаться с большевизмом». Уже 22 июля 1940 г. Гитлер дал указание германскому генштабу разработать план наступательной операции против СССР, а 31 июля провёл совещание с генералами, где заявил, что «весной 1941 г. с Россией должно быть покончено»[9].

18 декабря 1940 г. Верховное командование вермахта приняло директиву № 21, вошедшую в историю как план «Барбаросса». В первых строках этого документа было зафиксировано: «Германские вооружённые силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании ещё до того, как будет закончена война против Англии»[9].

Поведение нацистских верхов определяли оперативно-тактические расчёты. Ни о каком «честном партнёрстве» и тем более об «искренней дружбе» с большевиками, они не помышляли.

После нападения Германии на СССР ближайший соратник Гитлера, рейхсминистр пропаганды Геббельс отметил в своём дневнике: «Сотрудничество с Россией являлось пятном на нашей чести. Теперь оно будет смыто. Фюрер говорит: правдой или неправдой, но мы должны победить. А когда мы победим, кто спросит нас о методе? У нас и без того столько всего на совести, что мы просто обязаны победить, иначе будем стёрты с лица земли»[10].

Подписав с Советами пакт о ненападении, гитлеровцы относились к нему как к прикрытию далеко идущих стратегических намерений и вынуждены были скрывать своё истинное отношение к Советскому Союзу.

Геббельс лишь дневнику доверял свои тайные мысли: «У фюрера нет для Москвы ничего, кроме презрения. Россия всегда будет нам чужда. Сообщество недочеловеков <...> Нам придётся изгнать эту азиатчину из Европы, загнать её в Азию, где её настоящее место. Однажды нам придётся рассчитаться с Россией»[10].

Гитлер не собирался относиться к пакту о ненападении с Советским Союзом как к чему-то долговременному. Свои карты он раскрыл 22 июня 1941 г.

Отдавая приказ начать войну против СССР, фюрер заявил: «В августе 1939 года для меня было тяжелым испытанием послать моего министра в Москву для того, чтобы что-то противопоставить английской политике, направленной против Германии. Я сделал это только в силу ответственности по отношению к германскому народу и в надежде на примирение и уменьшение жертв, которые иначе могли бы быть от нас потребованы.

<...> Наконец-то настал час, когда необходимо выступить против комплота еврейско-англосаксонских подстрекателей к войне и еврейских властителей московского большевистского центра.

<...> В данный момент совершается поход, который по масштабу является величайшим из всего, что видел до сих пор мир»[11].

Советская разведка знала всё

В российском обществе до сих пор весьма распространено представление о том, что вторжение вермахта на территорию СССР в ночь на 22 июня 1941 г. стало для всей нашей страны, в том числе – и для её руководства, полной неожиданностью. В советское время тезис о внезапности гитлеровского нападения на СССР воспринимался как аксиома.

Факты, однако, свидетельствуют о том, что гитлеровская агрессия не являлась абсолютной неожиданностью для советского руководства. Благодаря действиям разведки информация о подготовке Гитлером войны против СССР поступала вовремя и в достаточных объёмах. Наши разведчики действовали вполне профессионально, несмотря на то что отмобилизовать их на успешную работу было непросто: в 1940 г. разведку пришлось воссоздавать фактически заново. После чисток 1937–1938 гг. в строю осталось меньше половины кадровых разведчиков, что вело к разрыву многих агентурных связей и снижению эффективности нелегальной работы за рубежом.

Репрессиям были подвергнуты руководители разведки, начинавшие работу в ней ещё в годы Гражданской войны: Яков Давтян, Рубен Катанян, Соломон Могилевский, Михаил Трилиссер, Станислав Мессинг, Артур Артузов, Абрам Слуцкий, Ян Берзин, Сергей Шпигельглас, Зельман Пассов, Семён Гендин, Семён Урицкий.

Чистка в спецслужбах частично объясняется тем, что ряд сотрудников высокого ранга – Натан Рейсс, Самуил Гинзберг (известный как Вальтер Кривицкий), Александр Бармин, Лев Фельдбин (Александр Орлов), Генрих Люшков, Александр Успенский – стали в 30-е годы перебежчиками и выдали секретную информацию. Некоторые из них не скрывали симпатий к высланному из СССР Л. Троцкому, рьяному противнику сталинского окружения, а Сталину хотелось нейтрализовать всех, кто хотя бы потенциально мог иметь связи с троцкистской оппозицией. Особенно он опасался профессионалов из спецслужб, владевших разведывательно-диверсионными технологиями.

При этом Сталин осознавал значимость разведки как незаменимого инструмента при принятии внешнеполитических решений. Когда вермахт оккупировал Чехословакию, Польшу, Францию, Бельгию, Голландию, Норвегию, советское руководство не могло не задаться вопросом о дальнейших планах Гитлера. Сталин распорядился пополнить спецслужбы новыми кадрами и возобновить масштабную нелегальную деятельность за рубежом, в первую очередь в Германии.

Чисток избежали такие высококлассные разведчики, как Павел Фитин, Пётр Кубаткин, Пётр Федотов, Сергей Савченко, Павел Судоплатов, Александр Коротков.

Судоплатов и Коротков вели нелегальную работу в рейхе, знали все её тонкости, успешно контролировали агентурную сеть, внедрённую в немецкие государственные органы и военные подразделения. При создании этой сети наши разведчики активно использовали идеологический фактор, договариваясь о сотрудничестве с приверженцами левых идей.

Поставщиком разведывательных кадров стал Коминтерн, из структур которого вышли такие асы-нелегалы, как Рудольф Абель, Арнольд Дейч, Шандор Радо, Рихард Зорге.

Советские разведчики находили общий язык и с противниками нацистской доктрины из числа высокопоставленных немцев и японцев.

В Токио Рихарду Зорге удалось завербовать Одзаки Хоцуми, секретаря главы японского правительства принца Фунимаро Коноэ.

В Берлине очень ценным источником информации для нашей разведки стал агент Брайтенбах – Вилли Леман, сотрудник центрального аппарата гестапо.

Важные секреты Третьего рейха передавали также барон Рудольф фон Шелиа, занимавший высокий пост в министерстве иностранных дел Германии, и Герхард Кегель, советник по экономическим вопросам в германском посольстве в Москве.

С весны 1940 г. Главное разведывательное управление стало получать многочисленные сведения, касавшиеся германских планов подготовки к войне против СССР, создания войсковых группировок в вермахте, переброски немецких войск и военной техники к советским границам, вероятных сроков начала войны. Все эти данные ясно свидетельствовали о том, что гитлеровцы полным ходом готовят Германию к агрессии против Советского Союза.

Передаваемая разведчиками информация не пропадала даром: руководство СССР реагировало на неё мерами по укреплению обороноспособности страны. Данные разведки напрямую влияли на военно-стратегическое планирование, осуществлявшееся наркоматом обороны и Генштабом Красной армии.

Так, 18 сентября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба представили правительству аналитический доклад, где было чётко сказано: «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе – против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, на востоке – против Японии. Основным, наиболее сильным противником является Германия»[12].

18 декабря 1940 г. Гитлер издал директиву № 21, план «Барбаросса», предписывавшую закончить подготовку вермахта к нападению на СССР до 15 мая 1941 г. Уже 29 декабря Разведуправление в Москве располагало информацией об этой директиве.

К началу 1941 г. нашим разведчикам было совершенно понятно, что Гитлер готовит агрессию против СССР. По мере нарастания темпов военной подготовки вермахта нарастал и поток информации о ней. Он шёл из войсковых штабов, из полиции, из МИД Германии.

Весной 1941 г. донесения из Германии в Москву никаких сомнений по поводу нацистских планов в отношении СССР уже не оставляли. 7 мая в Центр были переданы материалы о том, что сосредоточение вермахта вошло в завершающую стадию и немцы намереваются развернуть наступление широким фронтом от Финляндии до Румынии. В конце мая ГРУ проинформировало Сталина, Ворошилова и Тимошенко о составе немецких войск, сосредоточенных против трёх военных округов – Прибалтийского, Западного и Киевского особого.

Наши разведчики точно определили масштаб развёртывания сил вермахта на советской границе. В свете этих фактов тезис о полной внезапности гитлеровской агрессии против СССР выглядит не соответствующим историческим реалиям.

Логика поведения руководства СССР в канун нападения Германии

Советское руководство не заблуждалось относительно подлинных планов Гитлера. Видя нарастание военной опасности со стороны Германии, оно усиливало линию обороны на западных границах страны, выдвигало войсковые части из внутренних районов в приграничные округа. После того как в июне 1940 г. вермахт разбил английские и французские войска под Дюнкерком и через несколько дней без боя взял Париж, Сталин ясно осознал, что война для Советского Союза уже не за горами. Неслучайно в сентябре 1940 г. были проведены широкомасштабные тактические учения Красной армии во всех приграничных военных округах. Однако Кремль обязан был сделать всё, чтобы отсрочить начало войны на максимальный срок. Иная логика поведения была бы заведомо авантюрной.

Чтобы это понять, нужно дать точный ответ на вопрос: реально ли было завершить проводимые тогда мобилизационные мероприятия до 22 июня 1941 г.? Очевидно, что организационные возможности страны были обусловлены объективным состоянием экономики, и волюнтаристски переступить через этот фактор было невозможно.

Здесь напрашивается ещё один вопрос: а что было бы, если бы программы модернизации оборонного комплекса не существовало вовсе?

Ещё в конце 20-х годов техническая оснащённость Красной армии была почти нулевой: на вооружении состояло всего 92 танка, не хватало артиллерийских орудий, все самолёты были устаревшими. В масштабной войне, случись она в то время, Советский Союз не имел бы никаких шансов на успех.

Реализация модернизационной программы началась с момента принятия первого пятилетнего плана, главной задачей которого было многократное повышение обороноспособности страны.

Благодаря преимуществам плановости за первую пятилетку промышленное производство удвоилось, а за вторую увеличилось ещё в 2,2 раза.

За 10 лет было построено 6 тыс. промышленных предприятий, и тем самым была создана надёжная основа для укрепления обороноспособности страны.

В 30-е годы прирост продукции ВПК составлял сотни процентов.

В третьей пятилетке шло дальнейшее наращивание промышленного потенциала СССР.

С 1939 г. по июнь 1941 г. объём производства составил 86 % от плановых показателей, привязанных к концу 1942 г., было запущено 2900 новых промышленных предприятий, доля оборонных расходов в бюджете поднялась с 26 до 43 %.

Важнейшее стратегическое значение имело промышленное строительство на востоке страны. Кроме новых производств там строились предприятия, дублировавшие заводы, действовавшие на западе СССР. Как показали уже первые месяцы войны, дублирование производств на востоке оказалось нужным и исключительно своевременным.

В 1940 г. были существенно увеличены капиталовложения в военное производство, что позволило более чем на треть поднять объём оборонной продукции.

Вырос численный состав армии и флота.

Для увеличения численности офицеров было создано 42 новых военных училища. Были пересмотрены дела свыше 11 тыс. незаконно репрессированных военных специалистов, которых вернули в армейские ряды.

25 июня 1940 г. Политбюро ВКП(б) приняло решение об укреплении производственной дисциплины, запретив работникам самовольно переходить с одного предприятия на другое. Кроме того, была введена семидневная рабочая недели. Этим решением экономика страны, по сути, переводилась на военные, мобилизационные рельсы.

В сентябре 1939 г. был принят закон о всеобщей воинской обязанности. С этого времени по январь 1941 г. численность армии и флота возросла в 2,8 раза, достигнув 4200 тыс. военнослужащих.

В мае 1941 г. было призвано из запаса и направлено в войска западных приграничных военных округов около 800 тыс. чел.

При этом в Кремле понимали, что численное увеличение Вооружённых сил без совершенствования их качественных характеристик не имело большого смысла. Армия нужны были новые танки, самолёты, артиллеристские системы, стрелковое оружие.

По заданию правительства наши конструкторы создали такие высококлассные модели техники как знаменитый танк Т-34, передовые для того времени самолёты Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2.

Большое внимание уделялось техническому оснащению военно-морского флота, создавались военные базы на Чёрном, Балтийском и Северном морях. Мобилизационные мероприятия, проведённые правительством в предвоенные годы, дали положительные результаты. Но к июню 1941 г. они ещё не были полностью завершены.

В середине мая 1941 г. нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Красной армии Г. К. Жуков представили председателю правительства И. В. Сталину «План стратегического развёртывания вооружённых сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками». Ещё через несколько дней командующие Западного, Прибалтийского, Киевского особого и Одесского военных округов получили из наркомата обороны секретные директивы, предписывавшие развернуть живую силу и технику в укреплённых районах этих округов[9].

Однако это развёртывание было не проведено достаточно оперативно. Оно тормозилось противоречивостью и двойственностью указаний, спускаемых округам центральным военным командованием.

Так, 10 июня 1941 г. в Военный совет Киевского особого военного округа поступила директива из Генштаба: «Начальник погранвойск НКВД УССР донёс, что начальники укреплённых районов получили указание занять предполье. Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепрайонов КОВО получили приказ занять предполье.

Такое действие может спровоцировать немцев на вооружённое столкновение и чревато всякими последствиями. Это распоряжение немедленно отмените и доложите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. Жуков»[9].

Вполне понятно, что за этой и подобными ей директивами Генштаба стояло высшее руководство во главе со Сталиным.

Сталин стремился любыми способами отодвинуть сроки начала войны, чтобы успеть завершить модернизацию вооружённых сил. Он понимал, что одинаковые сведения из поступавших сотнями донесений разведки не могут быть результатом простого совпадения, но, как человеку, свыкшемуся с ролью искушённого теоретика, ему трудно было отказаться от своих представлений о логике развёртывания исторических событий. Он надеялся на то, что война Германии с Британией рано или поздно выйдет из вялотекущего состояния и выльется в жестокую схватку между ними, а раз так, то

Гитлер не решится на такой слишком рискованный для него шаг, как нападение на СССР.

Маршал Г. Жуков писал: «Я помню слова Сталина, когда ему докладывали о подозрительных действиях германских войск: „Гитлер и его генералитет не такие дураки, чтобы воевать одновременно на два фронта, на чём немцы сломали себе шею в Первую мировую войну. У Гитлера не хватит сил, чтобы воевать одновременно на два фронта, а на авантюру он не пойдёт“»[9].

Сталин полагал, что ему удастся удержать Советский Союз в стороне от вооружённой схватки.

Он разъяснял главе Коминтерна Георгию Димитрову: «Война идет между двумя группами капиталистических стран – бедных и богатых, в отношении колоний, сырья и т. п. За передел мира, за господство над миром. Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Было бы неплохо, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран – в особенности Англии. Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему. <...> Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»[11].

Но, как оказалось, реальный ход событий мало зависел от теоретических схем.

На ситуацию повлияла и уверенность генсека в том, что вторжению немцев непременно должен предшествовать ультиматум с их стороны, который даст возможность начать переговоры с ними, а значит, позволит и выиграть время для завершения в СССР мобилизационных мероприятий. Но никакого ультиматума не последовало. Советский вождь, расценивший эту данность как неслыханное вероломство со стороны немцев, высказывал своё возмущение их действиями: «Напали на нас, не предъявляя никаких претензий, не требуя никаких переговоров»[13].

«Блеф полностью удался»

На мобилизационную готовность СССР к войне в определённой мере повлияла и проведённая спецслужбами Германии серия спланированных акций по дезориентации противника. Маскировка немцами военных приготовлений носила системный характер.

15 февраля 1941 г., спустя две недели после принятия стратегического плана по созданию Восточного фронта, начальник штаба главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель подписал распоряжение о широкой дезинформации советской стороны. Оно предписывало заняться отвлекающими маневрами на западном направлении, создать впечатление о намерении немцев наступать на Англию.

6 сентября 1940 г. штаб ОКВ передал абверу директиву «О мероприятиях по дезинформации советского военного командования», где указывалось на необходимость «маскировать общую численность немецких войск на востоке, создавать впечатление, что основное направление в наших передвижениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства», и т. п.

В другой директиве штаба ОКВ, принятой 15 сентября 1940 г., подчёркивалось: «Важно достичь того, чтобы Россия вплоть до нашей победы над Англией не подозревала о грозящей опасности и не имела бы оснований для принятия контрмер»[9].

Особую ставку при маскировке своих агрессивных намерений нацистская верхушка сделала на внешнеполитическое ведомство, ставя ему задачу тонкой дипломатической

игрой отвлечь внимание Кремля от истинных намерений Берлина. Этой игрой занялся сам министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп.

В октябре 1940 г. он написал Сталину письмо с уверениями в дружеских чувствах: «Я думаю, что решимость достичь соглашения между нашими странами возникла благодаря сознанию, что жизненные пространства наших народов соприкасаются без необходимости сталкиваться <...>

Я убеждён, что последовательное продолжение добрососедской политики и дальнейшее углубление политического и экономического сотрудничества также и в будущем будут иметь благотворные последствия для обоих великих народов».

Риббентроп уверял советского вождя в том, что военный союз Германии с Италией и Японией никоим образом не направлен против СССР, с пафосом расписывал долгосрочные геополитические перспективы: «Историческая задача четырёх держав в лице Советского Союза, Италии, Японии и Германии состоит в том, чтобы устроить свою политику на долгий срок и путём разграничения интересов в масштабе столетий направить будущее развитие своих народов на правильные пути»[9].

Стремясь усилить дезориентацию советских руководителей, гитлеровское окружение пригласило в Берлин главу советского правительства и наркома иностранных дел СССР В. Молотова. 12 ноября 1940 г. Молотов прибыл в германскую столицу, где провёл переговоры с Риббентропом и с Гитлером.

Фюрер на этих переговорах вылил на председателя совнаркома реку демагогии, соблазняя его британскими колониями: «Когда огромная империя в 40 миллионов квадратных км разрушится, останется „конкурсная масса", и она сможет удовлетворить всех, кто имеет потребность в свободном выходе к океану.

<...> Великое азиатское пространство нужно разделить на восточноазиатское и центральноазиатское. Последнее распространяется на юг, обеспечивая выход в открытый океан, и рассматривается Германией как сфера интересов России»[9].

На Молотова беседа с Гитлером, видимо, произвела впечатление, поскольку он сообщил Сталину в телеграмме: «Налицо большой интерес Гитлера к тому, чтобы укрепить дружбу с СССР и договориться о сферах влияния»[9]. В тот момент он, конечно, не мог знать, что именно в то время, когда он пребывал в Берлине, Гитлер подписал директиву № 18, давшую старт подготовке наступательной операции против Советского Союза.

К маскировочным маневрам активно подключились и германские средства информации. Рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс записал в дневнике, что ставит своему ведомству задачу «всячески дезинформировать Советы, применяя сильные средства для обмана».

18 июня 1941 г. он записал: «Маскировка в отношении России достигла кульминации. Мы наполнили мир потоком слухов, так что самому трудно разобраться. Наш новейший трюк: мы намечаем большую мирную конференцию с участием России»[10].

Наиболее яркой иллюстрацией того, что орудием подготовки нацистов к войне против СССР была наглая ложь, является письмо Гитлера Сталину от 14 мая 1941 г.*

Гитлер, который только что дал штабу ОКВ установку: «для России наш удар должен оказаться максимально внезапным», решив дезинформировать Сталина, он писал: «Я окончательно пришел к выводу, что невозможно

* Копия этого письма в массе других документов после войны была вывезена американцами и долгое время находилась в одном из архивов в штате Вирджиния. В России это письмо было опубликовано известным и очень авторитетным историком Анатолием Уткиным, являвшимся директором Центра международных исследований Института США и Канады РАН.

достичь долговременного мира в Европе без окончательного крушения Англии. Как Вы хорошо знаете, я уже давно принял решение осуществить ряд военных мер с целью достичь этой цели. <...> Оскорбительные ответы на мои предложения и расширяющаяся экспансия англичан убедили меня в том, что нет выхода из этой ситуации, кроме вторжения на Британские острова.

<...> Чтобы организовать войска вдали от английских глаз, значительное число моих войск, около 80 дивизий, расположены у границ Советского Союза. Вероятно, это порождает слухи о возможности военного конфликта между нами. Хочу заверить Вас и даю слово чести, что это неправда.

Ввиду значительной концентрации войск случайные эпизоды военных столкновений могут достичь значительных размеров, делая трудным определение, кто начал первым. Я хочу быть с Вами абсолютно честным. Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от ее грядущей судьбы и разрушить мои планы. Речь идет о времени более месяца.

Начиная примерно с 15–20 июня, я планирую начать массовый перевод войск от Ваших границ на Запад. В соответствии с этим я убедительно прошу Вас, насколько возможно, не поддаваться провокациям, которые могут стать делом рук тех из моих генералов, которые забыли о своем долге. И, само собой, не придавать им особого значения. Я прошу не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам. Только таким образом мы можем достичь общих целей, которые, как я полагаю, согласованы. Ожидаю встречи в июле. Искренне Ваш, Адольф Гитлер»[14].

Меры гитлеровцев по дезинформации советского руководства достигли определённого эффекта, отразившегося, в частности, в докладе начальника Разведуправления Ф. Голикова, подготовленном в марте 1941 г. для политического и военного руководства страны. В этом докладе приводились многочисленные и вполне конкретные данные об ускоренных приготовлениях Германии к войне.

К примеру, говорилось: «<...> Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Ленинграда, 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштедта – в направлении Москвы, 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева.

<...> Гитлер никогда не изменял своей программе, изложенной в книге „Моя борьба", и эта программа является основной целью войны. Дружбой Гитлер пользуется как средством, дающим ему возможность решить задачу переустройства Европы.

<...> По сообщению нашего вполне авторитетного источника из Берлина, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года».

Доклад, вопреки изложенным фактам, заканчивался так: «На основании всех приведённых выше высказываний и возможных вариантов действий весною этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почётного для Германии мира. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весною этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»[9].

Получалось, что выводы, завершающие доклад Голикова, перечёркивали все перечисленные в нём важнейшие сведения. Ясно, что начальник ГРУ не проявил должной принципиальности.

За неделю до вторжения войск вермахта на территорию СССР Геббельс ликовал: «Блеф полностью удался! Наша операция готова так, как это только вообще возможно. Собрано столько резервов, что неудача полностью исключена»[10].

Истоки нечистоплотного мифа

Наряду с тезисом о полной внезапности нападения гитлеровской Германии на СССР существует, как ни парадоксально, и полярно противоположная версия, возлагающая вину за развязывание войны на Советский Союз. Эта версия разошлась с подачи небезызвестного интерпретатора военной истории Виктора Суворова-Резуна, попытавшегося доказать, что СССР будто бы готовился, но не успел напасть на Германию, поскольку та нанесла превентивный, опережающий удар[15].

Суворов-Резун ссылается на наличие в советском генштабе плана наступательных операций.

Да, такой план существовал, но он составлялся как один из оперативно-тактических вариантов наряду с планом оборонительных действий. Иначе и быть не могло: генштабисты всех стран всегда исходили из возможности разных сценариев военных действий, различных возможностей развития событий.

Некоторые доводы Суворова-Резуна просто смехотворны. Доказывая наличие у Кремля агрессивных планов, он пишет, что «в 1941 г. Красная армия оставалась единственной армией, имевшей плавающие танки», которые, пройдя испытания на «штормовом Ильмене, доказали возможность форсировать Ла-Манш» и участвовать в «войне за мировое господство, за то, чтобы всё население планеты загнать в концлагеря, казармы и трудовые армии»[16].

Дело не в «танках в Ла-Манше», хотя, это, конечно, забавно, а в «мировой революции», стремление к которой Суворов-Резун приписывает Сталину и его окружению, не считаясь с тем, что после XV съезда ВКП(б) курс на «мировую революцию» к концу 30-х годов был фактически свёрнут.

Сталин не только отказался от лозунга «отмирания государства», но и заявил о себе как о наследнике русских царей, о чём свидетельствовал Георгий Димитров, законспектировавший сталинский тост на обеде у Ворошилова 7 ноября 1937 г.: «Русские цари сделали одно хорошее дело – сколотили огромное государство. Большевики получили его в наследство. <...> Каждого, кто своими действиями покушается на единство социалистического государства, будем беспощадно уничтожать»[13].

Эти немаловажные детали реальной истории не учитываются Суворовым-Резуном и его эпигонами В. Невежиным, И. Павловой, Б. Соколовым, принявшимися доказывать, что «Советы просто вынудили немцев прибегнуть к упреждающим мерам».

Соколов пишет: «Сталин на самом деле не сомневался в скором начале войны. Но он думал, что она начнётся внезапным и мощным ударом Красной армии, и подтягивал войска к границам, перебрасывал вплотную к западным рубежам запасы топлива, снаряжения, боеприпасов»[17].

Реконструкция предвоенной ситуации, представленная этими авторами, используется для сведения многозначной и многослойной темы войны к противоборству «двух тоталитарных режимов», «двух хищников» – Сталина и Гитлера.

Суворов-Резун – не первооткрыватель версии о превентивном нападении Германии на СССР, он лишь повторил мысли, высказанные германскими интерпретаторами Второй мировой войны.

В 80-е годы «идею» о вине СССР за развязывание войны озвучил Эрнст Нольте, опубликовавший в западногерманской прессе статью, где утверждал, что в 1941 г. СССР готовился напасть на Германию, но не успел этого сделать, ибо та нанесла опережающий удар.

Этот «концепт» подхватили И. Гофман, Э. Топич, В. Мазер, В. Пост, Ш. Шайл и другие сторонники «ревизии» итогов Второй мировой войны.

Аргументы «ревизионистов» не отличаются убедительностью, а порой выглядят откровенно комично. К примеру, Э. Топич «доисследовался» до того, что обвинил советское руководство в преднамеренном провоцировании Гитлера, чтобы СССР мог предстать перед всем миром в качестве жертвы агрессии.

Но существеннее другое: все эти «ревизионисты» тоже не являются первосоздателями превентивной версии начала войны. Она родилась не где-нибудь, а в министерстве информации и пропаганды нацистской Германии.

Сразу после вторжения гитлеровцев на территорию СССР Геббельс выступил с заявлением о том, что «фюреру буквально в последний момент удалось опередить большевиков, уже занёсших своё оружие над фатерляндом». Эта дезинформация вбивалась в мозги немецких солдат, чтобы повысить их ненависть к «опасному врагу»[10].

Сегодня развенчать геббельсовскую ложь легко: достаточно обратиться к дневникам самого же рейхсминистра, в которых он фиксировал для истории свои сокровенные мысли.

В апреле-мае 1941 г., в разгар подготовки агрессии против Советского Союза, Геббельс писал: «Русская карта уже вне игры. <...> Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролик перед удавом. <...> Невроз, порождённый страхом!»

Никакой угрозы со стороны Красной армии Геббельс в те дни не ждал: «Сталин учуял, что пахнет жареным, и размахивает пальмовой ветвью. Россия открыто заявляет о своём миролюбии. Это, конечно, радует»[10].

Главари рейха были уверены, что Советский Союз первым войну начать не сможет, пока не закончит технического переоснащения вооружённых сил.

В проекте плана наступательной операции против СССР, разработанном 5 августа 1940 г. в штабе 18-й немецкой армии, говорилось: «Цель кампании – разгромить русские вооружённые силы и сделать Россию неспособной в обозримое время выступить противником Германии.

<...> Русские не окажут нам услуги своим нападением на нас. Мы должны рассчитывать на то, что русские сухопутные войска прибегнут к обороне»[9].

В принятой 15 сентября 1940 г. стратегической разработке оперативного отдела ОКВ по подготовке кампании против СССР говорилось: «Представляется невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов <...> Русское руководство обладает столь низкой оперативностью, а использование железной дороги русским военным командованием даст столь малый эффект, что всякая переброска войск к границе будет сопряжена с большими трудностями и займёт большое время».

Будучи уверенными в невозможности сколько-нибудь результативного наступления советских войск в сторону Германии, немецкие генералы спокойно рассуждали о возможности пренебречь тем, что рано или поздно «наши агрессивные намерения обнаружат по ту сторону границы»[9].

Геббельс, как видно из его дневников, приписывал Сталину страх перед военной машиной Третьего рейха. Даже не важно, был ли у генсека такой страх или его не было, главное в другом. Геббельс подтвердил непреложный факт: в Советском Союзе войны с Германией не хотели. Сталин воздерживался от любых действий, способных дать Гитлеру хотя бы малейший повод для демарша. Советский Союз старался выполнять все обязательства перед Германией, предусмотренные совместными договорами.

В Кремле понимали: шапками немцев не закидать, поскольку к лету 1941 г. они подчинили почти всю континентальную Европу, овладев колоссальными стратегическими ресурсами и, не испытывая активного сопротивления в оккупированных странах, могли сосредоточить против СССР все наличные силы.

Кому выгодны домыслы о войне?

На мировой геополитической сцене продолжается «Большая игра». Каждый участник этой «Игры» стремится использовать не только организационные, экономические и финансовые ресурсы, но и ресурсы моральные. Для России одним из важнейших ресурсов, обеспечивающих ей достойное место в мировом сообществе, является сбережение благодарной памяти о победе наших солдат во Второй мировой войне.

Всем россиянам должно быть понятно, что миф о равной ответственности СССР и Германии за развязывание войны имеет опасные последствия.

Что может вытекать из пересмотра итогов Второй мировой войны?

Если уравнять СССР и гитлеровскую Германию, то окажется, что советские люди ошибались, считая войну Великой Отечественной. К тому же получится, что СССР, в отличие от англосаксонских держав, не входил в число главных борцов против нацизма, а значит, и не имел права на статус великой державы. Стало быть, не имеет такого права и Россия – правопреемница СССР.

Выяснится, что система мировых отношений, согласованная лидерами стран-победительниц в Ялте и Потсдаме, нелегитимна, включая и такой её компонент, как ООН. Вдобавок к этому будет сделан вывод, что Россия несёт ответственность за развязывание Второй мировой войны и потому должна «платить по счетам» всем, кто ей их предъявит. Нынешняя стратегия Запада направлена на ревизию итогов Второй мировой войны итогами холодной войны, в которой Советский Союз потерпел поражение.

Попытки фальсификаторов реанимировать геббельсовский миф связаны со стремлением приравнять большевизм к нацизму. Да, сталинский режим был далёк от либеральных критериев, которые в ряде нынешних средств информации объявлены универсальными для всей человеческой истории. Однако это не отменяет очевидного факта: Советский Союз и гитлеровская Германия были идеологическими антагонистами, и отрицание этого факта является явным отступлением от исторической правды. Антагонистичность двух разных идеологий очевидна: одна из них базировалась на идее интернационального братства, другая – на идее расовой ненависти.

Цели участия Германии и СССР во Второй мировой войне не могли быть равнозначными и потому, что одна сторона выступила агрессором, а другая вынуждена была защищать себя. Целью нацистов было уничтожение нашей страны. Они замахивались не столько на большевизм, сколько на историческую память народов Советского Союза.

Задолго до восточного похода вермахта Геббельс записал в своём дневнике: «Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли»[10].

Нацисты объявляли эти народы «неполноценными» и «второсортными». План «Ост», разработанный под руководством Гиммлера и Розенберга, содержал «квоты» по ликвидации или радикальному сокращению народов СССР, предусматривал «очищение» от местного населения Украины, Белоруссии, Прибалтики и заселение этих земель этническими немцами[18]. Нелепо доказывать, что советское руководство для населения Германии не планировало ничего подобного.

К реализации своих варварских замыслов гитлеровцы приступили с пер-

вых дней войны, тысячами расстреливая мирных жителей, сжигая сёла и деревни, строя лагеря смерти. Народам Советского Союза, для того чтобы сохранить свои цивилизационные перспективы, нужно было во что бы то ни стало победить нацизм, преодолеть обрушившееся на них вселенское зло. Другого выхода у них просто не было.

Примечания

1 *Литвиненко В.* «Странная война» на Западе 1939–1940 гг.: военная катастрофа или ход в «Большой игре»? // Обозреватель-Observer. 2011. № 3. С. 96.

2 1941 год: Документы и материалы. В 2-х кн. / под ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 2. С. 416.

3 *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. М., 1991. Кн. 1. С. 18–27, 32–39, 44, 63, 141, 146–147, 180.

4 *Ленин В., Зиновьев Г.* О Коминтерне: Статьи и документы. М., 1924. С. 49, 55, 58, 70–71.

5 VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сб. док. М., 1975. С. 27.

6 *Гитлер А.* Моя борьба / пер. с нем. М., 1992. С. 34–35.

7 Политика премирования агрессора // Известия. 1938. 4 окт. С. 1.

8 СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.). Документы и материалы/ под ред. А. А. Громыко, А. Н. Грылёва, И. Н. Земскова и др. М., 1971. С. 36, 66, 72, 83, 88, 97, 250, 272, 291.

9 1941 год: Документы и материалы. В 2-х кн. / под ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 18–19, 138, 153–154, 215–217, 223, 227, 231–232, 235, 239, 305–309, 341, 369, 380–381, 452, 500, 776–780.

10 *Ржевская Е. М.* Геббельс: портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 211, 222, 234–235, 247–250, 259, 263–264, 267, 300, 301.

11 Proklamation des Fuhrers an das Deutsche Volk und Note des Auswartigen Amtes an die Sowjet-Regierung nebst Anlagen // Krieg 1939–1945. Berlin, 1991. S. 8.

12 Об основах стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза на западе и на востоке на 1940–1941 годы: Военно-оперативный план // Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 24–29.

13 *Димитров Г.* Дневник (9 марта 1933–6 февраля 1949). София, 1997. С. 128–129, 188, 240.

14 *Уткин А. И.* Письмо Сталину. О чём писал Адольф Гитлер советскому вождю накануне вторжения // Российская газета. 2008. 20 июня.

15 *Суворов В.* Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992. С. 1–30.

16 *Суворов В.* Самоубийство: Зачем Гитлер напал на Советский Союз? М., 2001. С. 185, 193.

17 *Соколов Б.* Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск, 2000. С. 57.

18 «Совершенно секретно! Только для командования!»: Документы и материалы. М., 1967. С. 101.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER http://www.rau.su Тел.: (495) 959-22-53 E-mail: observer@nasled.ru

Неэкономические грани экономики: неосознанное взаимовлияние

Владлен Кривошеев

*Под таким интригующим названием «**Научные и публицистические заметки обществоведов**» вышел труд, сопровожденный подзаголовком, по которому можно судить лишь о скромности авторов, но никак не о характере коллективного междисциплинарного исследование. О том, что это не заметки, а глубокие исследования убедился автор рецензии, приглашающий читателей журнала ознакомиться с этой работой – работой необычной и захватывающей смелостью суждений и остротой оценок нашей действительности.*

Когда я услышал, что Президент России дал указание Правительству снизить инфляцию, то вспомнил, как в далеком моем детстве пионервожатый вел нас в лес раскачивать деревья, чтоб, подняв ветер, разогнать тучи. Мы со смехом толкали могучие стволы сосен, понимая, что это всего лишь шутка, но не осознавали ее как пародию на всех тех, кто путает причину со следствием.

Поставленная Президентом задача свидетельствует о некомпетентности его экономических советников. С точки зрения «чикагского мальчика», апологета неолиберализма, Милтона Фридмана из Чикагского университета, они образованы, верным курсом следуют господа-товарищи!

К первым оголтелым неолибералам – Егору Гайдару, Анатолию Чубайсу и Ирине Хакамаде, перенесшим на российскую почву губительную «шоковую терапию» следует теперь приплюсовать и «мальчика» А. Дворковича, добавляющего себе вес выходом из советчикова закулисья на публичную политическую арену, и «мужа» А. Кудрина, матерого монетариста. Они, верные принципу «Деньги делают деньги,

---

КРИВОШЕЕВ Владлен Михайлович – кандидат экономических наук (Российский новый университет). *E-mail:* vladlenk1@ya.ru

Ключевые слова: глобальный кризис, диагноз экономики, социальное расслоение, китайский опыт, правящая элита, интеллектуальный потенциал.

а банки – ведущий инструмент регулирования экономики», продолжают губить хозяйство России. Они, отделяя реальный сектор (производство) от обращения (финансовые институты), возлагают на последнее задачу вывода экономики из кризиса.

Боже, как они устарели со своими рекомендациями «выхода государства из экономики», стопроцентной приватизацией, распродажей всего и вся.

Экономически передовые страны ныне вдохновляются Карлом Марксом куда больше, чем Милтоном Фридманом, правда, в этом они по идеологическим соображениям не признаются. Но о том свидетельствуют факты: бюджет самой капиталистической страны теперь по абсолютным и относительным показателям более социалистический, чем была роспись государственных доходов и расходов в СССР.

Бóльшую часть его (около 60 %) американцы направляют на программы поддержки наименее защищенных слоев населения, учреждений здравоохранения, образования и культуры, обеспечения жилищем. Но главное, в последние годы в США государство выкупает акционерный капитал в финансовом секторе (*Citigroup, AIG* и др.), то есть не уходит из экономики, а, напротив, увеличивает свое присутствие и влияние на нее. В примерной капиталистической стране дошли до понимания того, что нельзя ставить знак равенства между бизнесом и экономикой. Бизнес внутри экономики, но не равен ей. И только государство, в противовес бизнесу, страдающему лишь за свои прибыли, ответственно за экономику и за судьбы людей – граждан страны, налогоплательщиков, электорат.

Но, увы, далеко не всегда государство способно защитить интересы гражданина в противовес интересам бизнеса.

Дурная иллюстрация тому Госдума и Совет Федерации РФ. По суммам доходов его членов, как утверждает журнал *Forbes*, они занимают первое место среди других парламентов мира, в то время когда Россия находится в пятом-шестом десятке по уровню жизни населения. 12 миллиардеров заседают в российском парламенте. По данным ИноСМИ, 17 депутатов заработали более 100 млн, у 38 депутатов нижней палаты годовой доход намного больше 10 млн руб. *Forbes* насчитал у российских законодателей 41 млрд долл.

Сомневаюсь, чтобы законодатели, чьи доходы в десятки, а то и в сотни раз превышают доходы свих избирателей, были способны отстаивать интересы последних.

Книгу открывает раздел «Диагноз экономики России», состоящий из двух статей. Первая из них – «**Уроки глобального и российского кризиса**» – принадлежит перу академика Олега Тимофеевича Богомолова, руководителя уникального проекта и научного редактора коллективного труда.

О. Т. Богомолов – многолетний директор Института международных экономических и политических исследований РАН, советник РАН, почетный президент Международной экономической ассоциации и проч., и проч.

Но дело не в должностях и званиях, а в эрудиции, владении богатым международным опытом и еще в том, что академик Богомолов бескомпромиссен в отстаивании позиции ученого, не боится говорить представителям власти правду, как бы она ни была горька.

Он пишет: «В переходе России от дикого к цивилизованному и социально ориентированному рынку многое зависит от государства, тех законов и моральных норм поведения, соблюдение которых оно должно обеспечивать своим авторитетом, всеми доступными в его распоряжении средствами.

Поэтому и нужно укреплять государство, а не сводить на нет его экономические функции. Иначе не обуздать частный бизнес в его стремлении к быстрому обогащению, идущему, как правило, вразрез с интересами общего процветания, не сдержать его корпоративный эгоизм».

Об этом же говорил Владимир Владимирович Путин на съезде партии «Единая Россия»: «…власть и деньги должны существовать отдельно <…> Представители крупного бизнеса – это, безусловно, уважаемые люди <…> Смогут ли они, развивая собственный бизнес, который требует сил и времени, оставаться при этом объективными, принимая решения, затрагивающие интересы всей экономики?» (Москва, Гостиный Двор, 1.10.07.).

Подсказка оппозиции. Не требуйте отставки президента и премьера. Они уйдут, а «дети» Милтона Фридмана останутся, гнать нужно их. В качестве помощников и советников нашим руководителям следует пригласить хотя бы авторов междисциплинарного исследования, о коем идет речь. Судя по этому капитальному труду, они способны провести глубокий объективный анализ экономики, общества, социальных институтов и дать практически значимые рекомендации по социально-экономическому оздоровлению России. Они не подвержены влиянию заокеанских экспертов, в них не заподозришь вольных или невольных агентов влияния, кои молятся на «трубу», а не на православный крест. Причем здесь древнейший символ жизни, указующий на многообразие окружающего мира, поймете чуть позже, прочитав статью Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Хотелось бы верить, что и голос авторов второй статьи первого раздела книги академика Р. И. Нигматулина и доктора технических наук Б. И. Нигматулина – «**Исходные теоремы модернизации экономики России**» будет услышан.

Они убедительно доказывают необходимость введения прогрессивной шкалы налогообложения.

К слову, совсем недавно деловой журнал «ФИНАНС» (№ 5 (384), 20.02.2011) сообщил, что за 2010 г. суммарный капитал российских миллиардеров вырос почти на треть(!). По оценке журнала, в минувшем году в список 500 самых богатых вошли те, чье состояние превышает 160 млн долл., что на 10 млн долл. выше докризисного порога. При этом в 2010 г. «ФИНАНС» насчитал 114 россиян с состоянием более 1 млрд долл., а в предкризисном рейтинге за 2007 г. их было 101. Кому кризис и переход на хлеб-воду, а кому мать родна.

Всего же в группу сверхбогатых, продолжаю цитировать статью ученых, входят: 100 тыс. семей (0,2 % от общей численности населения), которые владеют 70 % национального богатства; 200 тыс. семей (0,4 %), которые в 2007 г. имели доход более 30 млн руб. в год. Самая богатая группа – 10 % от всего населения (первая так называемая децильная группа) в России – задекларировала 30,6 % всех открытых денежных доходов страны, а самые бедные – 1,9 %.

Граждане самых бедных двух групп составляют 20 % населения, и все они живут на доходы ниже прожиточного минимума. Такое **неравенство разрушает производительные силы**, что негативно отражается на экономическом росте. Очень доказательно об этом пишет в статье «**Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста**» директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, доктор экономических наук, проф. А. Ю. Шевяков.

Налоговые и другие меры государства способны уровнять темпы роста доходов в крайних группах и вывести из бедности 20% населения. В США и Европейском союзе этому и служит прогрессивная шкала налогообложения.

Признаюсь, никогда раньше не приходило в голову посмотреть на «плоскую» шкалу налогообложения с прагматической точки зрения. Думалось, она решает лишь проблему социальной справедливости – с бóльшим доходом пусть платят больше, с меньшим – меньше, и это справедливо. Но, оказывается, кроме этого разрешается жизненно важная для нашей страны проблема сбалансированности бюджета. Ведь сейчас этот дисбаланс вынуждает вводить новые налоги, акцизы, повышать тарифы, а эти обременения неизбежно переходят в конечную цену товаров, вот и растут цены на все про все, отчего снижается покупательная способность домашних хозяйств, отчего – по-старому, как сам рынок, закону «спрос рождает предложение» – падает производство, сокращаются рабочие места.

Логика, по мнению авторов статьи, здесь такая. Избыточное сосредоточение доходов в малочисленной группе наиболее богатых (избыточное неравенство) оставляет слишком мало доходов большей части народа.

Платежеспособный спрос бедного и среднего классов, являющихся потребителем отечественной продукции, становится недостаточным для покупки производимых товаров. Спрос падает и возникает кризис перепроизводства и кризис неплатежей. А сверхизбыточное неравенство не позволяет оплачивать даже жизненно важные товары по покрывающим издержки ценам. Эти товары и услуги (продовольствие, одежда, ЖКХ, транспорт и др.) приобретаются бедной частью населения по ценам, которые едва покрывают издержки производства. Но повысить цены производители не всегда могут – упадет спрос, сократится производство и понизится прибыль. В результате отрасли, производящие простые, но абсолютно необходимые для жизни блага, хиреют и едва покрывают свои издержки, несут убытки, теряют рабочие места. А люди, естественно, борются с любыми попытками поднять тарифы, потому что при высоких ценах не хватает зарплаты, чтобы оплачивать минимальные потребности и нужды.

Нынешнее распределение доходов и нынешняя налоговая концепция **не гарантируют сохранения государства**, развития народа и производительных сил. На этом пути нет никакой перспективы. И чем дольше откладываются соответствующие реформы, тем тяжелее и болезненнее они будут позднее и тем больше риск деградации страны.

Резоны, будто прогрессивное налогообложение приведет к бóльшему, чем теперь, сокрытию доходов, несостоятельны. Во всех странах, утверждают авторы, никто платить налоги не хочет, особенно богатые. Но государство, опираясь на право, жестко заставляет их это делать, и они платят.

Например, 80% федерального бюджета США обеспечивается налогами, взимаемыми с 20% наиболее высокодоходных граждан. Если бы в США использовалась наша плоская шкала налогов и такие же налоги брались с богатой собственности, то их государственный бюджет сократился бы в 2,5 раза, по сравнению с нынешним, и США перестали бы быть великой державой. Тогда бы в США так же, как в России, деградировали армия, образование, здравоохранение, наука, культура. При этом страдала бы и экономика, ослаблялись производительные силы.

Экономическая элита США, Европы, Японии и других индустриальных стран, в отличие от российской, понимает, что прогрессивное налогообложение спасает капитализм и рыночную экономику от гибели из-за кризиса сбыта, что это не «социалистическая блажь». Состоятельнее доводов не приведешь.

В сборнике кроме уже названного еще четыре раздела: *«Духовно-нравственные основы общественного развития»* (с. 62–295), *«Общественно-политическое устройство»* (с. 296–486), *«Интеллектуальный, научно-технический и демографический потенциал России»* (с. 487–713), *«Российская элита перед вызовами времени»* (с. 714–792). Вынужден оговориться: нет никакой возможности даже просто перечислить все статьи и их авторов. Труд объемом 800 стр., 30 авторов, каждый излагает результаты своих исследований. Поэтому в мой обзор попали наиболее злободневные или наиболее «экзотичные». Приношу свои извинения всем тем, мимо которых я был вынужден пройти, а читателям настоятельно советую: прочтите все статьи, абсолютно все чрезвычайно интересны, оригинальны; ни один из авторов не пользовался компиляциями, это Исследователи с большой буквы, не обремененные грузом каких-либо политических обязательств или идеологических догм.

Главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор Эдуард Яковлевич Баталов открывает второй раздел статьей под названием «**Движущая сила общества**».

Он пишет о движущей силе идей. Казалось бы, идеи это фук, ничто, проку от них в материальной сфере никакого. Какими бы конструктивными они ни были, все равно остаются в сфере духовной жизни. Понятное дело, мы говорим не об идеях изобретателей, кои (идеи) способны обратиться в изделие. Подобное превращение называют инновационным процессом, если только это изделие удается сбыть на рынке.

Э. Баталов пишет об идеях, не имеющих денежной оценки.

В начале статьи автор цитирует крупнейшего экономиста XX в. Д. Кейнса: «...Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром <...> Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей. Правда, это происходит не сразу, а по истечении некоторого времени <...> Рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла» («Общая теория занятости, процента и денег»).

Как известно, Конституция РФ отрицает наличие официальной идеологии. Тем не менее формируется определенный контур новой идеологии. Э. Баталов «подсобрал» некие компоненты этого контура:

– идея сильного централизованного государства, властные органы которого в Центре и на местах образуют единую «вертикаль»;

– идея «суверенной демократии», истолковываемой как демократия, соответствующая специфическим условиям России;

– идея социального государства;

– идея патриотизма;

– идея частной собственности;

– идея конкурентного рынка, в функционировании и регулировании которого активную роль играет государство;

– идея признания церкви как важного, уходящего корнями в историю России негосударственного института, имеющего право на активное участие в общественной жизни;

– идея взаимной толерантности проживающих на территории России этносов и равноценности их культур и исповедуемых ими религий;

– идея признания России как великой державы, внешняя политика которой должна проводиться в соответствии с ее национальными интересами и в целях обеспечения ее национальной безопасности.

Это, пишет автор, лишь идейный контур, который может быть изменен в ту или иную сторону, развернут, дополнен, усечен и т. п. Он, несомненно, будет эволюционировать. И от того, в каком направлении будет протекать эта эволюция, какие идеи в ее процессе будут продуцироваться, транслироваться, восприниматься и реализовываться, кто будет этим заниматься и в каких условиях будет протекать эволюция, во многом зависит судьба России и ее народа. И тут многое вызывает тревогу, заключает автор. И это так. Ведь выходит, что сами идеи не определяют существа дела. Все зависит от того, кто будет ими руководствоваться. Одна и та же идея может быть созидающей и разрушающей, все зависит от лидера, правящей элиты. Разве худы идеи рынка, приватизации, а как они послужили нам в версии Гайдара – Чубайса и иже с ними шокореформаторов?

В этом же разделе статья, которую невозможно пропустить, – «**Общество, экономика, этика в служении Русской Православной Церкви**».

Понятное дело, РПЦ служит этике, обществу, а вот как она оказывается в услужении экономики, трудно представить. Потому статья и привлекает особое внимание.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл вне всякого сомнения пользуется авторитетом у тех, кто принимает решения, определяющие жизнь страны. А потому его статья об одном из важнейших постулатов катехизиса обретает в сборнике особый вес. «Сам Христос говорил о Своей миссии на земле как о служении, и Он пошел в нем до конца <…> – пишет Святейший. – <…> Я был бы очень рад, если бы эту формулу усвоило все наше общество: от элиты до каждого отдельного гражданина. Если мы начнем служить друг другу, поддерживать друг друга и нести друг за друга ответственность – тогда мы достигнем жизненно важного для нас единства перед лицом нынешнего кризиса».

Чтобы более полно представить статью Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, приведу названия всех ее главок, они удивляют охватом сторон жизни безотносительно к постулатам церкви:

– «Духовно-нравственный потенциал молодых»;

– «Вечная ценность труда, солидарности, социальной справедливости»;

– «О нравственной основе информационного общества»;

– «Нравственность, наука, просвещение».

В каждой из них центральная мысль подтверждается текстом Священного Писания. «Нравственность – это способность отличать добро от зла посредством внутренней сигнальной системы. У нас есть такая сигнальная система – это голос нашей совести. Конечно, голос совести можно заглушить, можно пропить, и апостол Павел говорит о сожженной совести (1 Тим. 4:2), но тем не менее существует удивительный факт: люди, живущие в разных куль-

турных средах и даже в разные эпохи, имеют одно и то же понимание добра и зла – фундаментальное понимание, не в деталях, а по сути, – которое опознается голосом человеческой совести». Это из главки «О нравственной основе информационного общества».

В рассуждениях Его Высокопреосвященства удивительным образом уживаются церковнославянская вязь и сленг *IT*-технологий. А статья его – скорее проповедь – интересна, поскольку интересен сам автор как личность. Замечательный наставник, тонкий психолог, перемежая сентенции из Священного Писания с известными фактами из нашей жизни, увлекает читателя, умножая ряды своих последователей.

Есть в статье Предстоятеля РПЦ пассажи, которые с трудом укладываются в голове, не верится, что они вышли из-под пера клирика. Он пишет: «На мой взгляд, потерпели крах не только классическая концепция социализма, но и „капиталистический фундаментализм". Сначала нам говорили о саморегулирующемся рынке, который всегда эффективен, теперь же происходит массированное государственное вмешательство в экономику. На мой взгляд, нынешняя эпоха требует новых методов управления мировым хозяйством, сочетающих в себе эффективное государственное регулирование с поощрением частной инициативы. В качестве примера можно привести опыт Китая, по этому же пути движутся и некоторые страны Латинской Америки. Ведущие государства Запада проводят антикризисную политику национализации жизненно важных для общества корпораций. Означает ли это реанимацию идеологии социализма образца прошлого века? Не думаю. Скорее речь идет о поиске новых форм хозяйствования, отвечающих реалиям нашего времени. В этом смысле интерес к Марксу обоснован. Он достаточно точно описал природу капиталистического способа производства и причины его кризиса. Но актуальны скорее не идеологические постулаты Маркса, а его экономическая аналитика. Для того чтобы успешно преодолеть начавшийся глобальный кризис, необходима серьезная трансформация всей существующей социально-экономической модели в сторону усиления акцента на справедливости проводимой политики, на необходимости корректировки ее в интересах всего общества».

Позволю себе дополнить эти слова обращением к сильным мира сего: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 11, 15; 25, 30).

В сборнике «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние», вышедшем ранее, член-корреспондент РАН Борис Николаевич Кузык удивил результатами наблюдений динамики «российского духовного потенциала». Прослеживание отрезка истории России – от Древнерусского государства (862 г.) до 2005 г. (!). В результате обнаружились закономерности циклического развития духовного потенциала, согласующиеся с циклами развития экономического. Автор выделил четыре волны подъема, длившиеся столетиями и почти полностью соответствовавшие числу спадов.

Теперь экономист Б. Кузык выступил в амплуа философа. В статье «**Духовность и цивилизационный код как экономические факторы**» он, опираясь на прежнее открытие, посрамил неолибералов. Они, толкая Россию на путь цивилизационного развития западного образца, считают, что цивилизации Запада инновационны по своему характеру, а цивилизации Востока – консервативны. Но ведь в жиз-

ненном цикле каждой цивилизации известны периоды взрыва творческой активности и периоды преобладания застоя.

В истории России неоднократно сменялись взлеты и падения, утверждает со знанием дела Б. Кузык. В возникновении волны инноваций в России в 20-е годы XX в., в конце Великой Отечественной войны, в послевоенном превращении в сверхдержаву – не только в военном, но и в научном, культурном и экономическом отношении – важную роль сыграли духовный фактор и преобладающая в стране система цивилизационных ценностей.

Далее автор развивает крайне актуальный для наших дней тезис: главное в любой программе – механизм ее реализации. Отсутствие механизмов осуществления благих намерений – наше самое слабое место. Мы многое перепробовали в своей истории, разные способы организации общественного порядка и общественной деятельности: диктатуру и демократию, земства и советы, вече и митинги, напоминающие вече, общественные палаты и комитеты спасения. Менее всего нам удавалась самоорганизация гражданского общества.

Сейчас наше общество быстро усложняется, констатирует Б. Кузык, и заостряет вывод: управляют этим обществом по-старому. Его возрастающей сложности явно противоречит укоренившаяся в стране система управления: властная вертикаль, повсеместно господствующая партия, попытка действовать только сверху и только командами.

В своем выступлении по телевидению премьер-министр В. В. Путин говорит, что люди должны полагаться не только на государство, но и на себя, но непомерно разрастающееся чиновничество ничего не хочет отдавать на откуп гражданам, оно душит инициативу или просто игнорирует мнение и дела общественности. Главное для возрождения страны, заключает Б. Кузык, понимание и приятие народом государственных целей и задач, взаимопонимание народа и правящей элиты. Будет это – будет и Россия.

Статья членкора РАН Алексея Владимировича Юревича, профессора, доктора психологических наук, замдиректора Института психологии не оставит читателя безучастным, хотя о фактах, из которых он делает удручающие выводы, мы все уже давно и хорошо наслышаны.

Первые же абзацы «**Нравственного состояния современного российского общества**» показывают глубину и размах нравственных недугов, ранящих наше общество. Несмотря на экономические успехи, пишет А. Юревич, внутриполитическую стабилизацию и другие позитивные тенденции 2000-х годов, общее состояние современного российского общества удручает.

Количество убийств на 100 тыс. жителей в России почти в 4 раза выше, чем в США (где ситуация тоже очень неблагополучна), и примерно в 10 раз выше, чем в большинстве европейских стран.

По количеству самоубийств Россия в 3 раза опережает США, занимет второе место в Европе и СНГ (после Казахстана), притом не только среди населения в целом, но и среди молодежи в возрасте до 17 лет.

По индексу коррупции наша страна за шесть лет (с 2002 по 2008 г.) перебралась с 71-го на 147-е место в мире, а общий объем коррупционного годового оборота в России оценивается экспертами в 250–300 млрд долл.

Численность жертв несчастных случаев, таких как техногенные катастрофы, пожары, отравления алкоголем и ДТП, свидетельствует по меньшей мере о безразличном отношении многих наших сограждан к своей и чужой жиз-

ни. Ежегодное количество жертв ДТП в современной России превышает потери нашей страны за все годы Афганской войны.

Вот как выглядят некоторые показатели, демонстрирующие, какое общество мы построили под красивыми лозунгами свободы и демократии:

– ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийц и получают тяжкие телесные повреждения;

– каждый год от жестокости родителей страдают 2 млн детей, а 50 тыс. убегают из дома;

– ежегодно 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями;

– насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье;

– 12 % подростков употребляют наркотики;

– более 20 % детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в России;

– около 1,5 млн российских детей школьного возраста вообще не посещают школу;

– детское и подростковое «социальное дно» охватывает не менее 4 млн чел.;

– темпы роста детской преступности в 15 раз выше роста общей преступности;

– в России около 40 тыс. несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 30-х годов.

По-прежнему широко распространена практика криминального «крышевания», рейдерства, «черного риелторства», финансовых пирамид и других видов мошенничества. Организованная преступность фактически легализована, а многие так называемые авторитетные бизнесмены устраивают публичные презентации своих литературных произведений, в которых наемные литераторы красочно живописуют их криминальные похождения.

По данным опроса, проведенного Общественной палатой РФ, более половины наших сограждан не чувствуют себя сколько-либо защищенными от криминала. Коррупция воистину тотальна, причем продаются как сами чиновники, так и административные должности...

А. Юревич прослеживает влияние общественной нравственности на материальную основу жизни общества – экономику.

В главке *«Причины и последствия безнравственности»* приводятся результаты исследования, проведенного в Институте психологии РАН. Оно позволило выявить измеряемую зависимость нравственного состояния общества с объемом ВВП, иллюстрируемую графиком динамики нравственного состояния и динамики ВВП. Продолжительный упадок нравственности может со временем обрушить ВВП.

Несмотря на позитивные сдвиги последних лет, заключает автор, российское общество по-прежнему «травмировано хаосом». А одной из его главных проблем является не дефицит свободы, в котором нас постоянно обвиняют с Запада (как всегда плохо понимающего, что происходит в России), но прямо противоположное – дефицит контроля, прежде всего контроля внутреннего, нравственного, который неразрывно связан с *нравственной ущербностью во власти*, в госструктурах.

Все это наводит на мысль, что в нынешней России есть только должности во власти, а власти как таковой нет.

О том, как влияет общество на власть, пишет известный социолог Жан Терентьевич Тощенко, член-корреспондент РАН, в статье «**Раскол общественного сознания – угроза преобразованию России**».

Он анализирует влияние общественного сознания на политическую власть, на деятельность социальных

групп, на разные слои населения. Опираясь на результаты обследований, он утверждает, что субъективный фактор как нематериальная сила воздействует на ход социально-экономического, социально-политического и духовно-культурного развития. Не очень-то верится, что такое в России возможно. Критически-недоверчивое отношение по поводу влияния «низов» на «верхи» в нынешней России имеет веское основание, по крайней мере, тому нет никаких доказательств. Статья поможет читателю понять, как именно расслоение общественного сознания может стать препятствием на пути к обновлению России.

В развитых странах «сложилось представление о тесном, почти брачном союзе рыночной экономики и демократической политической системы в идеологическом наряде экономического и политического либерализма». Безошибочный зачин для статьи «**Какая демократия нужна Китаю?**».

Главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, доктор экономики, профессор Людмила Ивановна Кондрашова пишет о недопустимости механического перенесения западного опыта в условия других стран, даже хорошо зарекомендовавшего себя в западной политической действительности.

Автор предупреждает об опасности использования в российской практике чикагской монетаристской теории, согласно которой «деньги делают деньги», минуя рабочие места. Ну да, об этом уж немало твердят ученые, однако наши руководители игнорируют подобные предостережения. Все эти рекомендации для России автор делает на основании анализа китайского опыта. Китайский блок статей в сборнике наверняка будет интересен тем, кто ищет ответ на вопрос: *«Почему в Китае реформы удались, а в России провалились?»* Это заголовок главки в статье «**Китай и Россия: разные модели реформ – разные результаты**» другого специалиста – доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института востоковедения РАН Алексея Васильевича Кивы.

Раскрывая секреты успеха реформ в КНР, А. Кива предупреждает, что не все идет гладко, острых проблем хоть отбавляй: перенаселение, нехватка земли, питьевой воды, экологические проблемы, разрыв в развитии приморских и континентальных районов, в уровне жизни горожан и сельского населения. Миллионы не имеют работы, живут за чертой бедности, в деревнях 150–200 млн «лишних людей».

С одной стороны, ежегодно появляется 11–12 млн «новых ртов», а с другой – жесткое планирование семьи привело к старению нации. У них, как и у нас, более 17% населения старше 60 лет. В Китае уже говорят о ввозе дешевой рабочей силы из Вьетнама и Бангладеш.

Лишь теперь власти взялись за создание общекитайских систем социального обеспечения, здравоохранения и образования. С другой стороны, в Китае забыли о массовом голоде, уносившем миллионы жизней. В разы сократились безработица и численность бедняков. Доходы населения в целом выросли в 10 раз!

Власти взялись за экологию, запрещена вырубка лесов, ужесточен спрос с тех, кто загрязняет среду обитания. Не следует забывать, что в Китае во главу угла поставлено развитие страны: инвестиции достигают 40% ВВП, китайский бизнес по всему миру скупает компании, добывающие сырье, передовые технологии, а не футбольные

клубы, золотые яйца, замки, дворцы и яхты.

Очень серьезные выводы из анализа успехов преобразований в крупнейшей по населению стране мира и теперь уже второй по экономике, прямо относящиеся к нам, содержатся в завершающей части статьи.

Следующий злободневный блок раздела – о коррупции. Заместитель директора Института экономики РАН, доктор экономики, профессор Светлана Павловна Глинкина в статье «**Коррупция: фатальная угроза?**» пишет, если вдуматься, о страшном: «Коррупция становится механизмом формирования государственного аппарата, политической системы, распределения средств государственного бюджета». Губительнее для страны может быть только война с противником сильнее нас.

Коррупция, по результатам исследования С. Глинкиной, «разваливает российскую армию, ставя под угрозу жизни и защищаемых, и защищающих, угрожает здоровью нации, деморализует общество». И словно утешая читателей, автор заявляет: «Руководство страны заговорило о том, что коррупция – „враг номер один“, одно из самых серьезных препятствий на пути модернизации нашей страны». Да, заговорило, но не более того.

Что делается кроме разговоров? Может, стоит перенять опыт Китая? Евросоюз не поймет? Ну да Бог с ним!

Зато нас поймут в США, Японии, Южной Корее и еще в 64 странах, где применяют смертную казнь. Ведь речь на самом деле не о препятствиях «модернизации страны», а ее выживании. Смехотворная мера, словно в издевку над честными людьми, такое могли придумать только сами коррупционеры: а берите, мол, с нас в сто раз больше самой взятки! Мы согласны за взятку давать такую… взятку!

Прочтите вслед за статьей С. Глинкиной статью публициста Юрия Болдырева «**Коррупция как системный порок российского капитализма**» и станет ясно, что «проблема не в том, что никто не знает, что делать, а в том, что ни у власти, ни у общества нет главного – воли к решению проблемы». Повторюсь, не воли нет у власти, а нет самой власти.

Неожиданный поворот в трактовке глобализации доктора исторических наук Карена Нерсесовича Брутенца привлекает внимание к его статье «**Экономическое измерение внешней политики**».

«Соединенные Штаты, – пишет К. Брутенец, – настойчиво добивались и во многом добились широкого, чуть ли не всемирного распространения своей неолиберальной экономической модели <…>, . [направленной] на „американизацию“ глобализации.

При этом для подгонки экономической жизни других стран под американские правила игры, <…> активно использовали такие международные структуры, как Международный валютный фонд и Всемирный банк, где они занимают доминирующее положение».

З. Бжезинский откровенно писал, что «следует считать частью американской системы глобальную сеть специализированных организаций, особенно международные финансовые институты»[1].

Известно, какую активную роль сыграли США в разрушительных про-

---

[1] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. С. 40.

цессах в российской экономике в «реформаторстве» 90-х годов, действуя опять-таки через диктат МВФ, Всемирного банка и иностранных, главным образом американских, советников, которые обладали непомерным влиянием в высших экономических структурах.

Г. Киссинджеру принадлежит достойная оценка всей этой деятельности: «В России МВФ под давлением американской администрации <...> содействовал возникновению олигархической системы, не имевшей никаких оснований»[2].

Лоуренс Саммерс, министр финансов в правительстве Клинтона, лично помогал, отмечает известный американский ученый профессор А. Дивен, проталкивать чудовищный вариант приватизации в России[3].

Да позволит мне автор подкрепить его «фактуру» свидетельством Председателя комитета Госдумы по экономической политике и предпринимательству Евгения Федорова.

В интервью на Радиостанции «Финам FM» (25.01.2010) он сказал: «И если уж честно говорить, откуда возникли российские олигархи конца 90-х годов, то их подбирали американские „чикагские мальчики" в начале 90-х годов. И я напоминаю вам, что наша история, российского государства, базируется на 10 тысячах американских советников, которые сидели во всех министерствах и ведомствах России <...> Так становилось российское государство. И, например, имущественное министерство, Росимущество, это шестиэтажное здание, оно в том же здании было в те времена, в начале 90-х годов, весь шестой этаж занимали американские советники. И они назначали, кому быть олигархом, кому продать <...>»

Карен Брутенц на ряде примеров показывает, как вслед за США Англия, Франция, Китай используют внешнюю политику в решении своих жизненно важных экономических проблем. А Китай, подчеркивает К. Брутенц, является ярким образчиком экономического эффекта внешней политики. «Прагматичное и умелое ее применение для достижения экономических целей – один из секретов успеха китайского „чуда"» (!).

Россия так же не может находиться вне глобальной экономической взаимозависимости и не должна недооценивать возможности, которые таит в себе внешняя политика. «Для нее внешняя среда, общая ситуация в мире имеют, как нам напоминает история, особое значение, тем более сейчас, когда страна переживает переходный период в своем экономическом и политическом развитии. В этих обстоятельствах возрастает значение внешней среды и внешней политики, способность последней обеспечить – а в нынешних условиях это главная задача – благоприятные условия для наращивания экономического потенциала страны, для ее модернизации, не допустить опасной зависимости от экономически более сильных партнеров» – пишет К. Брутенц.

Затем автор перечисляет восемь важнейших, на его взгляд, фактор внешней политики России, и включая такой неординарный, как способность международной проблематики воспламенять патриотическое чувство, национальную гордость. Этот патриотический настрой, умножая человеческий и социальный капитал общества, способен служить мощной силой всестороннего, в том числе экономического, подъема страны.

Убедительное подтверждение этого – под нашим боком.

Речь идет о Китае, где патриотическое чувство граждан, чувство наци-

---

[2] *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика. С. 252–258; The Moscow Times. 2006, March 22.

[3] «The Moscow Times», 2006. March 22.

ональной гордости служили и служат – наряду, конечно, с другими факторами – источником «экономического чуда» страны. К сожалению, – и это не пустая фраза, автор действительно остро сожалеет, – у нас в течение многих лет верхушка интеллигенции, часть средств массовой информации, не жалея сил, оплевывали, награждая всякого рода уничижительными характеристиками, нашу страну, ее историю, ее народ.

Чего стоит хлесткая фраза Новодворской о том, что «русскому народу место у параши», или козыревское «быдло», обращенное к своим соотечественникам, или заявление видного диссидента Амальрика: «...русский народ – выродок истории, у него нет ни одного положительного качества».

Имея в виду это, известный американский политолог А. Янов даже писал о «национальном самоуничижении интеллигентов, вроде Радзиховского, предлагающих великому народу ползти к Западу хоть на коленях».

Эта разрушительная работа достигла своей цели. И сегодня неотложный долг государства, общества и самих граждан вернуть патриотизму достойное место в жизни нашей страны.

Доктор истории, изучив практику соседей и выявив слабую сторону нашей, которая чаще всего сводится лишь к ответной реакции на свершившиеся события, завершает свою статью горькой констатацией: «По сути дела, у России нет тщательно продуманной внешнеэкономической стратегии <...>, иначе говоря, экономическая составляющая внешней политики России нуждается в серьезном совершенствовании».

И тут хочется воскликнуть: «Ау! Где вы, господа экономические советники? Не хватит ли вам циркулировать по миру в качестве публичных политиков и не пора ли сесть за рабочий стол для „нудной“ и невидимой для широкой публики конструктивно-аналитической работы, если, конечно, у вас достаточно будет ума-разума для оной».

Статьями члена-корреспондента РАН Сергея Михайловича Рогова «**Российская наука: жертва рыночных реформ или движущая сила модернизации?**» и академика РАН Владимира Евгеньевича Захарова «**Наука в России и в современном мире**» открывается четвертый раздел сборника «Интеллектуальный, научно-технический и демографический потенциал России».

«Удельный вес России в глобальном экспорте наукоемкой продукции не превышает 0,3%, – сетует Сергей Рогов. – В результате непродуманных реформ в 90-е годы значительная часть отраслевой науки бесследно исчезла. Резко сократилось бюджетное финансирование НИОКР, уменьшилась почти в три раза численность научных исследователей, произошла утрата целых научных школ».

Однако автор, утешая нас, продолжает: «Несмотря на развернутые в некоторых СМИ кампании по дискредитации, Российская академия наук сохраняет традиции академического самоуправления и высокую репутацию в мировом научном сообществе, остается носителем глубокой научной культуры и продолжает вести исследования по достаточно широкому спектру наук».

И это действительно так, достаточно обратиться к Интернету, чтобы получить многочисленные тому подтверждения. Заглянув в План фундаментальных исследований Российской академии наук на период 2006–2025 гг., я насчитал там более 1880 проблем, подчеркну: фундаментальных. Затем набрал в поисковой строке *Google* «Российская академия наук + научные исследования» и получил ответ на

379 тыс. страницах. А с учетом страниц на английском языке – 1 070 000. Если читатель повторит мои поиски, то он тоже убедится в правоте слов академика С. Рогова. Как видно, интерес за рубежом к научным российским исследованиям очень высок.

Так почему же, зададимся вопросом, при таком размахе исследований Россия, по данным Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2010 г. зарегистрировала всего 560 международных заявок на патенты, а США – 44 855, Япония – 36 156, Германия – 17 171, Китай – 12 337, даже маленькая Голландия – 4 097 и т. д.

От всех в мире 162 900 заявок на долю США приходится 27,5 %, а России – 0,34 %.

«У нас безобразная ситуация с патентами, – заявил недавно (08.04.2011) глава государства на встрече с представителями некоммерческих организаций, – значительная часть изобретателей по разным причинам не патентует свои разработки, и большое количество изобретений утекают за границу». Понятно, почему в за рубежом интересуются российским исследованиями. Жаль, что Президент не дал команды разобраться в причинах этого удручающего положения. Он бы узнал, что «...пройтись по чиновничьим кабинетам Роспатента <...> – это настоящий ад. Кроме того, теперь за патентование платит сам изобретатель, а не государство. Он выкладывает деньги и за поддержание патента, чтобы его не аннулировали. Естественно, это многим не по карману» – таково признание бывшего председателя Информационного совета Федеральной службы по интеллектуальной собственности (ФГУ ФИПС) С. Лукницкого (Новые Известия. 2006. 8 февр.).

Зайдите на сайт Роспатента и познакомьтесь с иезуитским документом по вытряхиванию денег из карманов изобретателей.

В 2008 г. ФГУ ФИПС выдала 28 808 патентов, а всего на 31 декабря 2008 г. было 171 536 действующих патентов, из коих количество международных измеряется долями единицы. Данных за 2010 г. Роспатент не публикует, но зато сообщает, что в 2009 г. он получил от сборов с изобретателей 2,4 млн руб. и практически все потратил на самого себя.

Тем и живет организация, призванная продвигать российский интеллектуальный продукт на международный рынок. Чему же тут удивляться, что российские изобретатели бегут из отчего дома!

Вернемся к авторам сборника. «Наука не погибла, но положение ее весьма драматично», – продолжает разговор, начатый Сергеем Роговым, академик Владимир Захаров.

«„Наука должна быть самым возвышенным воплощением Отечества, ибо из всех народов первым всегда будет тот, кто опередит другие в области мысли и умственной деятельности". Эти замечательные слова Луи Пастера цитируются в Послании Президента Федеральному собранию Д. А. Медведева от 12 ноября 2009 г. Однако одновременное снижение на 11,8 % бюджета Российской академии наук, пишет В. Захаров, одобренное и Думой, и Федеральным собранием, находится в резком противоречии с этими словами. Наша политическая элита сочла расходы на науку ненужными и бесполезными, признав тем самым, что опережать другие народы „в области мысли и умственной деятельности" Россия не намерена.

И это происходит в момент, когда российская наука находится в критически плохом состоянии – *худшем, чем когда-либо за 285 лет своего существования*...

Один миллиард в год – это бюджет хорошего американского университета. <...> А таких университетов в США – более сотни.

Академическая наука находится в бедственном состоянии, а заменить ее нечем. Для исторически сложившейся в России формы организации и управления научным сообществом с помощью академических структур в настоящее время не просматривается альтернативы. Взятый же правительством курс – закупать новые технологии за рубежом и оттуда же

приглашать на работу специалистов – убьет российскую науку окончательно. На закупку новых технологий выделяется 600 млрд руб. – сумма, в 30 раз превышающая финансирование институтов Академии наук! Из средств, выделенных на нанологический пузырь, лишь 1 % обещается академической науке.

Нет альтернативы Академии наук и как органу, способному провести серьезную научную экспертизу. Пренебрежительное отношение правительства к академической науке уже приносит свои плоды – поток лженауки захлестнул страну...

Для сегодняшней ситуации с российской наукой трудно найти исторический аналог. Бывали случаи, когда цивилизации гибли в результате внешних вторжений или внутренних войн. Но чтобы страна, которая занимала одно из первых мест в мировой науке, добровольно стала сползать на последнее место, таких прецедентов в мировой истории не было. Вот разве то, что учинили нацисты с германской наукой за 13 лет своего правления.

В начале XX в. германские университеты были лучшими в мире. Сейчас, через 64 года после войны, несмотря на то что Германия является одной из самых богатых и успешных стран в мире и несмотря на приложенные огромные усилия, ее университеты находятся на одном уровне с Австралией, которая в начале XX в. была страной довольно отсталой. Восстанавливать разрушенное несравненно труднее, чем разрушать.

Времени для спасения российской науки почти не осталось. Еще несколько лет и произойдет полный разрыв связи между поколениями ученых! Если не дать возможности еще оставшимся в живых профессионалам передать свой научный опыт и не открыть перед молодыми учеными перспективу, на российской науке можно поставить крест...

Первым следствием угасания науки, ухода из российской действительности профессионалов, занятых наукой ради науки, будет упадок образования. <...> С упадком образования придется распроститься и с надеждой развивать у себя новые технологии – для этого нужны высококвалифицированные кадры. Более того, даже поддержание уже имеющейся технически сложной инфраструктуры станет проблемой, и техногенные катастрофы, вроде той, что случилась на Саяно-Шушенской ГЭС, станут обычным делом. <...> Страна, неспособная идти в ногу с техническим прогрессом, довольно скоро станет беспомощной в военном отношении. <...> Следствием упадка науки и образования в России будет полное падение международного престижа страны. Никакими олимпиадами восстановить его будет невозможно...

Когда-то Маргарет Тэтчер назвала нашу страну Верхней Вольтой с ракетами. Это было не точно. Мы были Верхней Вольтой с ракетами и нобелевскими лауреатами. И когда мы всё прогуляем, отношение к нам будет хуже, чем к Верхней Вольте, где ни ракет, ни нобелевских премий никогда не было. К нам будут относиться как к незадачливому купчику, который разбазарил отцовское состояние. Таких людей не любят на протестантском Западе, а в Китае над ними просто смеются. Мы превратимся в страну-изгоя.

Заметим, что формально мы науку не потеряем. Останутся высшие учебные заведения и люди, называемые профессорами. Будут защищаться диссертации, только их уровень будет неуклонно снижаться. Сохранятся научные журналы, но их уровень содержания и воздействия будет очень низок. В этих журналах можно будет напечатать что угодно, но читать их никто не будет. Ссылаться на то, что в них напечатано, тем более.

В „царстве темных людей" вместо научной статистики будут предсказатели и астрологи, вместо медицины – знахари и целители, вместо историков – фоменки, вместо инженеров – изобретатели вечных двигателей. Следует ожидать, что среди таких людей будут иметь успех самые агрессивные и мракобесные формы религий, самые изуверские секты. Страна превратится в весьма дурно пахнущее болото. Те, кто сегодня меланхолически соглашаются жить в „России без науки", пусть задумаются, хорошо ли им будет в этом болоте.

Заключая этот мрачный прогноз, приходим к неизбежному выводу: от судьбы российской науки зависит судьба России. Потеряв науку, Россия перестанет быть независимым государством, сохраняющим контроль над своей территорией и своими природными богатствами. Это обстоятельство следует положить в основу стратегии будущего развития страны».

Доктор экономических наук Ирина Викторовна Соболева в статье «**Развитие образования – вклад в будущее нации**» развивает тезис о роли образования.

Пожалуй, нет другой области общественной жизни, где экономические и социальные функции оказались бы столь тесно переплетены.

«Наша страна, – пишет автор, – пока что располагает населением с достаточно высоким по мировым стандартам образованием и хорошей профессиональной подготовкой. По таким показателям, как накопленное число лет обучения, распределение населения по уровню образования, доля занятых в сфере НИОКР, мы лишь незначительно отстаем от США и опережаем большинство западных стран.

Сохранившиеся конкурентные преимущества в этой области в подавляющей части унаследованы от дореформенного периода. Тогда образование было *de facto* включено в систему стратегических приоритетов государства и ориентировалось на решение широкого спектра экономических и социальных задач. Государственная политика в сфере образования способствовала не только интенсивному накоплению человеческого капитала, но в не меньшей мере выравниванию возможностей людей, формированию единого мировоззрения, сплочению наций, наращиванию социального ресурса общества. Доступность образования расширяла возможности социальной мобильности, формирования так называемых слабых связей между представителями различных слоев и групп населения, смягчению социального неравенства».

О состоянии и политики, и экономики, и науки можно судить по состоянию высшей школы. Сохранившиеся конкурентные преимущества в этой области в подавляющей части унаследованы от дореформенного периода. (Заметим, все это в равной мере относится и к политике, и экономике, и науке.) Автор с полным основанием утверждает, что выбранная еще в начале 90-х годов прошлого века стратегия реформирования образования (вспомните тысячи заокеанских советников!), не учитывающая особенности этой нерыночной по своей природе отрасли нематериального производства, *ведет к утрате всех преимуществ российской системы образования.* А может, уже привела?

К примеру, студенты-первокурсники журфака МГУ думают, что Арктика и Антарктика это одно и то же, 82 % из них написали контрольный диктант на двойку.

Лишь 18 % из 229 первокурсников на страницу текста сделали 8 и меньше ошибок. Остальные, включая 15 стобалльников ЕГЭ, сделали в среднем по 24–25 ошибок. Практически в каждом слове по 3–4 ошибки, искажающие его смысл до неузнаваемости. «Понять многие слова просто невозможно. Фактически это и не слова, а их условное воспроизведение», – рассказала «Московскому комсомольцу» доцент кафедры стилистики русского языка Анастасия Николаева (МК. РУ. 17.04.2009).

«ЕГЭ уничтожил наше образование на корню, – продолжает доцент. – Это бессовестный обман в национальном масштабе. Суровый, бесчеловечный эксперимент, который провели над нормальными здоровыми детьми, и мы расплатимся за него полной мерой. Ведь люди, которые не могут ни писать, ни говорить, идут на все специальности: медиков, физиков-ядерщиков.

И это еще не самое страшное. Дети не понимают смысла написанного друг другом. А это значит, что мы идем к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество. Мы столкнулись с чем-то страшным.

И это не край бездны: мы уже на дне. Ребята, кстати, и сами понимают, что дело плохо, хотят учиться, готовы бегать по дополнительным занятиям. С некоторыми, например, мы писали диктант в виде любовной записки. Девчонки сделали по 15 ошибок и расплакались...»

Прибавьте к дате публикации 4–5 лет, и плакать будут уже и в политике, и в экономике, и в науке.

Статья «**Проблемы реализации интеллектуального потенциала общества в условиях перехода на инновационный путь развития**» академика Сергея Юрьевича Глазьева словно подводит итог публикациям о науке и высшей школе.

Говоря об экономике, основанной на интеллекте, знании, информации, академик приводит множество фактов, свидетельствующих о серьезном отставании России от развитых и не очень развитых стран в становлении инновационного производства. Причин тому несколько, но есть главная, определяющая – недопонимание органами власти той истины, что без серьезных инвестиций в научно-технический потенциал Россия никогда не сможет перейти на опережающий тип развития, навеки останется страной догоняющей.

После удручающих констатаций С. Глазьев все же находит, хоть и в сослагательном наклонении, возможность выхода из пике: «Если России удастся до крупномасштабной структурной перестройки мировой экономики создать ядро нового технологического уклада, то это позволит обеспечить высокие и устойчивые темпы ее экономического роста». Автор довольно подробно перечисляет условия (их девять) перехода на опережающий тип развития экономики.

Без преувеличения в этом четвертом разделе сборника есть еще несколько статьей, захватывающих своим драматизмом. Иван Николаевич Буздалов, главный научный сотрудник Института экономики РАН, академик РАСХН, доктор экономических наук, профессор в статье с вполне позитивным названием «**Преодоление социальной и производственной деградации села – магистральный путь возрождения России**» ставит диагноз нашему хронически больному сельскому хозяйству.

В 2008 г. в страну ввезли продовольствия на 1 трлн 95 млрд руб., 40 % от всего потребления. (Замечу, что и в 2100 г. он остался на этом же уровне.)

И. Буздалов замечает: «Не хочется думать (что и делают власти) о том, какому риску подвергнется все население в случае перекрытия в чрезвычайной ситуации импортных каналов снабжения. Не ждет ли страну тогда очередная трагедия голодомора?..»

«Пока общество и государство не осознáют, что основное богатство – это люди, граждане, их благополучие и духовное развитие, не достичь ощутимых результатов в экономике» – это ключевой тезис статьи членкора РАН Натальи Михайловны Римашевской «**Сбережение народа – стратегический императив России**».

Автор известен широкой аудитории не только по причине умения просто писать о сложных вещах, но и вскрываемым им проблемам – демографическом кризисе, причинах снижения рождаемости, высокой смертности и низкой продолжительности жизни, социальных причинах снижения уровня здоровья населения и его измерении.

Статья завершается тревожным предупреждением: «Если переломить отрицательную тенденцию в динамике рождаемости и смертности не удастся, то россиянам придется оставить надежду на великое будущее своей страны».

«**Что обещает детство?**», задает вопрос другой, не менее известный ученый и писатель Альберт Анатольевич Лиханов. Председатель Российского детского фонда, директор НИИ детства знает о положении детей много того, чего не знают многие из тех, кто должен был бы знать, – прежде всего законодатели, руководство страны, органы опеки, да и простые граждане, то есть общество.

А. Лиханов пишет, что «в 1991 г. в общей возрастной структуре населения было 40 152 440 детей.

В 2008-м году – 27 млн. По статистике 2007 г. в России всего 142 221 000 чел., из них граждане моложе трудоспособного возраста, то есть дети, вообще составляют 16 %, или 22 755 360 чел.

Как можно определить „усушку“ и „утряску“ детского населения за 17 лет? Потерю целых 13 млн при первом отчете и 17,3 млн при втором?

Оставлю дипломатию дипломатам и означу эту, воочию явленную нам данность как **необъявленную войну детству**, завершающуюся позорной победой самих над собой».

В статье столько фактов и поворотов рассмотрения детской проблематики, что ее (статью) можно признать энциклопедией детства в России эпохи криминального капитализма. Заканчивает свое письмо писатель-исследователь, буквально опустившись на колени, мольбой: «**Милое наше, родное, драгоценное Российское государство! Когда же ты, наконец, в полный фас обернешься к малым сим, чтобы сберечь народ свой?**»

Завершающий пятый раздел «**Российская элита перед вызовами времени**» содержит статьи ряда авторов: социологов, докторов наук Аллы Евгеньевны Чириковой и Ринальба Хикаровича Симоняна, академика РАО, доктора культурологических наук Александра Сергеевича Запесоцкого, а также Михаила Федоровича Ненашева, доктора исторических наук.

«Из рядов интеллигенции выдвигаются общественные и государственные деятели, – пишет А. Запесоцкий, – те, кто управляют государством, становятся властителями умов и душ людей. Но она рождает и отрицательные персонажи истории, творцов зла и отравителей душ, скрывающих за личиной интеллектуала бессовестность и циничное своекорыстие. В российской жизни мы сталкиваемся с тем, и другим <...> Принципиально важно, что интеллигенция всегда была готова жертвовать личным благом ради блага народного, не желая взамен никакой награды, кроме сознания исполненного долга. Тысячи и тысячи врачей, педагогов, научных работников, служащих и др., невзирая на моральные переживания и бедственное материальное положение, трудились на благо страны...

Этого, к сожалению, нельзя сказать о значительной части столичных интеллектуалов, вступивших, по сути дела, в сговор с ельцинской властью и ее олигархами. Известно, что образованный человек, лишенный совести и независимости, являет собой социальный типаж, названный Солженицыным „образованцем“. Именно „образованцы“ льнут к власти и не брезгуют обслуживанием бизнеса даже в самых аморальных его проявлениях. Разумеется, они выдают себя за интеллигентов...

Однако сегодня мало кто назовет интеллигентами, к примеру, Константина Эрнста с его „Ночным дозором“ и „Школой“ или Никиту Михалкова, растерявшего талант художника в погоне за коммерческим успехом».

Ну как не согласиться с этими рассуждениями автора?

Наверняка большинство читателей поддержат и другое его утверждение: «Существует мнение, что гражданская роль и польза для общества интеллигенции – в вечном оппонировании власти. На самом деле это не так. Ведь власть далеко не всегда неправа. Миссия интеллигенции – *оппонировать не власти, а злу, в каком бы обличии оно ни выступало.* Интеллигент – это просвещенный человек, профессионал в своей области, способный быть нравственным примером поведения в любых, даже самых сложных жизненных обстоятельствах. Он не может быть безучастным к бедам и достижениям своего отечества...

В этой связи, – продолжает А. Запесоцкий, – характерно высказывание Д. Лихачева, датированное июнем 1994 г.: „Демократия без нравственности – абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль – вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. <...> А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми“».

Даже из тех немногих статей, что я попытался представить будущему читателю сборника «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» виден круг охвата проблем общества и экономики, находящихся в зависимости от нравственных устоев, духовной составляющей бытия современного человека.

Книга захватывает, потому что она построена на анализе узнаваемых читателем фактов и соотносимых им со своим собственным жизненным опытом, демонстрирует широкий и нестандартный подход к проблемам.

От фактов, анализируемых авторами явлений и рекомендаций нельзя отмахнуться. А потому этот труд должен быть обязательно прочитан представителями всех уровней законодательной и исполнительной власти. И, конечно же, рядовыми гражданами, чье суждение лежит в основе общественного мнения – идейной основы гражданского общества. А без этого как можно проконтролировать тех, кто рулит, да не туда выруливает?

Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / рук. междисципл. проекта и науч. ред. О. Т. Богомолов; зам. рук. междисципл. проекта Б. Н. Кузык. – М.: Институт экономических стратегий, 2010. – 800 с.

ISSN 2074–2975 JUNE 2011 No 6 (257)

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL MAGAZINE

It is published since 1992

Contents

Virtual space of policy and its features 5

S. Volodenkov

This article is devoted to the virtualization of contemporary public political space and related problems of democratic development of nations. Also in the article the manipulative role of modern media and modern information security issues are discussed.

Key words: virtual politics, mediatization policy, political communication, simulacra, political manipulation, public opinion, distribution of power.

About the author: **Volodenkov Sergey.V.** - PhD, Associate Professor. Political Science Faculty of Lomonosov Moscow State University. The department of public policy.

Russia: the Civilization's variety and own Civilization Project 17

V. Shtol

Criticizing the ideological myth of "Russia as part of Europe", supported by a number of well-known scientist, the author marks the contradictions of this approach with Russia's civilizational and geopolitical genesis. In his opinion, this genesis is conditioned by the strategical union of the Slavic and Orthodox basis on one hand and the Turkie and Moslem on the other, as well as with the Euro-Asian Heartland's space.

Key words: Russia, Europe, Civilization, civilizational genesis, civilizational project, geopolitics, Euro-Asian Heartland, globalization, the mankind's perspectives, review.

About the author: **Shtol Vladimir Vladimirovich** - the doctor of political sciences, the professor.

Influence of crisis situations in the Southern Mediterranean on the European security. 33

A. Boyko

In article positions of the western countries from the point of view of modern escalation of threats of security of the Mediterranean region are considered. The author analyzes a complex of economic and political interests of the European Union and NATO, caused their intervention in crisis situations in the south of the Mediterranean, and also the reasons of developing conflicts between the power and broad masses in the Arabian countries.

Key words: security, the Mediterranean, destabilizing calls, "a vulnerability arch".
About the author: **Boyko Anastasia** - listener graduate Diplomatic Academy of the MFA, Russia.

Ben Laden as the phenomenon in modern politics 41

A. Baklanov

The author on the basis of his personal observations gives the vision of the specific role which played in the international terrorist community during last twenty years Osama ben Laden.
The author puts forward his concept of the structure of the "Terrorist International", and also makes remarks concerning sources and ways of financing of terrorist groupings and associations.

Key words: Osama ben Laden, international terrorism, The Kingdom of Saudi Arabia, USA, Sudan, "Al - Quaeda", Hassan Abdella Turabi.
About the author: **Baklanov Andrei Glebovich** - candidate of historical sciences, the Head of the International Department of the Council of Federation (Senate) of the Federal Assembly (the Parliament) of the Russian Federation, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, the Deputy of the Chairman of the Association of the Russian diplomats.

Chinese Foreign and Defense Policy (View from Washington) 48

O. Ivanov

The article focuses attention on the US views on some facts of Chinese foreign and defense policy in the Pacific. Identifies controversial points in the US-Chinese relations in this field, the author also analyses the US perception of Chinese military modernization and how it affects American national interesting the South East Asia.

Key words: US foreign, defense policy, Chinese foreign, South East Asia.
About the author: **Ivanov Oleg P.** - Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Principles of Sarkozy's immigration policy 57

N. Shmeleva

The immigration problem becomes more and more pertinent in Europe and in France. The main challenge is the integration of the non-Chretien and non- European immigrants. A new strategic - "choosen" immigration - was elaborated to face the break threatening France because of this problem.
One can't speak about a radical solution to immigration question, but the new approaches of Nicolas Sarkozy's immigration policy begin to alter the unsettling situation and the nascent tendencies render possible certain optimism as for perspectives on this subject.

Key words: immigration, integration, identity.
About the author: **Shmeleva Nadezhda** - doctoral candidate of the chair of European and American countries history and policy of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia.

Russia - Japan: The present in the Retrospective of the past 67

V. Galitskiy

The article covers the problems of psychological condition of Japanese prisoners of war, behavior psychology; aspects influencing behavior in given conditions, system of moral and political upbringing and traing of Japanese military men before and during the Second World War, influence of the war on psychology of Japanese prisoners of war.
Key words: Japan, Japanese prisoners of war. Psychology of captivity, moral and political training and upbringing.

About the author: **Galitskiy Vladimir Prokhorovich** - Member of the Academy of Military Science, Doctor of Law, Professor, an expert on relations between Russia and Asia Pacific Region countries; on problems of victims of war and armed conflicts. Psychology of captivity.

Face to face with fascist Germany 81

A. Tsvetkov

In the article the aggressive policy of Germany on the eve of the Great Patriotic War, its direct preparations for war against the USSR, and also retaliatory measures of Soviet Union on the repulse of fascist aggression is characterized.

Key words: the Great Patriotic War; aggression; suddenness; shock groupings; investigation; east front; the statement of TASS from June, 14th, 1941.

About the author: **Tsvetkov Anatoly Isaevich** - the doctor of military sciences, the professor, the participant of the Great Patriotic War.

On the threshold of Hitlerite aggression 90

S. Rybakov

The Theme of an attack of Hitlerite Germany to Soviet Union is disputable and polemical. Some historians speak about intrusion of Germans as about full unexpectedness for leaders of the USSR. The history facts show an inconsistency of such opinions. There is also the opposite position connected with attempt to accuse Soviet Union in expansion and to equate it to nazi Germany. Archival materials and certificates of such politicians as the prime minister of the Great Britain Churchill and nazi propagandist Goebbels, deny this vulgar myth.

Key words: the Versailles world, revanchism, nazism, a policy of appeasement, the Munich arrangement, the non-aggression pact, investigation, aggression, suddenness, misinformation, myths, versions, the facts.

About the author: **Rybakov Sergey Vladimirovich** - the doctor of historical sciences, the professor of the Ural Federal University (Ekaterinburg).

Review

Not economic sides of economy: unconscious interference 110

V. Krivosheev

The maintenance of collective work of scientists, publicists, the public figures, devoted to revealing of unevident interdependence of economy, a policy, social institutes, morals, morals reveals. Extensive on coverage of problems interdisciplinary research grasps this boldness, eccentricity and a sharpness of judgements about a current state of economy and a society of modern Russia.The maintenance of collective work of scientists, publicists, the public figures, devoted to revealing of unevident interdependence of economy, a policy, social institutes, morals, reveals. Extensive on coverage of problems interdisciplinary research grasps this boldness, eccentricity and a sharpness of judgements about a current state of economy and a society of modern Russia.

Key words: global crisis, the diagnosis to economy, social stratification, the Chinese experience, ruling elite, a mental potential.

About the author: **Krivosheev Vladlen M.** - Candidate of Economy (Russian New University).

Дизайн Юданова Н. И.

Верстка Беленький Л. М.

Интернет-издание, компьютерное обеспечение,
маркетинг, реализация, реклама
Королев Н. В.

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы: **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959–2253.
E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: http://www.rau.su

Подписано в печать 13.06.2011. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 194.